

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

**ГРАЖДАНСКОЕ,
УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО:
МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ СВЯЗИ
В МЕХАНИЗМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ**

Сборник научных трудов

Межведомственной научно-практической конференции
«Гражданское, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство:
межотраслевые связи в механизме противодействия преступности»
Волгоград, 11–12 апреля 2024 г.

Всероссийской научно-практической конференции
«Политические, идеологические и правовые аспекты
противодействия экстремизму.
Проблемы квалификации и расследования преступлений
экстремисткой направленности»
Волгоград, 28 июня 2024 г.

Волгоград
ВА МВД России
2024

- Г 75 **Гражданское**, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство: межотраслевые связи в механизме противодействия преступности : сборник научных трудов межведомственной научно-практической конференции, Волгоград (11–12 апреля 2024 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Политические, идеологические и правовые аспекты противодействия экстремизму. Проблемы квалификации и расследования преступлений экстремисткой направленности» (Волгоград, 28 июня 2024 г.) / редколлегия : Н. В. Котельников, Е. А. Матвиенко, Н. И. Батурина [и др.]. – Электрон. дан (0,7 Мб). – Волгоград : ВА МВД России, 2024. – 1 электрон. опт. диск (DVD-R). – Систем. требования : частота процессора не менее 2 ГГц ; операционная система от Windows 7 SP1 до Windows 11 ; оперативная память не менее 2 Гб ; 0,7 Мб свобод. диск. пространства ; разрешение экрана не менее 800 x 600 ; оптический привод DVD-ROM/RW ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-7899-1574-5

В сборник научных трудов включены статьи участников межведомственной научно-практической конференции «Гражданское, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство: межотраслевые связи в механизме противодействия преступности» (11–12 апреля 2024 г.) и Всероссийской научно-практической конференции «Политические, идеологические и правовые аспекты противодействия экстремизму. Проблемы квалификации и расследования преступлений экстремисткой направленности» (28 июня 2024 г.)

Издание предназначено курсантам, слушателям, адъюнктам и педагогическим работникам образовательных организаций системы МВД России, сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 34(082)
ББК 67я43

Редакционная коллегия: Н. В. Котельников (председатель), Е. А. Матвиенко (зам. председателя), Н. И. Батурина (отв. секретарь), Н. Н. Бугера, Г. М. Семененко, В. А. Садков.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Материалы межведомственной научно-практической конференции «Гражданское, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство: межотраслевые связи в механизме противодействия преступности»

Аммалайнен В. А.

Особенности представления результатов оперативно-разыскной деятельности по факту совершения хищения, связанного с оказанием услуг по управлению многоквартирными домами, следователю для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.....	6
--	---

Байкова А. П., Заливин А. Н.

Проблема точного исчисления процессуальных сроков и ее влияние на реализацию прав и законных интересов участников уголовного процесса	9
---	---

Барabanова А. А.

Процессуальный порядок допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого с участием законного представителя на стадии предварительного расследования	12
--	----

Батурина Н. И.

Злоупотребление правом в гражданских правоотношениях	16
--	----

Жуланов А. В.

Система наказаний в русском уголовном праве XV–XX вв.	20
--	----

Князева С. И.

Об актуальности законодательного закрепления понятия патронажа в России.....	23
---	----

Кошкина В. В.

Взяточничество как один из видов должностных преступлений	26
---	----

Лихолетов А. А., Фролов В. В.

Взаимосвязь уголовного закона с иноотраслевыми нормами права.....	29
---	----

Михайлов М. Я.

Преступления, связанные с административным надзором за лицами, освобожденными из мест лишения свободы	32
--	----

Мкртчян С. М.

Гражданско-правовой компонент уголовной ответственности за преступления в сфере разработки и применения технологий искусственного интеллекта.....	35
---	----

Самарский А. Н.

Появление понятия преступления и его эволюция в русском уголовном праве XI–XVI вв.	39
--	----

Федосеев П. С.

Аффилированность как коррупциогенный фактор	43
---	----

Чумаченко А. Ю.

Актуальные проблемы защиты прав ребенка несовершеннолетними родителями	46
---	----

Ширалиев И. С.

Миссия уполномоченного органа по профилактике коррупции субъекта Российской Федерации в реализации государственной антикоррупционной политики. Опыт Свердловской области	51
---	----

**Раздел II. Материалы Всероссийской научно-практической конференции
«Политические, идеологические и правовые аспекты
противодействия экстремизму. Проблемы квалификации
и расследования преступлений экстремистской направленности»**

Ануфриева Е. В.

Участие сталинградцев в эвакуации жителей Ленинграда	57
--	----

Боренов А. Ю., Голятина С. М.

Факторы, способствующие вовлечению подростков в террористическую деятельность	61
--	----

Бугера Н. Н.

Террористическая деятельность, террор, терроризм и террористический акт: разные взгляды.....	65
---	----

Виноградова О. П.

Информационное значение социогуманитарной экспертизы при расследовании преступлений, связанных с пропагандой экстремизма.....	69
--	----

Войтов А. В., Гладков Д. В.

Межинституциональное взаимодействие как основа противодействия терроризму и экстремизму	74
--	----

Гаджиев А. Р., Ануфриева Е. В.

От Халкин-Гола до Берлина: боевой путь Моисеенко Николая Самуиловича.....	77
--	----

Демидов Н. Н.

Проблемы изучения религиозного экстремизма среди молодежи в России: социологические аспекты	80
--	----

Дмитриева А. А., Захарья И. Т.

Использование специальных знаний по уголовным делам преступлений экстремистской направленности	83
---	----

Кобылкин Р. А., Котов Р. Д.

Проявления экстремизма среди несовершеннолетних	86
---	----

Козаренко Ю. И.

Некоторые аспекты противодействия терроризму и экстремизму.....	89
---	----

Котлярова О. Н.	
Использование коммерческих информационных платформ и социальных сетей с целью выявления преступлений экстремистской направленности	92
Краинская Г. С.	
Использование биометрических данных при раскрытии и расследовании преступлений террористической направленности	96
Крючков С. В.	
Культурно-исторические истоки экстремизма как социального явления.....	99
Лушников Д. А.	
Механизмы вертикальной дегуманизации в ситуации информационной войны	102
Малявина А. Б.	
Терроризм и экстремизм – угроза XXI века	104
Матвиенко Е. А., Матвиенко Т. Н.	
Организация работы по профилактике экстремизма в современной общеобразовательной школе	108
Намнясева В. В.	
Несообщение о преступлениях террористической направленности: проблемные вопросы уголовной ответственности.....	111
Сысолина Н. С.	
Уголовно-правовое противодействие криминальным лидерам в контексте ответственности за преступления экстремистской направленности в отечественном законодательстве первой четверти XX в.	114
Сведения об авторах.....	118

**Раздел I. Материалы межведомственной научно-практической конференции
«Гражданское, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство:
межотраслевые связи в механизме противодействия преступности»**

В. А. Аммалайнен

ВА МВД России

**Особенности представления результатов
оперативно-разыскной деятельности по факту совершения хищения,
связанного с оказанием услуг по управлению многоквартирными домами,
следователю для решения вопроса о возбуждении уголовного дела**

Возбуждение уголовных дел о хищениях, связанных с оказанием услуг по управлению многоквартирными домами, осуществляется в соответствии с требованиями разд. VII «Возбуждение уголовного дела» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), с учетом своей специфики.

В данной статье не ставится задача рассмотреть все имеющиеся поводы для возбуждения уголовных дел анализируемой категории, внимание будет акцентировано на результатах оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД), которые могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела.

В первую очередь нужно отметить, что результаты ОРД могут:

- служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела;
- быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, предусмотренных УПК РФ;
- использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств [1].

Существует определенная проблематика, касающаяся полноценного использования полученных оперативным путем результатов, что негативно влияет на эффективность осуществления уголовного судопроизводства. Суть проблемы заключается в слабой проработке данного вопроса на законодательном уровне, в части порядка их оформления, представления и объема использования.

В свою очередь результаты ОРД представляются в виде рапорта об обнаружении признаков преступления или сообщения о результатах ОРД в соответствии с п. 6 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [2], который (-ое) составляется должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, и подлежит регистрации в порядке, установленном приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 [3], в Книге учета заявлений и сообщений о преступлениях.

В случае если результаты ОРД представлены для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, они должны быть проверены и верифицированы и содержать достаточные данные, указывающие на признаки состава преступления. Если

полученные сведения не «вошли» в уголовное судопроизводство процессуальным путем, то они останутся вне процесса, имея сугубо ориентирующее значение. Исходя из ч. 2 ст. 74 УПК РФ, которая содержит в себе полный перечень источников доказательств, можно предположить, что результаты ОРД, не присутствующие в данном перечне, самим по себе не могут являться доказательствами.

В качестве примера можно привести случаи, когда в ходе ревизий выявляют необоснованную недостачу денежных средств. Даже если в сложившейся ситуации имеются признаки хищения, дающие основания для возбуждения уголовного дела, их необходимо подвергнуть проверке путем опроса должностных лиц управляющей организации, истребования необходимых документов и ответов на запросы, а также провести иные мероприятия (ранее рассмотренные нами в рамках другой статьи [4, с. 51–52]).

На практике лица, исполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, часто осведомлены о проводимых в отношении них проверках и всячески пытаются противостоять им. В связи с этим крайне важно контролирующим органам поддерживать тесное взаимодействие с сотрудниками подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции, имеющими полномочия на проведение оперативно-разыскных мероприятий, целью которых является выявление виновных лиц в совершении преступлений рассматриваемой категории. Лучше проводить проверку, не привлекая внимания указанных лиц, получить необходимые объяснения и справки по интересующим вопросам, не вызывая подозрений [5, с. 14].

Нужно отметить особую проблематику, возникающую по вопросам, связанным со сведениями, содержащими государственную тайну. С одной стороны, существует межведомственная инструкция, упомянутая ранее, утвержденная совместным приказом, в части легализации оперативных сведений, с другой – она никак не связана ни с УПК РФ, ни с Законом РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. № 5485-1 [6].

Данный пробел законодательства решается практическими сотрудниками в части обмена информацией с лицами, не имеющими соответствующей формы допуска по принципу «минимально – достаточно». Дискуссии о том, как получить результаты ОРД, в последние годы становятся все более оживленными.

В заключение следует отметить, что ОРД по выявлению хищений, связанных с оказанием услуг по управлению многоквартирными домами, требует высокой профессиональной подготовки и координации усилий всех участников процесса. Важно помнить, что борьба с такими преступлениями – это вопрос не только восстановления правопорядка и наказания виновных, но и обеспечения благополучия и безопасности жильцов многоквартирных домов.

Список библиографических ссылок

1. Об утверждении инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД

России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 08.04.2024).

2. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 09.04.2024).

3. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 09.04.2024).

4. Аммалайнен В. А. Методика выявления и раскрытия хищений, связанных с оказанием услуг по управлению многоквартирными домами // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (72). С. 49–52.

5. Загвоздкин Н. Н. Теория и практика совершенствования выявления и расследования преступлений в сфере налогообложения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 25 с.

6. О государственной тайне: закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 09.04.2024).

Библиографический список

1. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. – URL: www.consultant.ru (дата обращения: 08.04.2024).

© Аммалайнен В. А., 2024

А. П. Байкова
Московский университет МВД России
имени В. Я. Кикотя
А. Н. Заливин
Московский университет МВД России
имени В. Я. Кикотя

**Проблема точного исчисления процессуальных сроков
и ее влияние на реализацию прав и законных интересов
участников уголовного процесса**

Одним из значимых аспектов, позволяющих обеспечивать реализацию прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, является точное исчисление установленных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) сроков.

Действующей редакцией УПК РФ установлено, что сроки в уголовном судопроизводстве исчисляются часами, сутками и месяцами. При этом ст. 128 УПК РФ регламентирует порядок исчисления сроков в каждой из названных единиц времени. Однако, несмотря на наличие правовой регламентации правил исчисления сроков в уголовном процессе, в правоприменительной практике нередко возникают сложности с толкованием искомых положений, которые приводят к неправильному исчислению сроков и нарушению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Одной из значимых проблем, возникающих при исчислении сроков, является отсутствие в уголовно-процессуальном законе положения, устанавливающего момент начала течения срока, исчисляемого сутками.

Отсутствие нормативного закрепления указанного момента может стать причиной существенного нарушения прав любой группы участников уголовного судопроизводства, так как срок для принятия должностными лицами и государственными органами, уполномоченными на осуществление уголовного судопроизводства, процессуальных решений нередко устанавливается именно в сутках (например, срок принятия решения по поступившему сообщению о преступлении – ч. 1 ст. 144 УПК РФ; и др.). При этом могут не только нарушаться права участников уголовного судопроизводства, не имеющих властных полномочий, но и отсутствовать реальная возможность у органов предварительного расследования и суда качественно выполнять возложенные на них процессуальные функции в связи с неправильным исчислением срока и вследствие этого его сокращением.

В статье 128 УПК РФ определено, что моментом окончания срока, исчисляемого сутками, являются 24 часа последних суток срока. В связи с этим определение момента начала течения такого срока является необходимым, так как в случае учета части тех суток, которыми начинается течение срока, его окончание в 24 часа последних суток может существенно продлевать данный срок. В данном случае окончанием срока 3 суток, начавшегося, к примеру, 12 апреля в 11 часов 00 минут, будут

являться 24 часа 14 апреля. Если тот час и те сутки, которыми начинается течение срока во внимание не принимать, то, несмотря на то, что окончанием такого срока будут также 24 часа 14 ноября, длительность указанного срока будет меньше на 13 часов по сравнению с первым случаем.

К. Б. Калиновский считает, что для разрешения возникающей проблемы правоприменителю необходимо оценивать, умаляет ли исчисление срока сутками без учета того часа и тех суток, которыми начинается такое исчисление, права и законные интересы личности или, наоборот, благоприятствует их защите [1, с. 142]. При этом в первом случае моментом окончания срока должен являться соответствующий час последних суток срока, а во втором – 24 часа таких суток.

А. Р. Хаметова не соглашается с указанной точкой зрения по причине того, что подобный учет интересов личности «ущемляет принцип состязательности сторон в части «равноправности», так как благоприятность защиты прав одной личности может ограничить права другой, в случае если это сторона обвинения и защиты» [2, с. 136].

Дополнительные сложности при исчислении сроков сутками вызывает наличие в тексте ряда норм УПК РФ указания на необходимость исчисления срока сутками «со дня» наступления определенного события, совершения процессуального действия или принятия решения (например, срок дознания составляет 30 суток со дня возбуждения уголовного дела – ст. 223 УПК РФ; и др.). Такие положения уголовно-процессуального закона требуют учета при исчислении сроков сутками часа и суток, которыми началось течение такого срока. Однако подобное требование содержится не во всех нормах, регламентирующих сроки совершения процессуальных действий и принятия решений, исчисляемые в сутках, что вызывает правовые споры между органами предварительного расследования, органами прокуратуры, судами, а также между представителями различных сторон (обвинения и защиты) в уголовном процессе и препятствует реализации прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

В связи с этим ст. 128 УПК РФ требует внесения изменений, касающихся момента начала течения срока, исчисляемого сутками. В текст данной нормы необходимо внести положение, что моментом начала течения срока, исчисляемого сутками, является соответствующий час первых суток срока. Изложение текста нормы в подобной редакции укажет на необходимость учета части суток, которыми начинается срок, и увеличит продолжительность такого срока, что будет способствовать реализации прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства в полном объеме.

Аналогичная проблема возникает при исчислении сроков часами. УПК РФ в настоящее время не содержит положений, определяющих момент начала и момент окончания срока, исчисляемого часами. Единственное упоминание о начале течения такого срока содержится в ст. 5 УПК РФ и касается исчисления 48-часового срока задержания лица, который начинает исчисляться с момента его фактического задержания (в соответствующие час и минуту). Для остальных сроков, исчисляемых в часах, момент начала и момент окончания УПК РФ не установлен. При этом гра-

мотное исчисление таких сроков также является достаточно важным, так как сроки, исчисляемые часами, установлены для совершения должностными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство, многих процессуальных действий (например, срок, в который лицо должно быть допрошено после задержания, – ч. 1 ст. 92 УПК РФ, срок уведомления прокурора о задержании подозреваемого – ч. 3 ст. 92 УПК РФ; и др.). В связи с этим нарушение порядка исчисления данных сроков может повлечь существенное нарушение прав личности в уголовном процессе.

В. Н. Яшин считает, что отсутствие в УПК РФ положения о том, что час, которым начинается течение срока, при его исчислении во внимание не принимается, означает, что исчисление срока часами будет начинаться с той минуты, с которой начинается течение срока [3, с. 155].

Данная точка зрения обоснованна, так как сроки, исчисляемые в часах, как правило, установлены для совершения определенных процессуальных действий должностными лицами, а значит, подобное исчисление сроков будет способствовать наиболее полной реализации прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, не являющимися уполномоченными на производство процессуальных действий, субъектами.

В целях обеспечения соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства необходимо дополнить текст ст. 128 УПК РФ указанием на то, что срок, исчисляемый часами, начинается в соответствующую минуту первого часа срока, а оканчивается – в соответствующую минуту последнего часа срока.

Список библиографических ссылок

1. Калиновский К. Б. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве и их регламентация по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 04.06.2024).
2. Хаметова А. Р. О порядке исчисления срока сутками в уголовном процессе // Аграрное и земельное право. 2023. № 9 (225). URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 04.06.2024).
3. Яшин В. Н. О некоторых проблемах исчисления сроков в уголовном процессе // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 04.06.2024).

© Заливин А. Н., Байкова А. П., 2024

А. А. Барабанова
Московский университет МВД России
имени В. Я. Кикотя
Научный руководитель:
А. С. Есина
Московский университет МВД России
имени В. Я. Кикотя

**Процессуальный порядок
допроса несовершеннолетнего подозреваемого,
обвиняемого с участием законного представителя
на стадии предварительного расследования**

Преступность среди несовершеннолетних остается серьезной проблемой для российского общества. Так, по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, на конец декабря 2022 г. прирост преступлений, совершенных несовершеннолетними, составил 22,54 %, общее количество преступлений таких составов, как тяжкие и средней тяжести, превысило отметку в 20 тысяч [1]. Следует отметить, что несовершеннолетние не только совершают преступления, но и зачастую сами становятся жертвами преступных действий либо оказываются свидетелями преступления. При этом права и свободы несовершеннолетних должны соблюдаться и обеспечиваться в любой сфере общества, в том числе и в уголовно-процессуальном производстве.

Реализуя принципы ювенальной политики, российский законодатель в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) предусмотрел ряд специальных правил относительно проведения следственных действий с участием несовершеннолетних. Эти правила напрямую коснулись и порядка проведения допроса несовершеннолетнего, что, бесспорно, свидетельствует о заботе со стороны законодателя и направленности его нормотворческой деятельности на обеспечение наибольшего объема гарантий прав несовершеннолетних и защиту их интересов при производстве по уголовному делу.

На первый взгляд, может показаться, что опытному и профессиональному следователю допросить несовершеннолетнего не представляет особого труда. Важно отметить профессионализм субъекта расследования, поскольку в системе органов внутренних дел только опытные следователи / дознаватели, имеющие стаж в профессии не менее трех лет, вправе расследовать преступления, совершенные несовершеннолетними. Такой подход в требованиях к субъекту расследования обусловлен сложностью производства процессуальных и следственных действий с участием несовершеннолетних, которая заключается в том числе и в обязательном присутствии третьих лиц при допросе.

Одним из действенных гарантов обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве выступает правовой институт законного представителя. Необходимость и сущность законного представителя несовер-

шеннолетнего в уголовном процессе вызвана тем, что в силу своего возраста и отсутствия достаточного жизненного опыта, психологических особенностей и множества иных причин несовершеннолетние зачастую не способны в полной мере осознавать характер и значение своих действий, в том числе не в состоянии защищать свои права и интересы в правовом поле и правовыми средствами.

Согласно ч. 1 ст. 426 УПК РФ законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого допускаются к участию в уголовном деле с момента первого допроса. По данному положению закона в научной среде активно ведутся дискуссии.

Так, Э. А. Черных убежден, что присутствие законного представителя в ходе допроса несовершеннолетнего обоснованно необходимостью дополнительных процессуальных гарантий охраны прав несовершеннолетних для установления истины по рассматриваемому уголовному делу [2, с. 176].

Совершенно противоположенное мнение высказывали известные ученые Р. С. Белкин и Л. М. Карнеева [3, с. 886; 4, с. 180], которые справедливо отмечали, что участие законного представителя в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого является крайне нежелательным. В качестве аргументов указанные авторы ссылаются на то, что допрашиваемое несовершеннолетнее лицо при своих законных представителях может испытывать стеснение и смущение (к примеру, если в качестве законного представителя выступают родители несовершеннолетнего лица); законный представитель может оказывать психологическое давление, любыми способами пытаться опровергнуть обвинение в отношении своего ребенка, вводя в заблуждение следователя / дознавателя (в ходе допроса могут быть даны недостоверные сведения о совершенном преступлении).

Отметив справедливость позиции указанных ученых, мы тем самым соглашаемся с их правовой позицией в данном вопросе и разделяем ее. Действительно, нужно признать, что поведение несовершеннолетних при родителях иное, чем когда их нет рядом. Не в оценке «хуже» – «лучше», а просто иное. Как правило, родители нередко идеализируют своих детей, это нормальное и естественное явление. Неслучайно многие родители бывают ошеломлены, когда становится известно о преступлении, совершенном их ребенком. Подобная ситуация не только неприятна для семьи или репутации родителей, она не предполагалась ими совсем. Именно подобное состояние определяет их психологическое настроение при допросе подростка. Анализ правоприменительной практики позволяет утверждать, что во многих случаях вместо конструктивного допроса несовершеннолетнего следователю приходится преодолевать противодействие со стороны законного представителя, противостоять ему, а не осуществлять следственное действие. Возникает вопрос: насколько целесообразно и необходимо присутствие законного представителя при допросе? Если говорить о защите прав и интересов несовершеннолетнего правовыми средствами, то кроме адвоката, защитника никто более профессионально не сможет это сделать. Действующий УПК РФ 2001 г. предусмотрел подобную гарантию, что, на взгляд автора, является совершенно достаточным для обеспечения прав несовершеннолетнего, попавшего в сферу уголовного судопроизводства. При этом, полагаем, что

участие законного представителя во время производства по уголовному делу не следует исключать вовсе, оставив разрешение этого вопроса на усмотрение следователя. Можно перечислить массу обстоятельств, которые нужно учитывать следователю при разрешении вопроса о допуске законного представителя к участию в следственных действиях. Главный принцип, на который надо ориентироваться при разрешении рассматриваемого вопроса, должен быть аналогичен медицинской заповеди «не навреди». В данном случае имеется в виду цель – не навредить расследованию. Иными словами, участие законного представителя в следственном действии не должно создавать проблемы при получении доказательств, не должно препятствовать установлению всех обстоятельств совершенного преступления. В случае если следователю очевидно, что участие законного представителя при производстве допроса положительно влияет на несовершеннолетнего, то следователь вправе допустить его к участию в допросе. В противном случае допрос должен производиться без законного представителя. В любой ситуации будет целесообразно, если следователь оформит свое решение соответствующим мотивированным постановлением.

Если обратиться к нормам Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г., то можно отметить, что ранее этот нормативный правовой акт предусматривал участие законного представителя при производстве по уголовному делу только после ознакомления несовершеннолетнего обвиняемого с материалами уголовного дела (ст. 398 УПК РСФСР), то есть на этапе окончания расследования.

Стоит согласиться с утверждением, что институт законного представителя несовершеннолетнего в уголовном процессе играет важную роль в обеспечении защиты прав и интересов данной категории лиц. Однако мы солидарны с мнением тех авторов, которые выступают за определенное ограничение участия законного представителя в ходе допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. По нашему мнению, в норме уголовно-процессуального закона участие в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, законного представителя должно рассматриваться с позиции не его правоизъявления, а усмотрения следователя / дознавателя в каждом конкретном случае, исходя из обстоятельств расследуемого уголовного преступления. Не исключаем также возможности получения согласия от несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого на участие его законного представителя в следственных действиях. Такой подход, во-первых, позволит исключить формализм в лице субъекта, выступающего законным представителем (в случае если законный представитель – должностное лицо государственного или муниципального органа, на попечении которого находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый). Во-вторых, исключит нежелательное влияние со стороны законного представителя на подростка во время допроса (например, в случаях, когда родители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого ведут аморальный образ жизни, не имеют авторитета у несовершеннолетнего, находятся в конфликтных отношениях и прочее). В-третьих, исключит случаи, когда интересы законного представителя ставятся превыше защиты интересов несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого (например, когда родители, выступающие законными представителями несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, должны в после-

дующем возместить имущественный вред, причиненный преступлением, и выстраивают свою правовую позицию по делу исключительно исходя из данного обстоятельства).

С учетом вышесказанного предлагается внести изменение в п. 3 ч. 2 ст. 426 УПК РФ и сформулировать положение следующим образом: «с разрешения следователя участвовать в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, а также в иных следственных действиях, производимых с его участием и участием защитника». Данное изменение норм уголовно-процессуального закона будет способствовать более эффективному расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними, не ущемит при этом их права и сохранит гарантии их обеспечения в лице адвоката как профессионального юриста.

Список библиографических ссылок

1. Генеральная Прокуратура Российской Федерации: портал правовой статистики. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 04.04.2024).
2. Черных Э. А. Психологические основы допроса несовершеннолетних на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1969. 261 с.
3. Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика: учеб. для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М.: НОРМА, 2000. 990 с.
4. Карнеева Л. М., Ордынский С. С., Розенблит С. Я. Тактика допроса на предварительном следствии. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры. 1958. 208 с.

© Барабанова А. А., 2024

Злоупотребление правом в гражданских правоотношениях

Субъекты гражданского права, вступая в гражданские правоотношения, должны руководствоваться принципом добросовестного поведения, недопустимости намеренного причинения вреда противоположенной стороне. Нарушая установленные гражданским законодательством обозначенные каноны, субъект приобретает положение лица, злоупотребляющего правом по отношению к другому лицу. Установление границ должного поведения участников гражданских правоотношений определяется по правилам ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), но, несмотря на это, в научной среде не утихают дискуссий по поводу юридической природы, применения и реализации института злоупотребления правом.

Приобретая статус участника гражданских правоотношений, лицо обязано осуществлять свои субъективные права и исполнять субъективные обязанности соответствующим образом, исключительно в рамках, определяемых законом. Такое поведение управомоченного лица становится гарантией для других участников гражданских правоотношений по соблюдению их законных прав и интересов. Основной закон Российской Федерации гарантирует физическому лицу, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (ч. 3 ст. 17). Из содержания обозначенной нормы следует вывод, что добросовестная реализация принадлежащих управомоченному лицу прав должна осуществляться и в отношениях, регулируемых нормами гражданского законодательства.

Подход к пониманию злоупотребления правом в научной среде всегда был неоднозначным. Для советского периода было характерно мнение, что если лицо выходило за границы содержания предоставленного ему субъективного права, то его нельзя считать лицом, осуществляющим свое право, тем более лицом, злоупотребляющим своим правом. Такое поведение лица рассматривалось как противоправное, и термин «злоупотребление правом» применялся как условный [1, с. 469]. Вместе с тем существовала и иная позиция ученых, заключающаяся в том, что противопоставление формы содержанию права может привести к нарушению законности со всеми вытекающими последствиями, выражающимися в противоречии с судебной практикой [2, с. 82]. Совершенно справедливо отметил В. П. Грибанов, что как «само содержание субъективного права, так и его осуществление предполагают определенное поведение управомоченного лица» [3, с. 44].

Понятие «злоупотребление правом» может быть использовано лишь при условии, если управомоченный субъект обладает правом, поскольку если он совершает действия, не основанные на его субъективном праве, то говорить о злоупотреблении правом становится невозможно, при этом не имеет значения, имеют ли совершенные действия признаки противоправного или правомерного поведения. Действия, которые могут быть названы как злоупотребление правом, признаются таковыми

только тогда, когда происходит процесс реализации субъективного права и его осуществления за пределами дозволения, установленными законом.

Законодательное определение «злоупотребление правом», устанавливающее пределы осуществления гражданских прав, закрепленное в ст. 10 ГК РФ, было подвержено критике со стороны научного сообщества. Так, по мнению А. П. Сергеева, оно «весьма скупо, в связи с чем некоторые из них приходится выводить из общих начал и смысла гражданского законодательства» [4, с. 317–318].

Под «злоупотреблением правом» законодатель понимает такое поведение управомоченного лица, которое проявляется в заведомо недобросовестном осуществлении гражданских прав. Из этого следует, что, с одной стороны, определяются пределы осуществления субъективных гражданских прав, а с другой – указывается на недобросовестное осуществление гражданских прав или на предполагаемый умысел. В качестве видов действий, при совершении которых поведение лица, реализующего свои субъективные права, может быть расценено как злоупотребление правом, закон называет такие, как:

- осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу;
- действия в обход закона с противоправной целью;
- недобросовестное осуществление гражданских прав;
- использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции или доминирующего положения на рынке.

Понятие пределов осуществления права шире понятия осуществления права в несоответствии с его назначением. Вместе с этим невозможно все случаи, когда управомоченное лицо выходит за пределы своего права, рассматривать как злоупотребление им. Вполне возможна ситуация, когда такое поведение может быть вызвано тем, что другая сторона в правоотношениях не могла реализовать свои права по тем или иным причинам. Для того чтобы квалифицировать такое поведение как злоупотребление правом, необходимо установить, есть ли в действиях, которые на первый взгляд подобны правомерным, нарушение закона.

При определении факта злоупотребления правом немаловажное значение имеет способ осуществления гражданских прав. К примеру, собственник вправе произвести продажу принадлежащего ему имущества как самостоятельно, без ограничений, так и с обязательным соблюдением их. При отчуждении имущества, находящегося в долевой собственности, необходимо учесть правило о преимущественном праве покупки сособственниками. При продаже такого имущества с нарушением указанного правила, без получения согласия сособственников, действия последних не могут быть расценены как злоупотребление правом, поскольку правом может злоупотребить только тот, кому оно принадлежит (ст. 250 ГК РФ). Действия продавца, который все же произвел отчуждение имущества, находящегося в долевой собственности, вопреки установленному правилу, следует отнести к противоправному поведению, поскольку покупатель в такой ситуации имеет возможность защитить свое нарушенное право с помощью способов, предусмотренных ст. 12 ГК РФ либо вовсе отказаться от заключения такого договора.

Нередки случаи, когда добросовестный контрагент сталкивается с незаконными действиями или требованиями противоположной стороны в договорных отношениях. В качестве примера можно привести следующую ситуацию: арендодатель продолжал предъявлять требования о внесении арендной платы арендатором, причем после того, как арендуемое имущество было освобождено арендатором и передано новому арендатору. Свои требования арендодатель основывал на том, что между сторонами был заключен договор аренды на неопределенный срок, который был прекращен по основаниям, предусмотренным п. 2 ст. 610 ГК РФ по инициативе арендатора. Опираясь на это правило, арендодатель полагал, что расторжение договора аренды происходит после истечения трехмесячного срока с момента получения им такого уведомления, соответственно, арендатор не освобождается от обязанности вносить арендную плату до указанного законом срока, несмотря на то, что через несколько дней после его оповещения он освободил занимаемое помещение и произвел оплату за эти дни. В данном случае арендодатель злоупотребил своим правом, попытавшись взыскать арендную плату с первоначального арендатора за период пользования недвижимостью другим арендатором.

Не все случаи злоупотребления правом, выражающиеся в осуществлении гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, могут быть отнесены к случаям, относящимся к осуществлению гражданских прав в противоречии с их назначением, а также к действиям в обход закона. Так, злоупотреблением правом будет считаться требование истца об обязанности заключить договор аренды заложенного имущества, что является «классическим» примером обхода п. 2 ст. 40 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 № 102-ФЗ.

Злоупотребление правом можно рассматривать как разновидность гражданского правонарушения, совершаемого обладателем субъективного права в процессе осуществления им этого права. Поскольку гражданское законодательство предусматривает прямой запрет на совершение лицом действий по злоупотреблению правом, соответственно, в научной среде сформировалось мнение, что такое деяние следует относить именно к одному из видов неправомерного поведения [5].

Для определения наличия факта злоупотребления правом необходимо установить факты и обстоятельства по делу относительно намерения управомоченного лица и найти признаки злоупотребления правом. Как правило, поведение лица по осуществлению права характеризуется объективным и субъективным критериями. Объективный критерий сводится к правомерному или противоправному поведению, субъективный критерий – к виновному поведению. Вопрос отнесения конкретного действия к категории злоупотребления правом должен решаться на основе анализа и сопоставления объективных и субъективных критериев, характеризующих поведение управомоченного субъекта. Для выявления случаев злоупотребления правом необходимо определить факты и обстоятельства, подкрепленные доказательствами, указывающими на негативный результат по причине неверного использования лицом норм права.

Выявляя причину злоупотребления гражданским правом как одну из проблем обеспечения гарантии прав субъектов правоотношений, можно сделать вывод, что определение пределов осуществления гражданских прав не есть ограничение этих прав, такое определение является выражением уже существующего равного положения субъектов гражданских правоотношений.

Список библиографических ссылок

1. Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР. 1964. № 6. С. 469.
2. Братусь С. Н. О пределах осуществления гражданских прав // Правоведение. 1967. № 3. С. 79–86.
3. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав / науч. ред. В. С. Ем; редкол.: Н. В. Козлова, С. М. Корнеев, Е. В. Кулагина, П. А. Панкратов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001. 411 с.
4. Гражданское право: учеб. для студ. высш. учеб. заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция». В 3 т. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2005; Т. 1. 2005. 773 с.
5. Малютина О. А. Злоупотребление правом как способ ограничения конкуренции // Хозяйство и право. 2023. № 8. С. 50–60.

© Батурина Н. И., 2024

Система наказаний в русском уголовном праве XV–XX вв.

В Судебнике 1497 г. [1, с. 40–47] классовая направленность была более ясной, чем в предыдущих памятниках права, что отразилось в системе наказаний.

Целью наказания стало не только покарать преступника и возместить ущерб, но и напугать. Наказания часто проводились в публичных местах, особенно для тех, кто участвовал в беспорядках и бунтах. Еще одной особенностью была неопределенность в применении наказания – указывался только вид, но не детали, что оставляло пространство для субъективности судьи.

Судебник предусматривал четыре вида наказания. Уголовная система в России XV–XVII вв. характеризовалась суровостью и жестокостью, преследуя цели поддержания правопорядка, защиты общественной справедливости и устрашения населения. В то время уголовное право находилось на начальном этапе своего формирования, а система наказаний еще не была до конца определена [2].

Основные виды наказаний в России в XV–XVII вв.:

1. Казнь. К этому виду наказания относились отсечение головы, сожжение на костре и повешение, которые использовались в зависимости от тяжести преступления (например, поджог, убийство зависимым своего хозяина, сожжение городов, церквей, любые «злые дела», повторная кража). Казнь была самой ужасной и жесточайшей формой наказания. На практике также существовали квалифицированные смертные приговоры, в которые входили определенные виды пыток, включая четвертование и порку, сажание на кол и заливание металла в горло.

2. Изгнание. Этот вид наказания подразумевал ссылку преступника в отдаленное место, в котором он жил с ограниченной свободой в течение определенного времени.

3. Каторжные работы. Означали тяжелый труд на государственных предприятиях или в частной собственности крестьян.

4. Розги. Розги были самым простым видом наказания, обычно применявшимся за мелкое воровство и другие правонарушения.

5. Другие виды наказаний. Помимо основных видов наказаний в России XV–XVII вв. существовали и другие методы. Например, одним из самых известных было наказание в виде гравировки буквы «В» («вор», «воровка») на одежде преступника, чтобы его проступок был известен всем.

Однако существовала критика со стороны населения, так как такие наказания были жестокими и не приводили к перевоспитанию преступников. В дальнейшем Россия пошла по пути развития уголовно-исполнительной системы, сделав ее менее суровой и более гуманной в соответствии с современными представлениями о правовой и политической культуре.

Торговые казни впервые стали применяться за порчу пограничных знаков на землях феодалов. Порка была достаточно суровым наказанием, особенно когда

наносили несколько ударов. Полученные тяжелые раны приводили к смерти наказанного.

«Продажа» относится к штрафу в пользу князя или лица, осуществлявшего правосудие. Часто «продажа» служила дополнительным наказанием к смертной казни или телесным наказаниям. Размер «продажи» оставался на усмотрение суда, что иногда приводило к потере значительной части или конфискации всего имущества. В случае словесных оскорблений или злонамеренной клеветы «продажа» может быть применена в качестве отдельного наказания. Если имущества преступника было недостаточно для выплаты требуемой суммы, преступник «продавался», то есть передавался истцу в качестве крепостного до тех пор, пока долг не был погашен.

Наказания, не предусмотренные судебным законодательством, такие как тюремное заключение, принудительное пребывание в монастыре, ссылка и пожизненное заключение, применялись в первую очередь к высокопоставленным изменникам и подстрекателям из числа царских князей и высокопоставленных бояр. За нанесение увечий применялись классические наказания того времени (ослепление, отсечение языка при «безбожной речи»).

Цель наказания в Соборном уложении иная. Во-первых, она не отходит от целей, которыми руководствовались власти во времена Русской Правды, – месть и имущественные интересы.

Второй целью наказания, унаследованной от Русской Правды, являются имущественные выгоды. Сюда относятся только наказания, выбранные и установленные по материальным соображениям, такие как штраф, конфискация и ссылка.

Судебные законы в Соборном уложении отличались от Уложения «Русской Правды» и судебных грамот, они решали новую задачу от имени государства по наказанию преступников. Основная цель заключалась в защите общества от преступлений и преступников, что могло быть достигнуто различными способами. Существует мнение, что основной целью наказания в Соборном уложении следует считать уничтожение преступников. Такое утверждение можно принять, если за каждое преступление будет предусмотрено одно из этих наказаний: смертная казнь, бессрочное изгнание, тюремное заключение. Однако, как мы видим, существует множество видов наказаний, которые не подпадают под данную цель. Чтобы достичь этой цели, необходимо сначала перевоспитать самого преступника. Только в случае, когда общество убедится, что преступник вышел из-под контроля, государство прибегает к необратимым мерам наказания [3].

Классификация систем наказаний:

1. Индивидуальность наказания: дети или жена нарушителя не несут ответственность за его действия. Однако в Соборном уложении сохранялись архаичные элементы уголовной системы, например ответственность третьих лиц за совершенные действия преступников. Помещик, убивший чужого крестьянина, обязан был передать другого крестьянина пострадавшей стороне.

2. Сословный характер наказания: проявляется в том, что разные подданные за одно и то же преступление несли разную ответственность. Простолюдины, например, наказывались поркой, а бояре – лишением чести.

3. Неопределенность в установлении наказания. Наказания в Соборном уложении были неопределенными, и их целью было запугивание. В решении не указывался конкретный вид наказания, но использовались такие термины, как «определено государем», «небрежное» и «жестокое наказание» [4, с. 23–28]. Более того, за одно преступление можно было применить несколько наказаний. Например, за кражу могла быть применена порка, отрезание уха, тюремное заключение и изгнание, причем длительность наказания увеличивалась с повторной кражей, а за третью кражу предусматривалась смертная казнь.

Неопределенность наказания оказывала дополнительное психологическое воздействие на преступников. Введение смертной казни имело социально-психологическую цель.

Подводя итоги, отметим, что в XIV–XVI вв. формирование централизованной власти и укрепление государства привели к изменениям в законодательстве и наказаниях. В этот период начал формироваться институт уголовного судопроизводства, а наказание стало более индивидуальным.

В XIX в. началось формирование новой системы уголовного наказания, связанной с развитием государства и централизацией власти. Этот период ознаменовался кодификацией законодательства и введением новой системы наказаний, основанной на принципах индивидуальной ответственности и соразмерности наказания с преступлением.

Список библиографических ссылок

1. История государства и права России XI–XIX вв.: учеб. пособие / А. В. Жуланов, А. Н. Самарский, О. М. Дорошенко, А. А. Базулина. М.: Русайнс, 2021. 268 с. URL: <https://book.ru> (дата обращения: 04.06.2024).
2. История России до конца XVII века (вторая треть XVI в. – XVII в.): учеб. для вузов / А. И. Филюшкин [и др.]; отв. ред. А. И. Филюшкин. М.: Юрайт, 2024. 281 с.
3. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: в 2 ч. М.: Юрайт, 2024. Ч. 2. 446 с. URL: <https://urait.ru> (дата обращения: 16.04.2024).
4. Юшин В. Ю. Историко-юридическая характеристика военно-уголовного законодательства России // Военно-юридический журнал. 2008. № 4. С. 23–28. URL: <https://www.elibrary.ru> (дата обращения: 10.05.2024).

© Жуланов А. В., 2024

С. И. Князева
Санкт-Петербургский университет МВД России
Научный руководитель:
Ю. А. Лозина
Санкт-Петербургский университет МВД России

Об актуальности законодательного закрепления понятия патронажа в России

В российском законодательстве нет единого закреплённого определения термина «патронаж». Однако есть различные точки зрения, высказанные научными деятелями, которые отражают суть этого понятия.

По мнению Е. И. Холостовой, «патронаж – это вид социального обслуживания, осуществляющийся преимущественно на дому. Поддержка оказывается лицам, которые находятся в зоне риска. Социальное обслуживание заключается в постоянном надзоре, регулярном посещении квартир социальными работниками» [1, с. 24].

Позиция доктора педагогических наук Л. В. Мардахаева заключается в том, что «патронаж – оказание именно медико-социальной помощи одиноким и престарелым людям. Это форма профилактической работы, заключающаяся в обследовании условий труда и быта лиц, находящихся на учете; проведение на дому различных оздоровительных мероприятий» [2, с. 98].

Отсутствие единого определения приводит к следующей проблеме: различные регионы страны интерпретируют ст. 41 ГК РФ индивидуально: в постановлении Правительства Белгородской области № 58-пп закреплён социально-психологический вид патронажа, представляющий собой «систематическое наблюдение... своевременное выявление ситуаций психологического дискомфорта, способствующего усугублению трудной жизненной ситуации...» [3]. Данный вид патронажа ограниченно определен и применяется лишь в Белгородской области. В законе Санкт-Петербурга № 717-135 расписаны несколько видов помощи, предоставляемой поставщиками социальных услуг своим подопечным [4]: социально-педагогические, социально-трудовые, социально-правовые. Однако в этом законе «патронаж» не рассматривается как отдельный вид услуг, он попадает в общий комплекс социальной помощи.

Статья 41 ГК РФ частично регламентирует вопросы, касающиеся патронажной деятельности: даются пояснения, над кем устанавливается патронаж, каким способом он оформляется и когда прекращает свое существование. Уточняется также, что взаимоотношения между участниками могут основываться на договоре поручения или договоре доверительного управления имуществом.

Патронажные услуги зачастую путают с опекой и попечительством. Опека и попечительство устанавливаются над недееспособными или не полностью дееспособными гражданами, а патронаж предназначен для лиц, которые по состоянию здоровья не в силах заботиться о себе самостоятельно, однако все юридически значимые действия они могут совершать от своего имени.

Судебное решение № 2-543/07 [2] показывает разницу между данными понятиями. Гражданка N предъявила иск о признании дарения ничтожной сделкой, сославшись на то, что ответчик есть ее помощник, в связи с этим сделка не соответствовала требованиям закона (п. 3 ст. 37 ГК РФ). Ответчик пояснил, что над гражданкой N было установлено попечительство в форме патронажа. Суд решил, что патронаж хоть и является разновидностью попечительства, однако устанавливается над гражданами, являющимися дееспособными, следовательно, запрет на заключение сделок между подопечным и попечителем не распространяется.

В 2020 г. гражданка Ильина обратилась в суд с заявлением о признании недействующими нескольких пунктов Положения о порядке установления патронажа... на территории Ульяновской области [5]. Пункт 2.2 требовал представления документов, которые не влияли на установление патронажа; подпункт 4.1.1 предусматривал составление акта материально-бытовых условий гражданина, что не являлось обязательным для установления патронажа. Суд удовлетворил заявление гражданки Ильиной и признал перечисленные пункты недействительными. Данное дело показывает, что региональные законы не всегда составляются корректно.

Пожилые доверчивые люди – это самые легкие жертвы для мошенников (ст. 159 УК РФ). Поэтому важно помнить, что социальные работники всегда закреплены за своими подопечными, у них есть удостоверения. Подлинные соцработники никому ничего не предлагают, они никогда не звонят и не начинают выведывать данные об имуществе. На юге столицы стал известен случай, когда лжесоцработник ограбил 92-летнюю пенсионерку. Проникнув в квартиру, аферист украл у женщины 20 тысяч рублей. И такой случай не единственный, поэтому мы считаем, что для эффективной борьбы с данным видом мошенничества сотрудникам полиции необходимо моделировать возможные ситуации и подробно о них рассказывать пожилым людям, то есть внести больше практики в свои профилактические беседы.

В целом качественное распространение патронажных услуг – межведомственная проблема, которую можно преодолеть только с помощью усилий различных ведомств. Например, с юридической точки зрения целесообразно внесение определения патронажа в гражданское законодательство, которое систематизирует региональные законы, судебную практику, ограничит распространение виртуального мошенничества.

Список библиографических ссылок

1. Алексеева Л. С. Методики адресного социального патроната: науч.-метод. пособие. М.: Гос. науч.-исслед. ин-т семьи и воспитания, 2001. 198, [1] с.
2. Баянов С. В. Сделки между патронируемым лицом и его помощником, желательные к совершению в нотариальной форме // Пролог: журнал о праве. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 22.02.2024).
3. Об утверждении порядков предоставления социальных услуг: постановление Правительства Белгородской области от 4 февраля 2019 г. № 58-пп (с изм. на 6 сен-

тября 2022 г.) // Кодекс: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения: 22.02.2024).

4. О социальном обслуживании населения в Санкт-Петербурге: закон Санкт-Петербурга от 26 декабря 2014 г. № 717-135 (с изм. на 29 марта 2023 г.). URL: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения: 22.02.2024).

5. Определение от 9 июня 2020 г. по делу № 80-П0-20. URL: <https://www.vsrp.ru> (дата обращения: 22.02.2024).

Библиографический список

1. Мардахаев, Л. В. Социальная педагогика : учебник / Л. В. Мардахаев. – Москва : Гардарики, 2005. – 269 с.

© Князева С. И., 2024

Взятничество как один из видов должностных преступлений

В настоящий момент все больше возрастает негативное отношение к взяточничеству среди населения. В средствах массовой информации все чаще упоминается о случаях задержания лиц, занимающих высокое должностное положение в различных сферах, за рассматриваемое противоправное деяние, что, в свою очередь, формирует у общества отрицательное отношение к государственным структурам и лицам, выполняющим в том числе управленческие функции. Кроме того, имеет место латентность преступности данного вида, в то время как антикоррупционная политика государства недостаточно эффективна, а уголовно-правовые механизмы борьбы со взяточничеством работают слабо.

Согласно статистическим данным Судебного Департамента при Верховном суде РФ, в 2018 г. за взяточничество осуждено 5 134 лица, в 2019 г. – 5 008, что на 2,4 % меньше предыдущего года, в 2020 г. – 4 246, в этот период показатели также снизились на 15,2 %, в 2021 г. – 5 507, что на 22,8 % выше, чем за предыдущий год, в 2022 г. – 6 484 лица, что является самым высоким показателем с 2018 г. [1]

Взяточничество относится к преступлениям, которые совершаются только с прямым умыслом.

Статьи о взяточничестве не предполагают наличия специальной цели, однако упоминание о ней мы можем встретить в теоретических источниках. Цель получения взятки всегда корыстная, хотя об этом и не сказано в статье напрямую, но это вытекает из ее содержания [2]. Цель дачи взятки также лежит на поверхности – это выполнение (невыполнение) служебного действия (бездействия) должностного лица в интересах самого взяткодателя или представляемых им третьих лиц (юридических, физических) [2].

Если при производстве по уголовному делу будет установлено отсутствие умысла на совершение преступления, то оно не может относиться к взяточничеству, поскольку в случае взятки всегда присутствует цель незаконного обогащения. Даже если у виновного присутствуют иные мотивы – сострадания, взаимовыручки и т. п., наличие материальной выгоды свидетельствует о наличии корыстной цели. При даче взятки у лица также должна присутствовать цель, заключающаяся именно в нарушении установленного порядка, в каком-либо нарушении со стороны должностного лица в интересах взяткодателя.

Субъект взяточничества может быть как общим, так и специальным, в зависимости от рассматриваемой статьи. Общим субъектом преступления является лицо, дающее взятку, а также посредник во взяточничестве. Однако есть группа деяний, которая предполагает наличие у взяткодателя определенного правового статуса.

Речь идет об уголовных делах, где взяткодателями выступают лица, передавшие взятку за попустительство или покровительство на службе. В таком случае необходимо установить зависимость взяткодателя от взяткополучателя служебного, надзорного или организационно-распорядительного характера.

Однако это, скорее, частные случаи. В основном по данной категории уголовных дел специальными субъектами выступают взяткополучатели, которые могут быть должностными лицами, иностранными должностными лицами либо должностными лицами публичной международной организации.

Понятие должностного лица содержится в примечании к ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [3]. В связи с изменениями в УК РФ в феврале 2021 г. данное определение подверглось расширительной трактовке, следовательно, требуют уточнения некоторые термины, используемые в нем. При квалификации указанных деяний необходимо выяснить, на каком основании должностное лицо осуществляло функции представителя власти. Во-первых, это может быть предусмотрено должностной инструкцией или соответствующим нормативным правовым актом. Например, следователь расследует уголовное дело на основании полномочий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации [4], сотрудники уголовного розыска – на основании Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ [5]. Указанные лица выполняют свои полномочия постоянно.

Кроме того, должностные лица могут быть временно исполняющими обязанности какого-либо должностного лица, при этом на данное лицо возлагается тот же объем полномочий и ответственность, что и на лицо, чья должность в данный момент замещается.

Субъект преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 291.1 УК РФ, специальный, поскольку в указанной части речь идет о совершении деяния с использованием своего служебного положения. В данном случае преступники не обязательно должны иметь статус должностного лица, главное, чтобы посредничество во взяточничестве было совершено лицом благодаря его месту службы.

Кроме того, специальными субъектами можно назвать лиц, совершающих преступления в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной группы. Данный квалифицирующий признак устанавливается на основе положений общей части УК РФ о формах соучастия, но имеет свои особенности.

В отличие от группы лиц по предварительному сговору, организованная группа может включать в себя и не должностных лиц.

Привлечение по статьям, где предусмотрена ответственность за совершения преступления в соучастии, возможно только при превышении стоимости предмета преступления в 10 000 рублей. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 16 октября 2013 г. № 24 [6] определено, что в случае совершения мелкого взяточничества не играет роли факт совершения преступления единолично или в соучастии. Ответственность при взяточничестве до 10 000 рублей наступает по ст. 291.2 УК РФ.

Таким образом, субъект преступления, предусмотренного ст. 290, ч. 2 ст. 291.1, ст. 291.2 УК РФ, – специальный; также специальным субъектом выступает лицо, которое передает взятку лицу в целях попустительства или покровительства по службе, в остальных случаях субъекты общие. Определение должностного статуса субъекта взяточничества осложняется тем, что для его установления необходимо обращение не только к УК РФ, но и к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Список библиографических ссылок

1. Судебный Департамент: сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 10.03.2024).
2. Изосимов С. В. Субъективная сторона получения и дачи взятки: уголовно-правовой анализ // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 2. С. 35–41.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.04.2024) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2024).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ч. I. Ст. 4921.
5. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
6. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2013 г. № 24 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2024).

© Кошкина В. В., 2024

Взаимосвязь уголовного закона с иноотраслевыми нормами права

В современной действительности существуют два направления в развитии российской правовой системы. Первое из них заключается в разделении права на самостоятельные части, а именно разграничении частного и публичного права, выделении новых отраслей законодательства, дифференциации отраслей на подотрасли, а подотраслей, в свою очередь, на юридические институты и т. д. Второе же, являясь полной противоположностью предыдущему направлению, основывается на систематизации и унификации существующей нормативной правовой базы (соединение отдельных законодательных положений в институты, объединение схожих институтов в отрасли с их последующей кодификацией, соединение отраслей в единую законодательную систему и т. д.) [1, с. 77].

Особо значимое проявление последнего из названных направлений – действие правовых институтов, норм и их элементов в условиях межотраслевых связей, образующихся между различными отраслями законодательства в результате правового регулирования и охраны разнообразных общественных отношений и отражающих их определенную зависимость друг от друга.

При рассмотрении межотраслевых связей наибольший интерес, как нам кажется, представляет вопрос взаимодействия уголовного закона с иноотраслевыми правовыми нормами, так как именно уголовное право определяет наиболее опасные для общества деяния и устанавливает ответственность за их совершение.

Говоря о взаимодействии норм разных отраслей права, стоит отметить, что оно должно строиться на принципе непротиворечивости. Положения одного нормативного правового акта должны соответствовать нормам другого. Р. В. Лившиц писал в своих трудах: «Обеспечение непротиворечивости всей системы законодательства – одна из основных задач законодателя» [2, с. 120].

Наиболее плотное взаимодействие происходит между уголовным и уголовно-процессуальным законами. Обе эти правовые отрасли обладают своими собственными предметами и методами правового регулирования, но в рамках осуществления уголовного судопроизводства они применяются совокупно. УК РФ является материальным законом, определяющим понятие преступления и перечень преступных деяний, устанавливающим основания и принципы уголовной ответственности, в то время как УПК РФ определяет порядок уголовного судопроизводства в Российской Федерации. Иначе можно сказать, что уголовно-процессуальный закон – это «форма жизни» уголовного права. Используя УК РФ, мы можем лишь квалифицировать преступление и определить за него наказание, но без применения положений УПК РФ, регламентирующих порядок возбуждения уголовного дела, проведения предварительного

расследования, предъявления обвинения, направления дела в суд и рассмотрения его в суде, все это не будет иметь смысла.

Особой формой отражения связей между отраслями права является бланкетность правовых норм, т. е. отсутствие в них конкретного содержания при наличии ссылок на нормы других отраслей права и (или) иные нормативные правовые акты, в которых раскрывается это содержание. Например, в ст. 20 УПК РФ определяются виды уголовного преследования, но содержание деяний, за совершение которых лицо подвергается тому или иному виду уголовного преследования, описывается только в УК РФ. Данная статья просто теряет свой смысл без соответствующих уголовно-правовых норм.

В своих трудах Н. И. Пикуров пишет: «Порожденное бланкетной диспозицией нормативное образование, включающее в себя разноотраслевые нормы, представляет собой относительно самостоятельный юридический организм, выходящий за рамки тех отраслей права, которые представляют каждая из взаимодействующих норм» [3, с. 318]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что бланкетные нормы, как особая форма взаимосвязи отраслей законодательства, не просто отсылают нас к нормативным актам иных отраслей права, а буквально пытаются «сплести» эти отрасли воедино, обретая силу исключительно в рамках межотраслевого взаимодействия.

Что касается связи уголовного закона с отраслями частного права, то тут наиболее значимым является межотраслевое взаимодействие уголовного и гражданского права. В основном оно проявляется в двух аспектах:

- использование гражданско-правовых категорий и критериев в таких преступных составах, как кража (ст. 158 УК РФ) и мошенничество (ст. 159–159.6 УК РФ), а также в общественно опасных деяниях, описанных в гл. 22 УК РФ;
- возмещение материального и морального вреда лицам, потерпевшим от данных видов преступлений.

Говоря о краже, мы видим, что сама формулировка этого состава содержит вещный элемент: «кража – тайное хищение чужого имущества», т. е. с самого начала предполагается принадлежность имущества другому лицу. Да и сам термин «имущество» относится к гражданско-правовым понятиям. В квалифицированных же составах этого деяния используются такие гражданско-правовые категории, как «помещение» и «хранилище».

Для отделения состава преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ, от иных специальных составов, таких как, например, ст. 226 УК РФ – хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, используется критерий оборотоспособности объектов гражданских прав. Объекты, которые не могут находиться в свободном обороте, выступают основанием выделения специальных составов преступлений.

Изучив ст. 159 УК РФ, можно заметить, что в ч. 5 этой статьи также применяются понятия из гражданского права (договорное обязательство и предпринимательская деятельность). При определении вида мошенничества гражданское право тоже играет немаловажную роль. Например, состав мошенничества в сфере кредитования

(ст. 159.1 УК РФ) основан на особых гражданско-правовых отношениях между кредитором и заемщиком «при представлении банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений» [4, с. 573–574].

Для возмещения лицам материального и морального вреда, причиненного преступлением, существует возможность предъявления гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства. Данное право позволяет лицу наиболее оперативно, в рамках периода производства по уголовному делу, получить компенсацию за нанесенный общественно опасным деянием ущерб, не предъявляя повторно доказательства по делу и не уплачивая государственную пошлину.

Данный вопрос возмещения имущественного вреда рассматривается и в уголовном праве. Например, ст. 104.3 УК РФ гласит, что «при конфискации имущества вопрос о возмещении вреда лицу, потерпевшему от преступления, рассматривается в первую очередь». Данная норма декларирует: если у виновного лица нет имущества, которое можно взыскать, кроме подлежащего конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК РФ, то именно из стоимости конфискованного имущества возмещается вред, причиненный законному владельцу, а оставшаяся часть обращается в доход государства. Это положение УК РФ способствует обеспечению гражданского иска, стоящего, по сути, «на пересечении» трех отраслей права: уголовного, гражданского и уголовно-процессуального.

Подводя итог, важно отметить, что взаимодействие уголовного закона с иными отраслями права на современном этапе развития российского законодательства должно рассматриваться как обязательное условие правильной и эффективной работы всей правоохранительной системы. Только совокупное применение норм разных отраслей права позволяет максимально точно устанавливать все признаки общественно опасных деяний, правильно квалифицировать их и в дальнейшем вести производство по уголовному делу.

Список библиографических ссылок

1. Безверхов А. Г. О действии уголовного закона в условиях межотраслевых связей // Lex Russica. 2015. № 10. С. 75–89. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 10.03.2024).
2. Лившиц Р. З. Теория права: учебник. М., 1994. 224 с.
3. Пикуров Н. И. К вопросу о границах системы уголовного права // Системность в уголовном праве: матер. II Российского конгресса уголовного права, 31 мая – 1 июня 2007 г. М., 2007. С. 315–323.
4. Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б. Взаимодействие гражданского и уголовного права в сфере защиты прав потерпевшего по делам о краже и мошенничестве // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 4. С. 572–582. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 10.03.2024).

© Фролов В. В., Лихолетов А. А., 2024

**Преступления,
связанные с административным надзором за лицами,
освобожденными из мест лишения свободы**

Уголовная ответственность за уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом административных ограничений наступает за неприбытие без уважительных причин в определенный срок к избранному месту жительства, а также за самовольное оставление поднадзорным лицом места жительства с целью уклонения от административного надзора, неоднократное несоблюдение административных ограничений, сопряженное с совершением административного правонарушения (ст. 314.1 УК РФ, гл. «Преступления против правосудия»). Соответственно, родовым объектом при совершении рассматриваемых преступлений следует считать нормальную деятельность российского государственного аппарата и органов правосудия. В рамках этой деятельности можно различать более узкие ее направления, в частности деятельность, обеспечивающую установленный для поднадзорных лиц порядок проживания, передвижения и соблюдения административных ограничений. Именно этот участок деятельности, поскольку в теории российского уголовного права помимо родового объекта выделяют еще видовой объект, можно считать объектом той группы преступлений, к которой относятся «Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений» (ст. 314.1 УК РФ).

Непосредственным объектом каждого из названных преступлений является деятельность органов государства, а конкретно – полиции, по обеспечению правил административного надзора, установленных Федеральным законом от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – Закон). Виды уголовно-наказуемых нарушений правил административного надзора включают два деяния, и оба они весьма близки друг к другу, поскольку имеют единый непосредственный объект посягательства. Об этом говорит также наличие при их совершении общей цели – уклониться от административного надзора. Однако по объективной стороне оба посягательства различны: неоднократное несоблюдение административных ограничений представляет собой неисполнение отдельных конкретных правоограничений, предусмотренных Законом и непосредственно установленных для конкретного поднадзорного при условии идеальной сопряженности с совершением административного правонарушения, то есть совершение административного правонарушения должно произойти в момент несоблюдения административного ограничения.

Другое из рассматриваемых посягательств выражается в самовольном оставлении места жительства поднадзорным в целях уклонения от административного надзора, то есть выхода из-под контроля полиции, или неприбытии без уважитель-

ных причин в указанный ему срок к избранному месту жительства после установления административного надзора по инициативе исправительного учреждения при освобождении по отбытии наказания.

Ввиду отмеченной близости обоих посягательств уголовная ответственность за них предусмотрена разными частями одной статьи Особенной части УК РФ. Однако от этого рассматриваемые посягательства не утрачивают характера самостоятельных преступлений. О том, что каждое из этих посягательств представляет собой самостоятельное преступление, говорит наличие особой объективной стороны. При неоднократном нарушении правил административного надзора субъект нарушает отдельные обязанности и не соблюдает отдельные правоограничения. При оставлении поднадзорным места жительства или при неприбытии в срок к избранному месту поднадзорный вовсе уклоняется от административного надзора.

Таким образом, налицо два различных действия, каждое из которых характеризуется объективными признаками отличающихся друг от друга составов преступлений. Иными словами, имеют место два состава преступления, два преступления.

Признание названных деяний самостоятельными преступлениями обуславливает необходимость их раздельного рассмотрения.

Уголовно наказуемое, неоднократное несоблюдение административных ограничений практически представляет собой третье нарушение, причем это нарушение, как и два ему предшествовавших, по своим признакам одинаковы. Однако если за первое и второе нарушение поднадзорный уже подвергался административным взысканиям, то за третье он привлекается к уголовной ответственности. Поэтому данная норма относится к числу норм, как принято считать в теории уголовного права, с административной преюдицией, причем в данном случае с двукратной преюдицией.

Проблема уголовно-правовой нормы с административной преюдицией в том, что последняя отличается от преюдиции в гражданском процессе. Если преюдиция в гражданском процессе не подлежит проверке при рассмотрении дела, в котором она имела место, то в уголовном процессе предшествовавшие факты применения административных взысканий за нарушения административного надзора должны быть вновь рассмотрены с точки зрения правильности и обоснованности наложения административных взысканий. Результаты оценки этого обстоятельства должны найти свое отражение в приговоре, осуждающем субъекта по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ.

В диспозиции ч. 2 ст. 314.1 УК РФ прямо указано на ряд обстоятельств субъективного и объективного характера. Остановимся на признаках объективной стороны неоднократного нарушения ограничения или ограничений, уклонения от административного надзора. Обобщенная характеристика предполагает следующее:

1) если поднадзорное лицо нарушило не любое ограничение, указанное в Законе, а лишь то, соблюдать которое ему конкретно предписано решением суда, поскольку круг правоограничений по отношению к конкретному лицу, которое взято под административный надзор, может быть сужен;

2) за выявленные нарушения административная ответственность реализована своевременно;

3) оба правонарушения, за которые применены меры административного взыскания, совершены в течение одного года, а третье нарушение имело место до истечения срока надзора, в том числе и продленного, но в пределах годичного срока со дня применения второго взыскания;

4) у поднадзорного была цель уклониться от административного надзора.

Все указанные обстоятельства должны найти свое точное отражение в материалах дознания и в приговоре суда.

Из двух первых позиций следует, что суд должен в приговоре обосновать факт невыполнения субъектом требований, содержащихся Законе, к тому же тех из них, которые были указаны в решении судебного органа, установившего административный надзор.

В приговорах судов факты нарушения правил административного надзора и применения за них административных взысканий часто отражаются в самой общей форме, конкретно каждый факт нарушения не фиксируется. Например, в приговоре значилось, что за гражданином Н., ранее четырежды судимым, освобожденным от отбытого последнего наказания 24 апреля 2023 г., 1 июня 2023 г. был установлен административный надзор. До сентября 2023 г. Н. систематически нарушал административные ограничения, за что судьей дважды подвергался штрафу. 13 сентября 2023 г. гражданин Н. после 22 часов не был дома, чем нарушил административное ограничение в виде запрета пребывания вне помещения места жительства, данное в качестве условия административного надзора, находиться в своем жилище с 22 часов до 6 часов утра следующего дня, в это время был задержан сотрудниками полиции за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство». Приговором суда от 10 декабря 2023 г. Н. был осужден по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ.

Представляется необходимым внести уточнение по вопросу исчисления срока давности при привлечении к уголовной ответственности за неоднократное нарушение административных ограничений. Поскольку это преступление считается совершенным лишь тогда, когда поднадзорный в третий раз совершил нарушение административного ограничения, сопряженное с совершением административного правонарушения, уже будучи дважды в течение года подвергнутым за такие нарушения ограничений административному взысканию, течение срока давности начинается с момента третьего нарушения.

© Михайлов М. Я., 2024

**Гражданско-правовой компонент
уголовной ответственности за преступления
в сфере разработки и применения
технологий искусственного интеллекта**

В соответствии с Концепцией развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р, в процессе разработки и применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) необходимо соблюдать базовые этические ценности, к которым относятся:

- 1) приоритет безопасности, соблюдения прав и свобод человека (указанная цель / ценность признается преобладающей над иными целями в сфере ИИ);
- 2) запрет на причинение по инициативе ИИ вреда человеку;
- 3) подконтрольность человеку;
- 4) проектируемое соответствие закону, в том числе требованиям безопасности;
- 5) недопущение противоправной манипуляции поведением человека.

Первая и четвертая из упомянутых выше ценностей связаны с необходимостью создания правовой основы регулирования общественных отношений, возникающих в сфере разработки и применения технологий искусственного интеллекта. При этом с учетом скорости внедрения указанных технологий и их социальной значимости перед отечественным законодателем стоит весьма сложная задача – одновременное формирование и гражданско-правовых, и уголовно-правовых пределов развития искусственного интеллекта.

В настоящий момент технологии ИИ широко применяются в нескольких областях: в изобразительном искусстве и музыкальном творчестве, в публицистике, в сфере контроля качества производства и организационных процессов, в правоохранительной системе и государственном управлении. С учетом специфики применения и сущности исследуемых технологий основными криминальными рисками их разработки и внедрения являются нарушения авторских и патентных прав, подделка документов и фальсификация информации, утечка личных данных пользователей и иной защищенной законом информации, а также различные варианты нарушения правил использования функционала систем на основе технологий ИИ. С учетом указанных криминальных рисков в настоящий момент наиболее актуальной представляется проблема установления гражданско-правового содержания категории «искусственный интеллект» и связанных с ней терминов в целях определения их уголовно-правового значения.

В соответствии с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года определяющими свойствами искусственного интеллекта как технологии являются имитация когнитивных функций человека и сопоставимость результатов функционирования соответствующих технологических комплексов с ре-

зультатами мыслительной деятельности человека. Таким образом, на данном этапе развития соответствующих технологий законодатель не признает за искусственным интеллектом абсолютную автономность функционирования и способность отвечать за собственные действия и их последствия, то есть в настоящий момент с повестки дня снят вопрос о правосубъектности ИИ. Это, однако, не означает, что в будущем подобная трактовка не изменится. Об этом во всяком случае свидетельствует оговорка, использованная законодателем в упомянутой выше стратегии, о том, что в некоторых случаях результаты функционирования ИИ могут превосходить интеллектуальную деятельность человека.

Согласно современной российской гражданско-правовой доктрине восприятие искусственного интеллекта как носителя прав в отношении интеллектуальной собственности представлено различными концептами:

- 1) признание ИИ полноправным автором создаваемых им результатов интеллектуальной деятельности;
- 2) ИИ как соавтор человека в создании результатов интеллектуальной деятельности;
- 3) ИИ как наемный работник, создающий результаты интеллектуальной деятельности, презюмируемые и позиционируемые как служебные произведения;
- 4) ИИ как инструмент человека при создании результатов интеллектуальной деятельности;
- 5) концепт, предполагающий взаимопроникновение и пересечение вышеперечисленных [1, с. 23].

Другие исследователи, напротив, признают ИИ в качестве разновидности объектов цифровых прав (наряду с токенами, криптовалютами, цифровыми двойниками, облачными вычислениями и т. п.), то есть «нематериальных объектов, создаваемых в результате использования цифровых технологий и представляющих собой результаты математических вычислений, признаваемых объектами регулирования в силу закона или на основе соглашения субъектов цифровых прав» [2, с. 17].

Следует отметить, что оба подхода имеют право на существование ввиду признания возможности развития технологий ИИ от этапа отсутствия полной автономии вычислительных процессов от интеллектуальной деятельности человека до этапа сосуществования (соавторства) и даже полной автономии.

При этом не вполне соответствующей реальности нужно признать позицию, согласно которой отсутствует прямая связь между творческим трудом разработчиков комплексов ИИ и результатами, создаваемыми системами искусственного интеллекта [3, с. 9]. Признание подобного способствовало бы уклонению в будущем от ответственности разработчиков и операторов технологий ИИ за содержание генерируемого ИИ контента.

Пример. Заместитель председателя Совета безопасности РФ Д. А. Медведев в мае 2024 г. обратил внимание на то, что установленная в голосовом помощнике «Алиса» нейросеть YandexGPT уходит от прямых ответов на вопросы об изъятии российских активов в США, расстоянии от Киева до Белгорода и про создание на Украине памятников С. Бандере (один из лидеров Организации украинских национа-

листов (ОУН) и один из инициаторов создания Украинской повстанческой армии (УПА), обе организации признаны в России экстремистскими и запрещены) [4]. При этом, комментируя указанную ситуацию, представитель Яндекса обратил внимание на то, что подобная уклончивая реакция YandexGPT запрограммирована, так как за ответы на некоторые вопросы в отношении сотрудников Яндекса могут быть применены меры ответственности. Редакция издания Business.FM предприняла попытку задать те же вопросы нейросетям Google Gemini и Microsoft Bing. Оказалось, что и указанные нейросети либо вовсе не дают ответов, либо уходят от прямой подачи информации. При этом главный архитектор систем искусственного интеллекта Исследовательского центра ИИ по направлению «Транспорт и логистика» НИЯУ МИФИ Р. Душкин в комментарии для указанного издания отмечает, что в целом «заставить» модель выдавать необходимые ответы на те или иные запросы возможно [5].

В связи с этим отметим, что в условиях отсутствия полной автономности ИИ-комплексов от сознания и интеллектуальной деятельности их разработчика и оператора не представляется возможным говорить о невозможности возложения на них ответственности за содержание контента, генерируемого и выдаваемого ИИ-комплексом. Сам результат может и не охватываться в полной мере умыслом разработчика и оператора, однако они не могут не нести ответственности за содержание, объем и вариативность информации, «загружаемой» в комплекс ИИ, на основе которой в последующем ИИ «учится» и выдает итоговые результаты.

С учетом описанных выше проблем гражданско-правового и уголовно-правового понимания технологий ИИ представляется возможным сформулировать следующую проблематику параллельного становления доктринальных и правовых основ гражданского и уголовного регулирования указанной сферы:

- 1) одновременное определение основных направлений криминализации / декриминализации деяний и унификации уголовного законодательства с учетом сфер и вариантов применения технологий ИИ;
- 2) выявление признаков субъективной стороны преступлений, совершаемых искусственным интеллектом и (или) с его помощью;
- 3) установление признаков субъекта преступлений в анализируемой сфере с учетом возможности приобретения искусственным интеллектом гражданской правосубъектности;
- 4) разрешение вопросов соучастия искусственного интеллекта в совершении преступления при условии признания за ним гражданской правосубъектности и статуса субъекта преступления;
- 5) вопросы межотраслевой дифференциации ответственности.

Список библиографических ссылок

1. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2018. 45 с.

2. Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 44 с.
3. Сесицкий Е. П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 27 с.
4. Медведев назвал трусом YandexGPT из-за ответов «Алисы» об Украине. URL: <https://www.vedomosti.ru> (дата обращения: 23.05.2024).
5. Нейросеть «Яндекса» неохотно отвечает на остро политические вопросы. URL: <https://www.bfm.ru> (дата обращения: 23.05.2024).

© Мкртчян С. М., 2024

Появление понятия преступления и его эволюция в русском уголовном праве XI–XVI веков

Достижение социальной справедливости – цель общества, основанного на правовых принципах и уважении к личности и достоинству человека. Известно, что в средневековой Руси существовали различные законы и карательные меры для разных слоев населения. Например, преступления, совершенные боярами и князьями, часто наказывались мягко или вообще оставались безнаказанными, в то время как простые граждане иногда подвергались более суровому наказанию. Изменения в восприятии преступности в этот период представляют большой интерес, поскольку они могут показать изменения в социальной и политической организации общества и влияние религиозных и моральных убеждений на правосудие.

Исследование этой темы позволит лучше понять, как представления о преступности и правосудии влияли на формирование правовой системы и общественных отношений в то время. Оно также повлияет на современные правовые нормы и идеалы правосудия и позволит лучше понять, как мы пришли к современной концепции социальной справедливости и какие изменения еще необходимы для ее полного достижения [1].

В Русской Правде правонарушением считается причинение морального или материального вреда человеку или группе людей, проще говоря, «обида», а не противодействие закону или воле суверена [2]. Признаки вреда являются необходимым условием для совершения правонарушения. Этот формальный элемент встречается в памятниках канонического права, на которые оказало влияние византийское право. Например, в каноническом праве правонарушение рассматривается не как «обида», а как грех, нарушение моральных норм, действие, направленное против церкви, государства или общества.

В русском уголовном праве в период с XI по XVI в. произошли значительные изменения в понимании и регламентации понятия преступления. Об этом свидетельствуют различные законодательные документы прошлого, например Русская Правда, Псковская судная грамота и др.

В Русской Правде преступление рассматривалось как нарушение общественного порядка, заранее установленных норм и прав. К ним относились уголовные, гражданские и административные правонарушения. Наказание за правонарушения зависело не только от социального положения преступника, но и от характера преступления. В Русской Правде за правонарушения предусматривались штрафы, ссылка, телесные наказания и смертная казнь [3].

Элементы состава преступления

1. В Русской Правде субъектами преступлений могли быть только свободные, физические лица. Рабы также могут входить в этот круг лиц при определенных усло-

виях. Это происходит в случае, если хозяин отказывается нести уголовную ответственность за холопа и «передает» его жертве.

В Русской Правде не сказано о возрастном пределе уголовной ответственности, но на практике до XVIII в. церковные и светские суды считали, что дети до семи лет не наказываются, а с наступлением брачного возраста несут полную уголовную ответственность.

2. Субъективная сторона преступления. Русская Правда различает два вида правонарушений: умышленные и неумышленные преступления. Например, «разбойное убийство» считается умышленным, а убийство, совершенное во время драки или «пира», – неумышленным общественным преступлением, возможно, в состоянии алкогольного опьянения. Конечно, этот взгляд упрощен и соответствует духу народных традиций. Действительно, можно убить случайно в момент ограбления (цель ограбления – грабеж, а не убийство), и, с другой стороны, можно убить намеренно, притворившись пьяным в драке или на пиру. Однако если оценивать тяжесть преступления по санкциям Русской Правды, то максимальное наказание за убийство в целях ограбления – ссылка, а за убийство на пиру или в драке – денежное возмещение. Таким образом, публичный характер преступления (только в случае убийства) и в некоторых случаях пьянство (убийство в драке или на пиру) признавались смягчающими обстоятельствами. Пьяный купец или кредитор, избивший пьяного покупателя, наказывался. Хотя в Русской Правде еще не было четкого взгляда на пьянство, практика и последующее законодательство (вплоть до XVIII в.) развивались в направлении снижения ответственности. Иными словами, если оскорбленный отвечал, защищая свою честь, он не нес ответственности, независимо от последствий удара. Более того, в Русской Правде система необходимой обороны содержится в нормах о ночном воровстве, заимствованных из византийского права.

В качестве отягчающих обстоятельств (в отношении кражи и убийства) учитываются злой умысел, рецидив или повторное совершение преступления. Конокрадство считалось одним из самых серьезных преступлений. Это объяснялось не только ценностью объекта, но и тем, что конокрадами были преступники-профессионалы и преступные группировки [4].

Социальный статус жертвы выступал и отягчающим, и смягчающим обстоятельством. В случае убийства боярина, высшего представителя администрации, вира была вдвое выше (80 гривен); в случае убийства вольноотпущенника или мелкого чиновника – 40 гривен; за убийство холопа полагался маленький штраф – в пять (или шесть за рабыню) гривен [3].

В XIV в. концепция правонарушений получила дальнейшее развитие в Псковской судной грамоте. Этот документ устанавливал критерии признания правонарушений, определял категории преступлений и соответствующие им наказания.

Эволюция понятия преступления в русском уголовном праве XI–XVI вв. отражает изменения в общественных отношениях, законодательстве и уголовно-исполнительной системе. Понимание преступления и наказания за него было тесно связано с социокультурными характеристиками и ценностями общества. Изучение законодательных памятников указанного периода помогает лучше понять нормы

и ценности того времени и их влияние на формирование правовых принципов и представлений о справедливости в современных условиях.

В Московском государстве XVI–XVII вв. преступления классифицировались в зависимости от их тяжести и общественной опасности:

1) преступления против жизни и здоровья – убийство (с различными формами телесных наказаний и смертная казнь), тяжкие телесные повреждения, извращение правосудия (коррупция судебных и правоохранительных чиновников), пытки и насилие над невинными;

2) преступления против имущества – кража (с различными формами наказания, включая штрафы, ссылку и телесные наказания), грабеж, мошенничество, вымогательство, незаконное обогащение, саботаж и диверсии;

3) преступления против общественного порядка и безопасности – измена, шпионаж, мятеж и восстание, общественные беспорядки, нарушение верности, пропаганда, распространение опасной криминальной информации;

4) преступления против брака и семьи: прелюбодеяние, межрелигиозные браки, жестокое обращение с детьми, насилие в семье, безответственное поведение родителей;

5) преступления против общественного порядка – богохульство, прелюбодеяние, гомосексуализм, порнография, суеверие, колдовство и чародейство.

Наказания за эти преступления могли быть телесными (колесование, отрубание ушей, носа, посадка в «глухую казанку»), а также применялись пытки, изгнание, штрафы и смертная казнь.

Появление различных видов преступлений и назначение соответствующих наказаний было обусловлено необходимостью обеспечения безопасности и поддержания порядка в стране. Однако эта система наказаний зачастую была субъективной и зависела от воли высших властей.

Итак, рассматривая трансформацию представлений о преступлении в русском средневековом законодательстве XI–XVII вв., можно выделить несколько основных этапов развития. С X по XIII в. преступления рассматривались в первую очередь как нарушение общественного порядка и коллективной морали, что нашло отражение в Русской Правде и других источниках общего права. В этот период уголовное наказание приобрело характер коллективной ответственности, направленной на наведение порядка и разрешение конфликтов.

Список библиографических ссылок

1. Бабурин С. Н. Русская правда и государственно-правовые трансформации современной России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2022. № 1. С. 7–14.

2. История государства и права России XI–XIX вв.: учеб. пособие / А. В. Жуланов, А. Н. Самарский, О. М. Дорошенко, А. А. Базулина. М.: РУСАЙНС, 2021. 268 с. С. 15–40.

3. История России до конца XVII века (вторая треть XVI в. – XVII в.): учеб. для вузов / А. И. Филюшкин [и др.]; отв. ред. А. И. Филюшкин. М.: Юрайт, 2024. 281 с.

4. Донец С. П. Формирование и развитие института квалифицированных и привилегированных составов преступлений в истории российского уголовного законодательства // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 32. С. 27–30.

© Самарский А. Н., 2024

Аффилированность как коррупциогенный фактор

Защита добросовестности участия в гражданском обороте достигается путем запрета участия государственным служащим в управлении коммерческими и некоммерческими организациями, а также занятия предпринимательской деятельностью.

Одно из ярких проявлений использования господствующего положения в имущественных отношениях, по нашему мнению, – создание состояния аффилированности и извлечение незаконного обогащения из зависимости участников гражданских правоотношений. Как известно, подавление конкуренции – это один из признаков монополистической экономики, неизменной спутницей которой является коррупция. Монополизации рынка товаров, работ и услуг сопутствует неравномерное распределение ресурсов в экономике, поскольку в обороте участвуют заинтересованные в получении государственных инвестиций аффилированные с коррумпированными чиновниками агенты рынка. А. И. Сидоров справедливо отмечает, что коррупции свойственно монополизировать сначала политические институты государства, а затем и экономическую сферу жизни общества [1]. Подход спорный, поскольку сложно установить, что в данном случае первично – коррумпированность чиновников и сращивание интересов власти и бизнеса или, напротив, накопление капиталов предпринимателями и последующее их инвестирование в коррумпирование правящей элиты. Однако в целом надлежит согласиться с мнением А. И. Сидорова в той части, что продажные чиновники нуждаются в финансовой подпитке своей противоправной деятельности, а для ее бесперебойного получения следует создать нормативную базу, позволяющую влиять на экономику государства.

Совершение гражданско-правовых сделок, целью которых является не сохранение публичных ресурсов и рациональное расходование бюджетных средств, а персональное обогащение лиц, способных влиять на распределение общественных богатств, ведет к необоснованному завышению цен на реализацию масштабных проектов, снижению их качества или полному сворачиванию общественно значимых разработок. В качестве характерного примера коррупционного противодействия завершению общенациональных проектов можно назвать строительство космодрома «Восточный», при строительстве которого недобросовестные действия заказчиков товаров, работ и услуг для государственных нужд заключались в организации закупок у организаций, возглавляемых их родственниками [2].

Следует отметить, что аффилированность как институт общей части ГК РФ в тексте ст. 53.2 сформулирована чрезмерно нейтрально. Из содержания указанной статьи явно не следует, для чего она включена в текст закона, либо это простая констатация факта возможного влияния одних субъектов гражданских правоотношений на других, но контекст этой нормы нам представляется неясным.

В свою очередь, некоторые исследователи справедливо усматривают в аффилированности коррупциогенный фактор. Так, С. Н. Хорунжий отмечает, что аффили-

рованность может рассматриваться в двух аспектах – частноправовом, когда влияние устанавливается в целях управления деятельностью участника гражданских правоотношений. Подобный вид аффилированности, по мнению указанного автора, не противоречит требованиям ГК РФ, поскольку уравнивается принципом добросовестности, обязывающим не злоупотреблять своим выгодным положением.

Публично-правовая аффилированность, напротив, предполагает вмешательство в деятельность субъекта гражданских правоотношений с целью установления противоправного, чаще всего корыстного, влияния на юридически значимые действия участника гражданского оборота [3, с. 67].

Полагаем, что в тексте ГК РФ термин «аффилированность» не нашел должного разъяснения, поскольку, как следует из монографии А. А. Маковской, в проекте изменений ГК РФ предполагалось подробно урегулировать взаимоотношения контролирующего и подконтрольного лица, вплоть до установления солидарной ответственности первого, если будет доказано, что аффилированное лицо причинило ущерб в связи с исполнением его поручений [4]. На наш взгляд, возможность солидарной ответственности контролирующего лица стала бы дополнительной эффективной мерой воздействия на участников коррупционных отношений, помимо уголовно-правовых санкций. Таким образом, на примере ст. 53.2 ГК РФ отчетливо виден шаг российского законодателя к имплементации норм Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Резолюцией 58/4 на 51 пленарном заседании 58 сессии Генеральной Ассамблеи ООН 31 октября 2003 г.), который завис в воздухе, не закончившись логичным включением в текст закона норм об ответственности за коррупциогенную аффилированность.

Вместе с тем законодательная детализация термина «аффилированность» крайне необходима, поскольку высшие судебные органы Российской Федерации признали тот факт, что споры о негативном влиянии аффилированности разрешаются судами не на основании требований законодательства, а в соответствии с обстоятельствами каждого конкретного дела [5, с. 35]. В свою очередь, в соответствии с Методическими рекомендациями по проведению правовой и антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (с иллюстрацией на конкретных примерах) определяется, что дискреционность (право усмотрения) полномочий должностных лиц в ходе реализации правовых актов составляет основную и часто выявляемую массу коррупциогенных факторов [6].

Проявление аффилированности – отсутствие самостоятельности в формировании волеизъявления субъектами гражданских правоотношений. Возможность независимо формировать волю на приобретение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей – это основной элемент юридической безупречности совершаемой лицом сделки. Таким образом, аффилированность, как коррупциогенный фактор, может влиять и на такой институт общей части ГК РФ, как сделки.

Нормы ГК РФ не содержат прямого указания на незаконность сделок, совершенных с коррупционной заинтересованностью. На наш взгляд, причины такого подхода законодателя заключаются в следующем. Во-первых, термин «коррупция» оче-

видно не рассматривается как гражданско-правовой, поэтому в нормах о договоре дарения он не упоминается, но из формулировок ст. 575 ГК РФ явно следует коррупционность регулируемой ей сделок. Во-вторых, заинтересованность, как конstitutивный элемент коррупционных действий, в ст. 1 ГК РФ указывается в качестве основного мотива участия в гражданских правоотношениях. С учетом презюмируемой добросовестности участия в гражданских правоотношениях противоправную заинтересованность в совершаемой сделке следует доказать в судебном порядке либо по результатам уголовного преследования сделка признается коррупционной и ничтожной по этой причине.

Список библиографических ссылок

1. Сидоров А. И. Коррупция как монополия: осуществима ли ее ликвидация // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 16.05.2022).
2. Уголовные дела вокруг строительства космодрома «Восточный». URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 16.05.2022).
3. Хорунжий С. Н. Аффилированность как условие возникновения конфликта интересов в публично-правовой сфере // Мониторинг правоприменения. 2016. № 1 (18). С. 67–69.
4. Маковская А. А. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью: анализ и комментарий Законов «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью». М.: Статут, 2020. 375 с.
5. Соколова О. С. Скрытая аффилированность как инструмент диагностики конфликта интересов в сфере противодействия коррупции // Современное право. 2019. № 9. С. 35–39.
6. Методические рекомендации по проведению правовой и антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (с иллюстрацией на конкретных примерах). М.: ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2017. 56 с.

© Федосеев П. С., 2024

Актуальные проблемы защиты прав ребенка несовершеннолетними родителями

В соответствии с законодательством Российской Федерации несовершеннолетним признается лицо, не достигшее совершеннолетия, то есть возраста восемнадцати лет. Согласно ст. 21 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) гражданская дееспособность наступает по достижении гражданином возраста совершеннолетия, а также при вступлении в брак до достижения восемнадцати лет. Это общее правило, однако в соответствии со ст. 27 ГК РФ несовершеннолетний, достигший возраста шестнадцати лет, может получить полную гражданскую дееспособность при наличии определенных причин, связанных с осуществлением несовершеннолетним трудовой или предпринимательской деятельности, по решению органа опеки и попечительства или суда, в случаях, если законные представители против [1]. Несовершеннолетний становится полностью дееспособным гражданином, а его законные представители не несут ответственности по обязательствам эмансипированного. Полную гражданскую дееспособность также приобретают несовершеннолетние при вступлении в брак. Таким образом, можно выделить две категории граждан, получающих гражданскую дееспособность до достижения совершеннолетия: вступившие в брак до достижения восемнадцати лет и эмансипированные несовершеннолетние с шестнадцатилетнего возраста.

Обе эти категории хоть и приобрели полную гражданскую дееспособность, но являются несовершеннолетними с точки зрения законодательства, а также могут иметь детей, права которых нуждаются в защите. Ошибочно сравнивать понятие «совершеннолетний гражданин» и «полностью дееспособный гражданин». К примеру, если в гражданском законодательстве понятие «полностью дееспособный» может в большинстве случаев совпадать с объемом прав и обязанностей «совершеннолетнего» лица, то в трудовом законодательстве эмансипированный несовершеннолетний все равно будет пользоваться льготными условиями труда, предусмотренными Трудовым кодексом Российской Федерации для несовершеннолетних, не сможет вступить самостоятельно в брак до достижения совершеннолетия без особых обстоятельств в соответствии со ст. 13 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ). Такое деление законодательно обосновано по аналогии права и находит свое отражение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996, в котором прописано, что «при рассмотрении гражданского дела, одной из сторон в котором является несовершеннолетний, объявленный в соответствии со статьей 27 ГК эмансипированным, необходимо учитывать, что такой несовершеннолетний обладает в полном объеме гражданскими правами и несет обязанности (в том числе самостоятельно отвечает по обязательствам, возникшим вследствие причинения им вреда), за исключением тех прав и обязанностей, для приобретения которых федеральным законом установлен возрастной

ценз (например, статья 13 Закона Российской Федерации „Об оружии“, статья 19 Закона Российской Федерации „О воинской обязанности и военной службе“). Исходя из положений части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, такое ограничение прав и свобод является допустимым».

О возрастном цензе законных представителей несовершеннолетнего в законодательстве не упоминается, следовательно, несовершеннолетние родители наделяются правами быть полноценными законными представителями своих несовершеннолетних детей, что вызывает ряд вопросов при рассмотрении этих прав с точки зрения уголовно-процессуального права.

Не стоит сравнивать понятия полной дееспособности в гражданском праве и уголовно-процессуальном, так как по факту эмансипированное лицо или приобретшее дееспособность посредством вступления в брак, не лишается статуса ребенка, но может обладать правами законного представителя для своего ребенка. Согласно ч. 2 ст. 45 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) «для защиты прав и законных интересов потерпевших, являющихся несовершеннолетними или по своему физическому или психическому состоянию лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители или представители» [2]. Категория участников уголовного процесса в качестве защитников прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших, рассматриваемая нами, представляет собой лиц, не достигших совершеннолетия, но получивших полную гражданскую дееспособность, то есть являющихся законными представителями своих несовершеннолетних детей. Статьей 64 СК РФ установлено, что защита прав и интересов детей возлагается на их родителей [3]. Родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий.

УПК РФ в гл. 50 и ряде других статей предусматривает особый порядок производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Поскольку несовершеннолетнее лицо – это лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет, то особый порядок производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних также распространяется и на лиц, получивших гражданскую дееспособность до достижения совершеннолетия. Особый порядок производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних лиц в первую очередь обеспечивает защиту данной категории лиц от необоснованных обвинений и подозрений, гарантирует полное и всестороннее исследование обстоятельств совершенного преступления, личности несовершеннолетнего, его психологического и физиологического состояния, причин и следствий совершенного деяния. То есть особый порядок гарантирует строгое соблюдение международных и конституционных принципов в области защиты прав и свобод человека и гражданина, с учетом фактора несовершеннолетия лица как особой категории, которая находится в процессе формирования и становления как личности.

По аналогии с вышесказанным можно сделать вполне рациональный вывод, что несовершеннолетние законные представители прав и законных интересов своих детей в уголовном процессе также являются уязвимой категорией граждан, обретшей полную гражданскую дееспособность, но тем не менее не достигшей возраста совершеннолетия. Для данной категории лиц существует необходимость законодательно предусмотренных мер осуществления защиты в уголовном процессе, которая в полной мере прописана для участника уголовного процесса в качестве обвиняемого (подсудимого), однако совершенно не регулирует механизм защиты прав и интересов несовершеннолетних законных представителей своих потерпевших детей. Вариативность решения данной проблемы достаточно широка. В нормах УПК РФ не предусмотрено участие Управомоченного по правам ребенка в уголовном процессе, однако случаи, когда несовершеннолетние законные представители несовершеннолетнего потерпевшего вынуждены участвовать в уголовном процессе, достаточно редки и требуют особого внимания, выработки единого алгоритма защиты со стороны государства как отдельной категории. В 2021 г. подобный вопрос подвергался рассмотрению сотрудником Следственного управления Следственного комитета России по Республике Татарстан Ш. Ф. Багаутдиновым, который в своей научной статье «Актуальные вопросы участия Управомоченного по правам ребенка в уголовном процессе» говорит о том, что необходимо «обсудить вопрос о возможности участия Уполномоченного по правам ребенка в регионе, сотрудников его аппарата в качестве законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого при определенных обстоятельствах (отсутствие родителей у несовершеннолетнего, исключительные обстоятельства дела, широкий общественный резонанс дела и другие). Также необходимо предусмотреть в законе право суда на привлечение к рассмотрению уголовного дела по обвинению несовершеннолетнего подсудимого либо уголовного дела о преступлении против несовершеннолетних представителей Уполномоченного по правам ребенка РФ, Уполномоченного по правам ребенка по региону РФ» [4].

Отметим, что высказывались мнения о необходимости изменить положение ст. 420 УПК РФ, дополнив положение п. 1 следующим содержанием: «Требования настоящей главы применяются по уголовным делам в отношении лиц, не достигших к моменту совершения преступления возраста восемнадцати лет, за исключением лиц, приобретших полную дееспособность до восемнадцати лет» [5]. Однако мы не согласны с таким взглядом на решение данной проблемы, так как приобретение несовершеннолетним гражданской дееспособности не отнимает у него статус ребенка до достижения совершеннолетия и не отменяет обязанность государства обеспечивать его права как несовершеннолетнего. Процедура провозглашения эмансипации несовершеннолетнего не включает в себя определение психологической зрелости, то есть не предполагает проведение каких-либо психологических обследований, а также прохождения психологической адаптивной терапии. То есть процесс получения гражданской дееспособности несовершеннолетнего основывается исключительно на процессе его трудовой или предпринимательской деятельности, его экономической состоятельности, а в некоторых случаях – на вступлении в брак до достижения совершеннолетия при наличии особых условий. Однако ни вступление в брак, ни за-

ключение трудового договора или осуществление предпринимательской деятельности не определяют психологическую зрелость индивида, степень его психологической сформированности.

На основании вышеизложенного можно заключить, что несовершеннолетние, получившие полную гражданскую дееспособность до достижения возраста совершеннолетия посредством вступления в брак или эмансипации, не могут быть приравнены к совершеннолетним участникам уголовного производства, так как психоэмоциональное состояние несовершеннолетнего, его психологическая зрелость не учитываются при принятии решения о наделении его полной гражданской дееспособностью, а также гражданин не может считаться совершеннолетним, даже если он обладает полной гражданской дееспособностью, до достижения восемнадцатилетнего возраста. Несовершеннолетних, получивших статус полностью дееспособных граждан Российской Федерации ранее достижения совершеннолетия, необходимо выделить в особую категорию в уголовно- процессуальном законодательстве, а также предусмотреть четко определенный алгоритм действий в отношении данной категории. Категория участников уголовного процесса как несовершеннолетних законных представителей своих несовершеннолетних детей вообще не рассмотрена как нуждающаяся в особом внимании со стороны государства, что влечет за собой ущемление прав как несовершеннолетних родителей, так и их детей. Участие в уголовном процессе Уполномоченного по правам ребенка законодательно не предусмотрено, однако подобная юридическая дефиниция необходима. Нельзя не отметить также, что процедура эмансипации исключает проведение какого-либо психологического исследования несовершеннолетнего, что не представляется логичным в вопросе оценки гражданской дееспособности индивида как полноценного члена общества, не зависящего от законных представителей, и ставит под угрозу неокончательно сформировавшуюся психику несовершеннолетнего. В процессе получения полной гражданской дееспособности посредством заключения брака не требуется подтверждение психологической готовности несовершеннолетнего стать полностью граждански дееспособной личностью. Считаем необходимым ввести психологическое исследование как инструмент оценки готовности несовершеннолетнего к обретению полной гражданской дееспособности.

Список библиографических ссылок

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.04.2024).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.04.2024).
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.04.2024).
4. Багаутдинов Ш. Ф. Актуальные вопросы участия Уполномоченного по правам ребенка в уголовном судопроизводстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 4 (46). С. 574–579.

5. Актуальные проблемы борьбы с преступностью на современном этапе: тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. курсантов, слушателей и студентов (28–29 мая 2020 г.) / редкол.: А. А. Редько (пред.) [и др.]. Волгоград: ВА МВД России, 2020. Вып. 7. 389 с.

© Чумаченко А. Ю., 2024

**Миссия уполномоченного органа
по профилактике коррупции субъекта Российской Федерации
в реализации государственной антикоррупционной политики.
Опыт Свердловской области**

Борьба с коррупцией – это основное направление в укреплении государственности, на которую глава государства неоднократно ориентировал Генеральную прокуратуру и органы публичной власти всех уровней.

Долгое время единственным способом борьбы с коррупцией считалось уголовное наказание, дальнейшая криминализация коррупционных правонарушений и ужесточение уголовного наказания. Однако за последний десяток лет в России сформировалось «неуголовное» антикоррупционное законодательство, отвечающее всем международным стандартам.

Для реализации комплексного подхода противодействия коррупции приняты базовые федеральные законы «О противодействии коррупции» [1], «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» [2], «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [3] и «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [4].

В середине прошлого десятилетия Президент Российской Федерации В. В. Путин принял Указ «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции» [5], определивший вектор развития антикоррупции в стране. В соответствии с названным указом в субъектах Российской Федерации образованы уполномоченные органы по профилактике коррупции, содействующие высшим должностным лицам регионов в реализации единой государственной политики в сфере противодействия коррупции.

Департамент, являясь областным органом, создан указом Губернатора Свердловской области от 30 ноября 2018 г. № 637-УГ [6]. Директор департамента находится в непосредственном подчинении главы региона, обеспечивая реализацию региональной антикоррупционной политики. В каждом субъекте Российской Федерации руководители регионов по-разному определили место уполномоченного органа в сфере профилактики коррупции. В Свердловской области реализована модель самостоятельного исполнительного органа государственной власти.

Создание уполномоченных органов субъектов Российской Федерации в сфере противодействия коррупции дало толчок дальнейшему развитию федерального антикоррупционного законодательства, особенностью которого является межотраслевой

характер. Продолжают совершенствоваться институты декларирования доходов и конфликта интересов, получившего законодательное закрепление во многих отраслях права, таких как здравоохранение, образование и т. д. Сложилась система мер предотвращения и урегулирования ситуаций, связанных с личной заинтересованностью. Расширяется диапазон видов наказания за коррупционные правонарушения, не связанных с уголовным правом. В качестве профилактической меры чаще стало применяться наказание в виде увольнения в связи с утратой доверия и досрочного прекращения полномочий, влекущих за собой обязательное включение в федеральный реестр уволенных в связи с утратой доверия. Это серьезный профилактический рычаг, рассчитанный прежде всего на должностных лиц, занимающих публичные посты, означающий для многих «политическую смерть».

Сегодня вопрос несоблюдения обязанности предотвращения или урегулирования конфликта интересов должностными лицами стоит особенно остро. Чиновники используют полномочия для реализации личной заинтересованности, стараясь завуалировать отношения родства или свойства с получателями бюджетных средств.

Во взаимодействии с органами прокуратуры выявлен конфликт интересов у главы одного из городов-спутников Екатеринбурга, заключившего муниципальный контракт на несколько сотен миллионов рублей с фирмой, в которой трудился его сын. Досрочное прекращение полномочий в связи с несоблюдением положений о конфликте интересов влечет включение в реестр уволенных в связи с утратой доверия.

Находим эту практику положительной, поскольку реестр выполняет важную профилактическую функцию, он доступен для неограниченного круга пользователей, представляя собой виртуальную «доску позора».

В сегодняшних условиях требуется донести до всех, кто занимает ответственные посты, что, если они не изменят отношение к занимаемой должности как к источнику влияния и получения выгод для себя и своих близких, развязка будет быстрой и неотвратимой, и начинать разъяснительную работу надо заранее, когда будущие чиновники приходят подавать документы о трудоустройстве как кандидаты.

Наша миссия – в предупреждении совершения должностными лицами правонарушений и преступлений. Вместе с тем деятельность антикоррупционного органа направлена не только на искоренение коррупции в среде служащих, но и на широкую просветительскую работу среди населения и в первую очередь среди молодежи как самой активной части общества.

Просветительское взаимодействие происходит посредством системной работы или реализации отдельных проектов, например таких, как «Школа противодействия коррупции». Этот проект реализован по инициативе департамента на базе старейшего юридического вуза Урала – Уральского государственного юридического университета имени Вениамина Федоровича Яковлева, где учатся будущие полицейские, прокуроры и судьи.

Названная форма просветительской работы, в отличие от звучащих ежедневно с экранов телевизоров и интернет-страниц публичных свидетельств задержания должностных лиц при исполнении обязанностей, формирует в молодежной среде

правильное понимание усилий государства в борьбе с коррупцией и доверие к системе государственной власти.

Значимой составляющей подобных мероприятий, безусловно, является патриотическое воспитание, что при нынешних угрозах особенно важно. Такие проекты позволяют улавливать настроения в молодежной среде, действовать на опережение и где-то уберечь от беды.

Вместе с тем миссия департамента – это не только антикоррупционный ликбез, но и серьезная аналитическая работа. Для эффективного противодействия коррупции в современных условиях требуются специальные программные комплексы, способные работать с огромным потоком данных.

В этих целях в соответствии с федеральными правовыми актами [7] запущена государственная информационная система в области противодействия коррупции «Посейдон», участниками которой в том числе являются уполномоченные органы по профилактике коррупции и иных правонарушений. ГИС «Посейдон» позволяет автоматизировать ввод, учет и хранение справок о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. На сегодняшний день с помощью названного программного комплекса в представленных в Департамент противодействия коррупции Свердловской области справках о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера выявлены сотни признаков возможных коррупционных правонарушений, в том числе участие в управлении коммерческими и некоммерческими организациями, незадекларированные доходы, недвижимое имущество, транспортные средства и многое другое. «Посейдон» – это серьезное оружие антикоррупционной профилактики.

Возможно, в будущем ГИС «Посейдон» станет, например, аналогом программы «Зиро Траст» (Zero trust) [8], которая с 2012 г. использовалась в борьбе с коррупцией в Китае. Эта суперсистема объединила в себе базы данных всех государственных органов и банковской системы, где искусственный интеллект моментально сигнализировал о покупке должностным лицом жилья свыше дохода или если в какой-то провинции служащий положил на свой счет несоответствующую заработку сумму. Правда, как пишут СМИ, сегодня этот проект закрыт.

«Посейдон» – важный, но не единственный инструмент выявления нарушений антикоррупционного законодательства. Четвертый год по решению областной Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Свердловской области, возглавляемой Губернатором Свердловской области, в органах публичной власти региона составляются профили служащих, которые представляют собой анкету с данными.

Сравнительный анализ полученных сведений позволяет с помощью программ, содержащих систематизированные данные о юридических лицах, выявить связи, приводящие к столкновению государственных и частных интересов.

Являясь региональным исполнительным органом государственной власти, Департамент противодействия коррупции Свердловской области не наделен полномочиями осуществлять оперативно-разыскную деятельность, наводить справки в отношении третьих лиц, которые могут быть связаны коррупционными отношениями

с должностными лицами. Вместе с тем такие сведения нужны для работы, поэтому региональные антикоррупционные органы заинтересованы в укреплении взаимодействия с органами, осуществляющими оперативно-разыскные мероприятия и следственные действия.

В связи с этим полезно было бы скорректировать нормы подп. 3 п. 1 ч. 3 ст. 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», которая сегодня не позволяет направлять запросы на проведение ОРМ в отношении лиц, замещающих муниципальные должности на непостоянной основе, хотя таких лиц только в Свердловской области не менее 85 % от общего числа замещающих муниципальные должности, и на них при этом распространяется обязанность не допускать ситуации конфликта интересов.

В отдельных субъектах Российской Федерации уже наработан опыт взаимодействия регионального антикоррупционного органа, регистрирующих федеральных органов, органов прокуратуры и правоохранительных органов. Например, в Республике Татарстан действует экспертная комиссия, члены которой на плановой основе проверяют в муниципальных образованиях организацию работы по противодействию коррупции при решении вопросов местного значения. Такая деятельность доказала свою эффективность и рекомендована другим регионам.

Другая форма сотрудничества это – взаимодействие в рамках проведения антикоррупционных проверок и контроля за расходами.

В отличие от контроля за расходами, появившийся относительно недавно в марте 2022 г. в Федеральном законе «О противодействии коррупции» (ст. 8.2 названного Федерального закона) механизм контроля за законностью получения денежных средств имеет свои недостатки.

Так, установленный в указанном федеральном законе порядок предусматривает, что в случае увольнения проверяемого лица до завершения проверки и при наличии информации, что на его счета в отчетном периоде поступили деньги в сумме, превышающей совокупный доход за трехлетний период, материалы проверки в трехдневный срок после увольнения указанного лица направляются принявшим решение об осуществлении проверки лицом в органы прокуратуры Российской Федерации.

Однако в трехдневные сроки направления материалов можно уложиться в государственном органе или органе местного самоуправления, когда представитель нанимателя совпадает с лицом, принявшим решение о проверке, но трудно в нашей практике, когда в отношении муниципального депутата решение принимается высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, проверка проводится региональным органом по профилактике коррупции, а решение о применении мер ответственности принимается представительным органом местного самоуправления муниципального образования.

Три дня отводится на то, чтобы местный «совет» проинформировал высшее должностное лицо региона, которое поручает антикоррупционному органу представить ему результаты проверки для направления прокурору субъекта Российской Федерации.

В связи с этим предлагаем внести в ч. 3 ст. 8.2 Федерального закона «О противодействии коррупции» изменения, предусмотрев либо более продолжительный период для направления материалов в прокуратуру, либо возможность их направления не лицом, принявшим решение о проведении проверки, а региональным органом в сфере профилактики коррупции.

Преимущество мер профилактического характера перед уголовно-правовыми методами борьбы с коррупцией заключается в их большей оперативности и результативности. Правда, ответственность несравнима с уголовной, но весьма ощутима. Коррупционные преступления характеризуются высоким уровнем латентности и не зря относятся к интеллектуальным видам преступлений, поэтому расследование таких дел не проходит гладко, а судебная перспектива нередко бывает туманной.

Учитывая это, профилактические антикоррупционные меры гармонично дополняют борьбу с коррупцией, выступая в роли авангарда. Сравнительно простые механизмы привлечения к ответственности снижают риск судебной отмены принятых решений.

В завершение приведем еще одно предложение по совершенствованию антикоррупционного законодательства.

В соответствии с ч. 4.1 ст. 5 Федерального закона «О противодействии коррупции» правоохранительные органы и иные государственные органы обязаны информировать органы по профилактике коррупции субъектов Российской Федерации о ставших им известными фактах несоблюдения служащими антикоррупционного законодательства.

В связи с этим предлагаем обсудить возможность предоставления антикоррупционному органу субъекта Российской Федерации информации о результатах проверок, проводимых в порядке ст. 144 и 145 УПК РФ в отношении служащих и лиц, замещающих государственные и муниципальные должности, поскольку отсутствие в их действиях признаков уголовного преступления не всегда свидетельствует о соблюдении норм антикоррупционного законодательства, предусматривающего другие виды наказания, вплоть до прекращения полномочий или изъятия имущества.

Профилактика коррупции – это комплексная и сложная задача, сохраняющая свой приоритет для государства. Как подчеркнул Президент России Владимир Владимирович Путин на последней коллегии МВД (2 апреля 2024 г.), принципиальная последовательная борьба с коррупцией остается нашей важнейшей задачей.

Список библиографических ссылок

1. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.04.2024).

2. О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами: федер. закон от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.04.2024).

3. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: федер. закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.04.2024).

4. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федер. закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.04.2024).

5. О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции: указ Президента РФ от 15 июля 2015 г. № 364. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.04.2024).

6. О Департаменте противодействия коррупции и контроля Свердловской области и внесении изменения в Указ Губернатора Свердловской области от 22.06.2012 № 427-УГ «О Правительстве Свердловской области и исполнительных органах государственной власти Свердловской области»: указ Губернатора Свердловской области от 30 ноября 2018 г. № 637-УГ. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.04.2024).

7. О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации: указ Президента РФ от 25 апреля 2022 г. № 232. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.04.2024).

8. Мешала воровать: почему закрыли антикоррупционную программу. URL: <https://www.gazeta.ru> (дата обращения: 08.04.2024).

© Ширалиев И. С., 2024

**Раздел II. Материалы Всероссийской научно-практической конференции
«Политические, идеологические и правовые аспекты
противодействия экстремизму. Проблемы квалификации и расследования
преступлений экстремистской направленности»**

Е. В. Ануфриева
*Волгоградский государственный
технический университет*

Участие сталинградцев в эвакуации жителей Ленинграда

Великая Отечественная война не перестает учить нас тому, как в сложное время оставаться людьми, соучастными чужой беде, – на примерах простых людей, оказавшихся в условиях военного времени в той или иной степени вовлеченными в ситуации фронтовых будней, тыловой работы или процессы, связанные с эвакуацией населения.

В данной работе на основе материалов Государственного архива Волгоградской области будет показано, как в начале 1942 г. жители города Сталинграда участвовали в оказании помощи эвакуируемым ленинградцам, эшелоны с которыми проходили через город в более глубокий тыл.

Исследователи отмечают, что термин «эвакуация населения» в условиях Великой Отечественной войны применим к гражданским лицам, перемещенным в тыл с предприятиями или учреждениями; людям, вывозимым в силу того, что их жизнь подвергалась опасности в случае захвата неприятелем [1, с. 10].

11 июля 1941 г. было принято решение ГКО об эвакуации из Ленинграда. Начался массовый вывоз промышленных предприятий и населения. И все же в городе на момент начала блокады оставалось 2 млн 554 тыс. человек гражданского населения, в том числе 400 тыс. детей [1, с. 30]. В процессе эвакуации населения из Ленинграда условно выделяют 3 этапа: первый – с 29 июня по 27 августа 1941 г., второй – из блокадного города, третий – после прорыва блокады (то есть весной и летом 1943 г.)

Исследователи отмечают феномен двойной эвакуации. Значительный поток эвакуированных летом и осенью был направлен в Сталинградскую, Орловскую, Калининскую, Ростовскую области. Однако военные неудачи Красной армии летом 1942 г. вызвали необходимость эвакуации уже из этих областей дальше на восток [1, с. 48].

Таким образом, Сталинградская область с первых дней войны оказалась территорией, куда эвакуировали население и предприятия из западных регионов СССР; а затем, с 17 июля 1942 г. – времени начала Сталинградской битвы, боевые действия шли непосредственно на территории области при полной или частичной оккупации ряда районов. Началась эвакуация населения и материальных ценностей из Сталинградской области, было введено осадное положение [2, с. 11].

Прием и размещение эвакуированного населения в Сталинграде начинаются уже с лета 1941 г. Предприятия города приняли большое количество рабочих и единиц оборудования. В ходе эвакуации на Сталинградский тракторный завод поступило 775 единиц оборудования для механического цеха, на завод «Баррикады» – 240, на «Судоверфь» – 150. На предприятиях города возросло и количество рабочей силы. Основными источниками ее пополнения были эвакуированные рабочие и мобилизованное нерабочее население города. Это можно подтвердить показателями числа рабочих на заводах города в разные годы. Так, на территории Тракторного завода имени Ф. Э. Дзержинского среднесписочное число рабочих в 1940 г. составляло 15 542 человек, а уже к 1 января 1942 г. – 19 586. Аналогичная тенденция видна и на заводе «Красный Октябрь»: 8 990 человек в предвоенные годы и 10 500 – на 1 января 1942 г. [2, с. 46–78]. В декабре 1941 г. при заводе «Баррикады» созданы два конструкторских отдела, кадровый состав которых был укомплектован эвакуированными ленинградцами: КБ-2 (начальник – Рудяк Евгений Георгиевич, главный конструктор завода № 232 («Большевик»)) и КБ-3 (начальник – Фроленский Андрей Александрович, прежде работавший на заводе № 371 (ЛМЗ им. И. В. Сталина)) [3, с. 51–52].

С 22 ноября 1941 г. была проложена ледовая трасса через Ладожское озеро, что позволило возобновить эвакуацию населения из Ленинграда. Условия транспортировки были очень сложными: чтобы преодолеть «дорогу жизни» – расстояние в 32 км – требовалось 8 часов, а нередко и больше. Поскольку состояние здоровья большинства эвакуируемых было тяжелым (а вывозили, прежде всего, детей и больных), с 20 февраля 1942 г. на железной дороге было установлено особое наблюдение за эшелонами с ленинградцами. Эвакопункты тыловых станций фактически превратились в госпитали. За период с 21 января по 20 апреля 1942 г. на территорию РСФСР было эвакуировано 550 тыс. ленинградцев [1, с. 32].

В Государственном архиве Волгоградской области хранятся документы Переселенческого отдела Облисполкома Сталинградской области [4]. В контексте нашей работы наибольший интерес представляют доклады и докладные записки инспекторов облотдела и райисполкомов о трудовом и хозяйственном устройстве эвакуанов.

Согласно этим документам к началу 1942 г. в пределах Сталинградской области было размещено свыше 300 тыс. человек эвакуированного населения из западных областей. Основная масса эвакуированных была размещена и трудоустроена в колхозах и совхозах области.

В городе Сталинграде вместе с рабочими и их семьями было размещено свыше 100 тыс. чел. По инициативе комсомола в области была проведена большая работа по сбору вещей для эвакуированных детей. Всего было собрано свыше 400 т одежды и обуви и свыше 1 млн рублей денежных средств, которые были выданы эвакуированному населению районными комиссиями [4, л. 92].

В феврале и марте 1942 г. отделом хозустройства была проведена большая работа по обслуживанию эшелонов эвакуированного населения. По пути следования на станциях Филоново, Арчеда, Сталинград, Котельниково были организованы

питательные пункты и специальные медицинские службы для обслуживания проходящих эшелонов.

Всего через Сталинградскую область прошло свыше 100 эшелонов с эвакуированными в количестве свыше 130 тыс. человек.

В документах отмечается, что питание этих людей проводилось строго по рациону, разработанному Наркомздравом СССР. Случаев перебоев в организации питания не было. Едущие в каждом эшелоне проходили тщательный медосмотр, все больные и ослабленные госпитализировались. Для этой цели в Сталинграде была дополнительно развернута больница на 1 000 коек. Всего было снято с эшелонов больных и ослабленных 2 000 человек. [4, л. 92 об.].

Информация о движении эшелонов с эвакуированными ленинградцами хранится в актах о прибытии в Сталинград эшелонов с эвакуированными гражданами из города Ленинграда [5]. В этих документах указаны дата и время прибытия эшелонов, состояние эвакуируемых, количество людей, прошедших через медпункт, госпитализированных.

На станции Сталинград-I были оборудованы эвакуопункты, в которых эвакуируемые каждого эшелона проходили санобработку, получали горячее питание и сухие пайки для дальнейшего следования вглубь страны.

К каждому акту прилагается список снятых с эшелона с указанием причин, по которым это было сделано (чаще всего – вследствие пищевых расстройств, авитаминоза). Все эти люди направлялись в больницу.

Особый вид документов, сохранившихся в архиве, представляют собой написанные эвакуированными ленинградцами отзывы: некоторые напечатаны на машинке, другие написаны от руки пером или карандашом, как правило, от имени людей, проезжавших через станцию Сталинград-I. Например, в отзыве начальника эшелона 124 И. И. Новикова написано: «...по прибытии эшелона на станцию Сталинград в эвакуопункте я узнал, что нам на встречу была выслана грузовая машина с продуктами <...> предпринятые мероприятия и работа ответработника эвакуопункта о ленинградцах, лично меня крайне удивило, так как за время пути от Ладожского озера ст. Лаврово ничего подобного не встречалось несмотря на то, что едущие ленинградцы не получали никакой пищи трое суток (69 часов). По прибытии в эвакуопункт меня встретила тов. Кудинова, от которой я получил разумное и толковое указание моих дальнейших действий как начальника эшелона. За организацию питания, за организацию обслуживания питающихся и за полноту и качество обедов от имени всего эшелона выношу глубокую благодарность. <...> 23.04.1942» [5, л. 24].

В другом отзыве профессорско-преподавательский состав академии Орбели, а также трудящиеся эвакуированного населения города Ленинграда, следующие эшелоном № 513/424 в Орджоникидзевский край, приносят благодарность за проявленную заботу, внимание при оказании медпомощи и обеспечении питанием и сухим пайком людей, следующих в вышеуказанном эшелоне (20.04.1942) [5, л. 200].

Подобных отзывов в деле хранится не мало. За этими скупыми и такими важными словами виден труд простых поваров, медсестер, санитаров, врачей, всех

жителей Сталинграда, которые встречали эшелоны с людьми из Ленинграда, пережившими первую блокадную зиму, преодолевшими голод и потери, помогали им с санобработкой, питанием, обогревая не только горячими обедами, но и теплом своего сердца.

Список библиографических ссылок

1. Потемкина М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы: монография. Магнитогорск: МаГУ, 2002. 265 с.
2. Сталинградская область (1939–1943). Цифры и факты: информ.-статист. справ. / редкол.: М. М. Загорулько (отв. ред.) и др.; сост.: М. М. Загорулько (отв. сост.) и др. Волгоград: Издатель, 2017. Т. 2: Промышленность. Сельское хозяйство. Водный транспорт. 352 с.
3. Производственная повседневность на оборонных предприятиях Казахстана и Урало-Поволжского региона России в военные годы (1941–1945 гг.): монография / под ред. Р. С. Жаркынбаевой, М. Н. Потемкиной. Алматы: Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, 2023. 379 с.
4. Доклады и докладные записки инспекторов облотдела и райисполкомов о трудовом и хозяйственном устройстве эвакуанаселения // Государственный архив Волгоградской области. Ф. 2863. Оп. 1. Д. 8.
5. Акты о прибытии в Сталинград эшелонов с эвакуированными гражданами из г. Ленинграда, списки больных. 28.02.1942–20.04.1942 // Государственный архив Волгоградской области. Ф. 2863. Оп. 1. Д. 49.

© Ануфриева Е. В., 2024

Факторы, способствующие вовлечению подростков в террористическую деятельность

Террористический акт, совершенный 22 марта 2024 г. в концертном зале «Крокус Сити Холл» в подмосковном Красногорске, повлек за собой волну сообщений в мессенджерах с призывами к противоправным действиям, которые стали массово получать российские подростки. Глава «Лиги безопасного Интернета» Е. Мизулина подчеркнула, что «провокаторы... обещают деньги, наркотики, алкоголь. Запугивают тем, что якобы знают все данные о ребенке» [1]. Практически каждое сообщение содержало такие фразы, как «Хочешь по крупному заработать?», «Вам будет выплачено вознаграждение», «Если вы не согласитесь, убью вас, я знаю где вы живете», «Если ты не согласишься, то очень пожалеешь»¹ и т. п., т. е. несовершеннолетние подверглись тщательно спланированной психологической атаке. Об этом же говорит руководитель департамента расследований в компании T.Hunter И. Бедеров: «Судя по анализу профилей в месседжерах, с которых непосредственно идет рассылка, можно предположить централизованную работу по управлению общественным мнением в России...» [2].

Многие подростки проявили сознательность и не поддались уговорам преступников, однако были и те, кого удалось завербовать. Так, в Волгоградской области задержали двоих юношей, которые собирались устроить взрывы в многолюдных местах. Оба участника проукраинской запрещенной нацистской группировки. Во время обыска у них изъяли огнестрельное оружие, боеприпасы и готовое к применению самодельное взрывное устройство [3].

Подобные случаи происходили в России и до событий марта 2024 г. Например, в январе 2023 г. в Подмосковье были задержаны трое восьмиклассников, которые посредством мессенджера Telegram вступили в контакт с неизвестными лицами и затем за вознаграждение повредили объекты транспортной инфраструктуры Российских железных дорог [4]. В ночь на 16 февраля 2023 г. группа подростков 15–17 лет подожгла релейный шкаф на Калининградской железной дороге. Один из них получал указания через мессенджер от украинских кураторов, пообещавших ему деньги [5]. Аналогичные случаи зафиксированы в Новосибирске, Казани, Калужской области и иных субъектах Российской Федерации и вызывают обеспокоенность на самом высоком уровне. На расширенном заседании коллегии МВД России 2 апреля 2024 г. Президент страны В. В. Путин призвал правоохранителей «защищать от влияния радикалов и экстремистов в глобальных сетях, в целом от преступной среды подрастающее поколение» [6]. В настоящее время именно глобальные сети,

¹ В тексте статьи орфография и пунктуация авторов сообщений сохранены.

включая Интернет (социальные сети, мессенджеры), являются основным каналом вербовки подростков в деструктивные сообщества: «Соцсети позволяют провокаторам свободно собирать интересующие их данные и еще на этапе планирования „вербовки“ анализировать личные страницы жертв и выбирать подходящих (обычно тех, кто демонстрирует активность и в то же время не имеет четких личностных позиций)» [7]. Такая ситуация стала возможной из-за того, что часто профили молодых людей в социальных сетях являются открытыми, там размещается информация о себе или других людях (овершаринг), демонстрируются яркие эмоциональные реакции на тот или иной контент. Все это позволяет злоумышленникам собрать на человека «досье» и использовать его в своих целях.

Вербовщики обращают внимание и на психологические особенности личности. Известно, что подростки уязвимы и подвержены влиянию, могут искать признание, поддержку. Данному возрасту свойственна реакция группирования: для юношей имеет большое значение нахождение и принятие в какой-либо группе, им важно найти понимание. «Люди, занимающиеся террористической деятельностью, как раз и ищут подобных молодых людей, которые нуждаются в поддержке и опоре в виде идеологии. Получается, опираясь на идеологию куратора, он думает, что делает правильные вещи, ему объясняют, что все это правильно» [8]. Администраторы деструктивных сообществ играют на чувствах несовершеннолетних, проявляют мнимую эмпатию, постепенно втираются к ним в доверие, а затем «предлагают где-нибудь что-нибудь повредить, поджечь, заминировать или оставить на ночь включенным газ на кухне и зажечь там спичку. Жертвами последней схемы, как правило, становятся совсем маленькие дети – зафиксированы случаи, когда „наградой“ должно было стать „превращение в фею“» [9].

Обычно вербовка разыгрывается по одному из приведенных далее сценариев:

- все преподносится как игра;
- в ход идут угрозы или шантаж;
- молодым людям обещают большой гонорар за выполненное задание.

В силу личностной незрелости, отсутствия жизненного опыта, эмоциональной неустойчивости подростки нередко верят обещаниям неизвестных лиц, сулящих им заработок и всеобщее признание, или их угрозам. Если обратить внимание на текст сообщений, поступавших молодым людям после теракта в «Крокус Сити Холле», то можно заключить, что практически в каждом из них использовались два из названных сценариев: обещание большого гонорара и запугивание. Злоумышленники применяли определенные речевые обороты, способы построения высказываний, реализующие коммуникативную стратегию воздействия. Как правило, месседж начинался со слов «Привет брат», «Эй, малыш, поговорим?», «Бро привет», создающих атмосферу непринужденного общения (так, «лексема „бро“ используется в молодежной речи как экспрессивный, возвышенный синоним к лексическим единицам „лучший друг / лучшая подруга“» [10]). Далее следовало «задание» и обещание вознаграждения: «Предлагаю вам очень большую сумму в обмен на некоторые действия», «...не хочешь подзаработать из Москвы или области?» «Вознаграждение за задание 800 тысяч рублей», «Плачу 2 миллиона

рублей» и т. п. Финал сообщений представлял собой угрозу: «У тебя время до завтра, если не согласишься то я тебя лично убью», «Ты пожалеешь», «Если не согласишься будут последствия» и т. п., – т. е. злоумышленники использовали так называемые «инструменты принуждающей коммуникации», выводящие адресата из состояния эмоционального равновесия путем запугивания. Психика подростков не имеет иммунизирующих механизмов к столь продуманной атаке: с одной стороны, включается азарт, возникает желание заработать большие и «легкие» деньги, с другой – появляется страх за себя и своих близких, – так со временем юноша трансформируется из обычного школьника в диверсанта.

«Благодатной» почвой для «всходов» экстремизма и терроризма являются и низкий уровень социальной ответственности молодых людей, несформированность морально-этических принципов (патриотизма, гуманизма, толерантности и иных), крайняя самонадеянность. Многие подростки просто не понимают, что своими действиями могут причинить кому-то боль, не осознают, что уничтожение государственной и частной собственности влечет за собой уголовное наказание. По сути, речь идет об инфантилизме, который процветает в современном обществе: «Раньше, когда Россия была крестьянской, дети не могли быть инфантильными, поскольку с ранних лет работали... В период урбанизации их ждало производство, а парней – еще и служба в армии. В 16 лет молодой человек, как правило, считался совершенно взрослым. В постиндустриальном обществе полное взросление приходится в лучшем случае на 23–25 лет» [11]. Помимо указанного инфантилизм характеризуется зависимостью от других людей и ограниченным принятием окружающей реальности, чем охотно пользуются вербовщики, а также поверхностностью суждений: подростки могут воспринимать свои действия как игру или шутку, не понимая, что ценой таких, как им кажется, «забав» могут быть не только разрушения, но и жертвы.

В завершение отметим, что подростковый возраст – сложный период развития человека, которому свойственны физиологические, психологические и мировоззренческие изменения; время, когда несовершеннолетние нуждаются в особой поддержке и ненавязчивой заботе (без гиперконтроля), понимании и признании, разъяснении ценностей и помощи в поиске жизненных ориентиров. Эта миссия лежит, прежде всего, на родителях и педагогах, которым необходимо обращать внимание на любые трансформации в поведении подростков, регулярно вести профилактические беседы о недопустимости вовлечения в преступную деятельность, наступлении уголовной ответственности и т. д. и всегда помнить о том, что если они не будут воспитывать своих детей, этим обязательно займется кто-нибудь другой, и не факт, что такое «воспитание» принесет благие плоды.

Список библиографических ссылок

1. Мизулина сообщила о провокаторах, предлагающих подросткам совершить теракт. URL: <https://ria-ru.turbopages.org> (дата обращения: 13.06.2024).

2. Россияне столкнулись с психической атакой в Telegram после теракта в «Крокусе». URL: <https://gazeta-ru.turbopages.org> (дата обращения: 13.06.2024).
3. В Волгоградской области задержаны участники запрещенной в России террористической организации. URL: <https://www.1tv.ru> (дата обращения: 13.06.2024).
4. ФСБ задержала трех восьмиклассников за диверсию на железной дороге. URL: <https://rbc-ru.turbopages.org> (дата обращения: 13.06.2024).
5. Подростки устроили диверсию на железной дороге по наводке с Украины. URL: <https://ren-tv.turbopages.org> (дата обращения: 13.06.2024).
6. Расширенное заседание коллегии МВД. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 13.06.2024).
7. Фролова М. Вербовка в Сети: российским школьникам предлагают совершать теракты за деньги. URL: <https://iz-ru.turbopages.org> (дата обращения: 13.06.2024).
8. Шатров Д. «Место равнодушных родителей займут быстро»: психолог о подростках и запрещенных группах. URL: <https://www.tatar-inform.ru> (дата обращения: 13.06.2024).
9. Калинина Л. В. Семантика и функционирование лексемы Бро в интернет-коммуникации // Вестник Нижегородского университета им Н. И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 411–414.
10. «Я знаю, где ты живешь»: как подростков вербуют в террористы через мессенджеры. URL: <https://www.tatar-inform.ru> (дата обращения: 13.06.2024).
11. Миронов Н. Инфантильные террористы: почему молодые люди не понимают последствий своих действий. URL: <https://vm.ru> (дата обращения: 13.06.2024).

© Боренов А. Ю., Голятина С. М., 2024

Террористическая деятельность, террор, терроризм и террористический акт: разные взгляды

Россия за период своего становления пережила много потрясений, каждое из которых сопровождалось разными событиями: междоусобные войны, опричнина, Смутное время, дворцовые перевороты и др. Многие изменения, происходящие в государстве, сопровождались массовыми убийствами, пытками, взрывами, поджогами и т. п. Некоторые произошедшие деяния имеют сходные черты с терроризмом в современном его понимании. Однако в то время мало кто мог эти деяния квалифицировать как террористический акт ввиду отсутствия развитого российского уголовного права. Однако именно произошедшие деяния, как считают некоторые исследователи, и «стали предпосылками для того, чтобы зародился современный терроризм» [1].

Такие понятия, как «террористический акт», «терроризм», «террористическая деятельность», «террористы», нередко появляются в средствах массовой информации, порождая озабоченность и беспокойство наших граждан за свое настоящее и будущее, за свои права и свободы, гарантированные Конституцией Российской Федерации.

В Федеральном законе «О противодействии терроризму» [2] в отличие от Уголовного кодекса Российской Федерации (ст. 205) (далее – УК РФ) используются два понятия: «терроризм»¹ и «террористический акт»². Отметим, что определение террористического акта практически аналогично определению, указанному в диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ. В июле 2006 г. ст. 205 УК РФ приобрела иное название «Террористический акт».

Вопрос о соотношении понятий «акт терроризма» и «террористический акт» является одним из самых дискуссионным как в законодательстве, так в доктрине и правоприменительной практике. К тому же законодательная конструкция объективной стороны террористического акта также вызывает споры. По мнению одних, он выступает формальным составом [3, с. 54–55.], по мнению других – составом реальной опасности [4, с. 21–22; 5, с. 345] либо составом конкретной

¹ Под терроризмом следует понимать идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

² Под террористическим актом следует понимать совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угрозу совершения указанных действий в тех же целях.

опасности [5, с. 27–28]. Вполне целесообразно с научной точки зрения, на наш взгляд, рассматривать состав реальной опасности как разновидность формального состава.

О понятии террористического акта рассуждают многие авторы с момента его зарождения, т. е. с первой половины XX в. Однако столь продолжительный период дискуссий относительно этой категории так и не смог поставить точку в спорах между авторами. Некоторые авторы не делают различий между террором, терроризмом и террористическим актом, что абсолютно неверно. Терроризм – явление сложноструктурированное, в то время как террористический акт – это конкретное преступление, хотя и имеющее прямую связь с терроризмом. Терроризм представляет собой не только правовое явление, но и явление, которое носит общесоциальный характер и рассматривается не как конкретное деяние, а как социальный феномен. В понимании М. А. Комаровой терроризм – это «системное, политически или социально мотивированное, идеологически обоснованное использование насилия или угроз его применения» [6, с. 16]. В статье О. Е. Тарасовой и Е. С. Машуковой отмечено, что терроризм представляет собой «общественно опасное деяние, нарушающее законность и реализуемое с применением крайних форм насилия» [7, с. 115–120].

О терроризме как об антисоциальном феномене рассуждает А. Г. Безверхов, указывая, что «он вобрал в себя множество террористических актов» [8, с. 12–17]. Если придерживаться такого понимания, то терроризм соединяет в себе сущность юридического, политического, криминологического, идеологического, нравственного, психологического и этнокультурного характера.

Несмотря на разность во взглядах, большинство исследователей выделяют схожие признаки, характеризующие именно террористический акт:

- деяние, порождающее в обществе страх, опасность;
- имеет характер внезапности;
- способствует дезорганизации человека в социальном пространстве;
- деяние носит характер публичности;
- почти не поддается прогнозированию;
- может сопровождаться психологическим воздействием с целью склонения людей к действиям в интересах террористов;
- может сопровождаться захватом заложников.

Террористический акт, как и терроризм, отличается от такой категории, как террор, хотя различий между этими категориями в словарях С. И. Ожегова и В. И. Даля не представлено [9, с. 28–29].

Анализируя зарубежное законодательство, можно отметить, что террористические акты представляют угрозу не только России, но и всему мировому сообществу, поэтому почти все зарубежные страны предусматривают уголовную ответственность за данное преступление. Однако, несмотря на признание террористического акта преступлением, подходы к ответственности за него имеют существенные отличия в зависимости от конкретной страны, менталитета ее населения, географических особенностей и сложившихся обычаев. Различия просматриваются и в терминологическом аппарате [10]. Например, такой категории,

как «террористический акт», нет в УК Германии. При этом законодатель устанавливает ответственность за создание террористических объединений. В УК Испании преступления террористического характера посвящено несколько положений, которые законодателем размещены в XXI разделе. Определение террористической деятельности находим в УК Канады, в то же время понятия террористического акта в законе нет. Интерес представляет УК США, где ответственность за интересующее нас преступление представлена в параграфе, предусматривающем ответственность за «терроризм». Понятие террористического акта представлено в ст. 6 УК Индонезии и в УК Франции, причем французский законодатель предусматривает ответственность за совершение террористического акта для юридических лиц (ст. 121.2 УК Франции). За участие в террористической организации предусмотрена ответственность в ст. 120 УК КНР. Таким образом, учитывая угрозу, которую представляет террористический акт, законодатели почти всех зарубежных стран предусматривают ответственность за данное преступление. Однако подходы к ответственности за его совершение также различаются. Более того, не во всех уголовных законах есть определение террористического акта.

Сегодня, учитывая активное развитие цифровизации, объективные признаки рассматриваемого состава в России требуют некоторых корректировок. Целесообразно определить дополнительный признак в ст. 205 УК РФ – с использованием высоких технологий, в том числе сети Интернет.

Список библиографических ссылок

1. Пикин И. В., Лопина М. В., Ключников М. И. Историческое развитие уголовной ответственности за террористическую деятельность // Вестник воронежского института ФСИН России. 2019. № 3. С. 200–205.
2. О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.04.2024).
3. Шевченко И. В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность: монография. М.: Юрлитинформ, 2011.
4. Галачиева М. М. Уголовно-правовой анализ террористического акта: законодательные и теоретические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
5. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: курс лекций / А. И. Рарог, Г. А. Есаков, А. И. Чучаев, В. П. Степалин; под ред. А. И. Рарога. 2-е изд., перераб. И доп. М.: Проспект, 2010.
6. Комарова М. А. Терроризм в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
7. Тарасова О. Е., Машукова Е. С. Понятие террористического акта в науке и законодательстве // Профилактика и противодействие экстремизму и терроризму в информационной среде как условие обеспечения гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений: сб. матер. III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / науч. ред. Н. А. Никиташина; отв. ред. В. Н. Козлова.

Абакан: Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2021. С. 115–120.

8. Безверхов А. Г. «Терроризм» и «террористический акт»: криминологический и юридический анализ // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2013. № 1. С. 53–66.

9. Стародубцева М. А. О теоретическом разграничении терминов «Террор» и «терроризм» // Российско-азиатский правовой журнал. 2023. № 3. С. 27–30.

10. Ткаченко Г. Э. Анализ зарубежного опыта формирования уголовной ответственности за совершение террористических актов // Актуальные исследования. 2020. № 22 (25). С. 123–126.

© Бугера Н. Н., 2024

**Информационное значение социогуманитарной экспертизы
при расследовании преступлений,
связанных с пропагандой экстремизма**

Одним из приоритетных направлений современной уголовной политики России является противодействие экстремистской деятельности, охватывающей в числе других общественно опасных деяний (преступлений и административных правонарушений) возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, а также пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии [1]. Конституция Российской Федерации 1993 г. как основной закон российского государства в числе важнейших своих положений закрепляет недопустимость пропаганды или агитации, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, а также запрещает пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ч. 2 ст. 29).

Кроме того, согласно одному из документов стратегического планирования, который определяет цель, задачи и основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму – Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года – экстремизм является одной из наиболее сложных проблем современного российского общества, что связано, в первую очередь, с многообразием его проявлений, неоднородным составом экстремистских организаций, деятельность которых угрожает национальной безопасности Российской Федерации и приводит к нарушению духовного и гражданского единства многонационального народа России [2].

Преступления, связанные с пропагандой экстремизма, образуют обособленную группу в структуре преступлений экстремистской направленности, которая «дифференцируется следующим образом:

1) преступления в сфере пропаганды экстремизма универсальные (основные): ст. 280 УК РФ (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), ст. 282 УК РФ (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства);

2) преступления в сфере пропаганды экстремизма специфической направленности: ст. 280.1 УК РФ (Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации), ст. 354 УК РФ (Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны), ст. 354.1 (Реабилитация нацизма);

3) ситуативные преступления в сфере пропаганды экстремизма: ч. 1.1 ст. 282.1 и ч. 1.1 ст. 282.2 УК РФ (Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества (экстремистской организации);

4) как элемент организации экстремистского сообщества (экстремистской организации): приобретают качества агитации в части склонения и вербовки, если они носят характер психологического воздействия побудительного характера» [3, с. 10].

Спецификой пропаганды является то, что при умелом использовании агитационного материала в головы людей можно вложить любую информацию, имеющую как положительную, так и отрицательную направленность, даже побудить человека совершить тяжкое правонарушение. Не случайно у осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности в квартирах часто изымают пропагандистские и агитационные материалы, имеющие свою специфику: главная их функция заключается в том, чтобы влиять на сознание людей и изменять его, распространять и популяризировать определенные идеи [4, с. 89]. Таким образом, пропаганда является мощным оружием в распространении экстремистских и националистических идей в современном обществе. В основном пропаганда нацелена на молодежь, склонную в силу своих возрастных особенностей к радикализму и решению проблем силовыми методами, а также маргиналов, которые испытывают недовольство по поводу своего положения в социуме. Именно эти категории населения находятся «под прицелом» пропагандистской «машины» в первую очередь. Они недовольны своим положением и для его изменения готовы пойти даже на крайние меры. Пропаганда же направляет недовольство этих социальных групп в нужное экстремистам русло, умело манипулируя сознанием людей.

Поскольку при расследовании различных преступлений должны быть получены ответы на многие вопросы, составляющие содержание предмета доказывания, то несомненно, что для этого одних только юридических знаний, которыми обладает следователь, недостаточно. Для получения ответа на многие интересующие следствие вопросы требуются и специальные знания из разных областей научного знания, в том числе социологии, философии, филологии, этнографии, истории. Эти специальные знания не относятся к числу общеизвестных, а потому следователь, не являющийся соответствующим специалистом, объективно вынужден обращаться за помощью к компетентным в этих областях знания лицам.

По делам о преступлениях экстремистской направленности особую сложность представляет именно определение вопросов, требующих оценки специалиста в той или иной области знания (кроме юриспруденции). Анализ судебной и следственной практики показывает, что сегодня еще имеют место случаи, когда перед экспертами ставятся вопросы, ответы на которые не требуют каких-либо специальных знаний и могут быть получены при наличии знаний, носящих ярко выраженный общеизвестный характер. Примером такой явно не обусловленной необходимостью формулировки может служить вопрос следователя эксперту: в какой грамматической форме употребляется глагол «бей» и является ли он призывом к действию? Безусловно, специальные знания следует ограничивать не только от общеизвестных, но и от тех, которые составляют исключительную компетенцию следователя [5, с. 44].

Это особенно важно при проведении социогуманитарной экспертизы, требующей глубоких научных исследований и теоретического обоснования. Как правило, социогуманитарная экспертиза проводится экспертом самостоятельно. Однако в соответствии со ст. 197 УПК РФ следователь вправе присутствовать при производстве судебной экспертизы и получать разъяснения эксперта по поводу проводимых им действий. Такое присутствие может рассматриваться как своеобразная форма взаимодействия следователя и эксперта. Оно полезно и эксперту, и следователю. С одной стороны, следователь, который осуществлял сбор материалов, представленных эксперту, владеет информацией об обнаружении этих материалов, обстоятельствах их изъятия, иных фактах, которые могут быть важны для эксперта. Он может дать соответствующие пояснения, что будет способствовать решению экспертных задач. С другой стороны, следователь, присутствующий при производстве экспертизы, наглядно убеждается в достоверности сделанных экспертом выводов, оперативно получает информацию и может корректировать свою деятельность с учетом вновь полученных сведений. Факт присутствия следователя при производстве экспертизы отражается в заключении эксперта. Если при производстве судебной экспертизы эксперт установит обстоятельства, которые имеют значение для уголовного дела, но по поводу которых ему не были поставлены вопросы, то он вправе указать на них в своем заключении. Данное положение закрепляет инициативу эксперта и должно рассматриваться не только как право, но и как его профессиональная обязанность.

Всякое заключение эксперта подлежит оценке следователем, а затем судом. Один из критериев такой оценки – компетенция лица, проводившего исследование. Несомненно, следователь и суд должны исходить из степени сложности задач, подлежащих решению. Наряду с этим несложные исследования могут проводиться специалистами, не имеющими значительного стажа и опыта экспертной работы. Помимо опыта и стажа работы оценке подлежат и вопросы, поставленные перед экспертом. В частности, следователь и суд должны определить, соответствуют ли эти вопросы научной специальности эксперта, не выходят ли они за пределы его специальных знаний. Особенно важно дать такую оценку при проведении нетрадиционных экспертиз вне экспертных учреждений, например социогуманитарной. Поскольку наиболее сложная экспертиза по делам о преступлениях экстремистской направленности – социогуманитарная – является по своему характеру комплексной, в исследовательской части заключения должны быть приведены данные раздельного анализа объектов исследования и обобщение всех исследований, в котором синтезируются все полученные результаты. При оценке данной части заключения следователь и суд должны обращать внимание на то, какие методики проведения экспертизы были использованы, приемлемы ли они в данном случае, правильно ли применены экспертом, не содержатся ли в заключении эксперта внутренние противоречия. В случае недостаточной обоснованности применения методик возможен допрос эксперта, в ходе которого он может пояснить, какие методы и почему избрал для исследования, обосновать и допустимость

данного метода в конкретном случае. При необходимости эксперту может быть предложено разъяснить специальные термины, использованные в заключении [6].

Назначение судебной экспертизы материалов, содержащих призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации, возбуждению национальной, расовой или религиозной вражды осуществляется следователем, производящим расследование уголовного дела. Поскольку основными способами совершения указанных преступлений являются агитация или пропаганда в устной, письменной или изобразительной форме, то на экспертизу направляются объекты, содержащие в материально фиксированном виде информацию, возбуждающую национальную, расовую или религиозную вражду либо пропагандирующие исключительность, превосходство или неполноценность граждан по их национальной, расовой или религиозной принадлежности и т. д., то есть листовки, брошюры, буклеты, книги.

В зависимости от содержания печатных материалов (характера содержащейся информации) могут быть назначены следующие виды экспертизы:

- судебно-литературно-политическая экспертиза (экспертиза печатных материалов, содержащих информацию, направленную на возбуждение политической вражды в экстремистских целях);
- судебно-литературно-этническая экспертиза (экспертиза печатных материалов, содержащих информацию, направленную на возбуждение национальной или расовой вражды);
- судебно-литературно-религиоведческая экспертиза (экспертиза печатных материалов, содержащих информацию, направленную на возбуждение религиозной вражды);
- судебно-историко-правоведческая экспертиза (экспертиза печатных материалов с целью установления достоверности используемой для возбуждения вражды информации о социально-исторических фактах).

Указанные виды экспертизы проводятся, как правило, вне экспертных учреждений России. К их производству привлекаются лица, обладающие специальными знаниями в области политологии, этнологии, религиоведения (в зависимости от предмета экспертизы, то есть круга решаемых вопросов, и объекта экспертизы – характера и содержания материальных носителей информации).

В зависимости от характера информации, содержащейся в распространяемых материалах (например, информации, направленной на возбуждение вражды одновременно по национальному и религиозному мотивам), экспертиза может быть назначена не единоличная, а комплексная (с привлечением нескольких экспертов из разных областей научного знания).

Экстремизм всегда сопровождается нарушением жизненно важных прав человека (права на жизнь, свободу, безопасность), представляя собой одну из важнейших мировых проблем в условиях глобализации. Любые формы экстремизма (в том числе религиозный, политический, национальный и др.) опасны для российского государства. Именно государство должно соответствующим образом реагировать на угрозы, которые представляет та или иная разновидность

экстремистской деятельности. Жизненно важным для Российской Федерации является своевременное и эффективное противодействие экстремизму. Члены гражданского общества, общественных и религиозных объединений вносят значительный вклад в формирование толерантности в обществе, способствуют исключению проявления крайних форм религиозных взглядов и установок.

Список библиографических ссылок

1. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
2. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утв. Указом Президента РФ от 29.05.2020 № 344. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.04.2024).
3. Яцкина И. А. Совершенствование методики расследования преступлений, связанных с пропагандой экстремизма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2020. С. 10.
4. Макеева И. С. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства: монография. Екатеринбург, 2019. 160 с.
5. Виноградова О. П. Информационное значение судебно-лингвистической экспертизы при расследовании преступлений экстремистской направленности // Региональные особенности практической деятельности экспертно-криминалистических подразделений и органов предварительного расследования: сб. ст. Ставрополь, 2023. С. 41–45.
6. Елагина Е. В., Николаева Т. Г., Данилова Н. А. Специальные знания в уголовном судопроизводстве: хрестоматия. СПб., 2022. 204 с.

© Виноградова О. П., 2024

А. В. Войтов
ВА МВД России
Д. В. Гладков
Волгодонский филиал
Ростовского юридического института МВД России

Межинституциональное взаимодействие как основа противодействия терроризму и экстремизму

Терроризм как форма вооруженного, силового противодействия оппозиционно настроенных групп официальной власти посредством атак на государственных служащих, а также на граждан в истории нашего государства известен давно. Новый характер данного понятия мы обнаруживаем, когда власти квалифицируют своих оппонентов как «террористов», а также в тех событиях, которые мы сегодня называем «асимметричными войнами». Хотя относительно последнего понятия необходимо внести ясность.

Терроризм – это часть тактики, используемой более слабой стороной в асимметричном конфликте. Однако иногда сторонники партизан, использующих террористические методы, чтобы избежать каких-либо уничижительных коннотаций, называют ее асимметричной войной; аналогичным образом оккупационные державы часто называют партизан «террористами» в рамках пропагандистских кампаний, направленных на сохранение поддержки в их родной стране и на победу над оккупированным населением, чтобы отрезать основную базу поддержки партизан. В этом корень фразы «Террорист для одного – борец за свободу для другого». В то же время асимметричные сражения – это сражения между разнородными силами. Эти столкновения могут быть чрезвычайно смертоносными, особенно если атакуемые силы не готовы защищаться от угрозы [1]. Точно так же асимметричная война описывается как война между двумя сторонами с очень разными целями.

В данных условиях новым выступает не только оппонент, но и среда, в которой развиваются эти явления. Оперативная среда, политическая среда, технологическая среда, правовая среда, а также социально-экономическая среда претерпели глубокие изменения за последние двадцать лет и существенно изменили методы работы квалифицированных группировок «террористов». Вместе с указанными средами изменились социальный, политический, экономический, культурный и иные институты современного общества. Политико-оперативная среда действительно сильно изменилась, и сегодня мы находимся на нескольких театрах военных действий, где государственные вооруженные силы противостоят негосударственным вооруженным группировкам, многие из которых оказались в списках террористических организаций, составленных государствами или международными организациями, такими как Организация Объединенных Наций или Европейский Союз. Более того, эти вооруженные конфликты иногда могут экспортироваться, как правило в форме актов, квалифицируемых как «террористические», как, например,

теракты 13 ноября 2015 г. в Париже или 22 марта 2016 г. в Брюсселе, 20 августа 2022 г. в Подмосковье или 2 апреля 2023 г. в Санкт-Петербурге.

Этому «экспорту» насилия во многом способствуют информационные технологии, причем на нескольких уровнях. С одной стороны, это позволяет обеспечить более широкий охват по привлечению в террористическое дело, быстрые и зашифрованные контакты по всему миру. С другой стороны, эта особенность позволяет легко найти всю информацию по подготовке насильственных действий и обеспечить определенную публичность. Столкнувшись с этой сложной ситуацией, многие государства и международные организации были призваны отреагировать в том числе на законодательном уровне. Таким образом, мы наблюдаем взаимодействие между институтами государственной власти, институтом средств массовой информации и институтом гражданского общества.

Изменения коснулись и способов реакции национальных властей или международных организаций. Некоторые ученые и политики нацелены на устранение первопричины проблемы экстремизма и терроризма, тогда как другая часть концентрируется на совершенствовании силовых методов. Со вторыми имеется относительная ясность – межведомственное взаимодействие, контакт правоохранительных и пенитенциарных институтов, а также межинституциональный контакт исполнительной, законодательной и судебных властей и их институционально-организационных форм.

Другие ученые и государственно-политические деятели утверждают, что причиной появления экстремистских акторов является отсутствие социально-экономического прогресса в некоторых частях мира. Именно они пытаются включить быстрые технологические изменения в свои механизмы ведения войны. Несмотря на техническое и военное превосходство, которым обладают государственные субъекты, будущее, похоже, не лишено потенциальных угроз. Именно поэтому крайне необходимо взаимодействие научно-технических институтов, производственных и институтов государственного регулирования технических средств.

Вместе с тем растущий разрыв между имущими и неимущими, религиозная напряженность и нехватка ресурсов будут подпитывать террористов и экстремистов. Поэтому необходимо взаимодействие религиозных институтов, а также институтов гражданского общества, таких как волонтерские организации, благотворительные фонды, международные правительственные и неправительственные организации в сфере социально-экономической помощи.

Существует также опасность, что криминальные элементы, наркокартели, наемники или террористы объединятся. Именно такой противник будет избегать поля боя и сражаться средствами, сводящими на нет военное превосходство правительственных сил. Основная тактика таких экстремистов и террористов будет заключаться в использовании «асимметрии», слабости, присущей правительственным силам с их технологическим превосходством, но в то же время неповоротливостью. Возможным вариантом взаимодействия в подобной ситуации может быть развитие частного сектора и его тесный контакт с государственными потребностями в ответ на угрозы национальной безопасности.

Подводя итог, важно отметить, что в современную эпоху, когда негосударственные акторы в той или иной форме бросают вызов государственной власти, они действуют вне международных, а порой каких бы то ни было норм и систем ценностей. Они развязывают войну, в которой нет правил, и жертвой подобных преступлений может стать абсолютно любой человек. В подобной ситуации крайне важна не только всесторонняя деятельность государства, правоохранительных органов и иных специальных подразделений, но и других – негосударственных – институтов общества, таких как СМИ, гражданское общество, разнообразные экономические институты, духовные институты, институты культуры и т. д. Особую роль в противодействии экстремистской и террористической деятельности, на наш взгляд, должна отводиться личности – рациональному, социализированному человеку и гражданину. Важно помнить, что обеспечение безопасности государства и общества – это не только задача государства, но и бдительность граждан, их готовность содействовать разнообразным организациям в борьбе с террористической угрозой.

Список библиографических ссылок

1. Alred M. A. Analysis Of Joint Doctrine: Should It Remain Directive? Global Security. 1995.

© Войтов А. В., Гладков Д. В., 2024

А. Р. Гаджиев
Волгоградский государственный
технический университет
Е. В. Ануфриева
Волгоградский государственный
технический университет

**От Халкин-Гола до Берлина:
боевой путь Моисеенко Николая Самуиловича**

Обращение к событиям Великой Отечественной войны остается одним из важнейших в современной истории процессом, объединяющим историческую, культурную и коммуникативную память. Значение последней особенно ценно, так как мы являемся современниками поколения людей, которое помнит и знает о войне не понаслышке. У нас есть уникальная возможность прикоснуться к истории, слушая рассказы ветеранов и детей войны, поговорить с ними, расспросить о том времени. Часто такие знания и воспоминания хранятся в семейных архивах: в письмах, которые приходили в семьи с фронта, в бережно хранимых наградах и орденских книжках. Эти документы являются важным источником информации о войне, а в купе с рассказами, устными историями создают и поддерживают семейную память, являющуюся важнейшим элементом нашей общей памяти о войне.

В данной работе, основанной на материалах семейного архива Гаджиевой Светланы Николаевны, мы расскажем о боевом пути ее отца, Моисеенко Николая Самуиловича, начавшемся в 1939 г. в Монголии и завершенном в 1945 г. в Берлине.

Моисеенко Николай Самуилович (прадед А. Гаджиева) родился в 1912 г. в городе Севастополе. Выбрав профессию военного, он с отличием закончил Московское военное училище имени Всероссийского центрального исполнительного комитета.

После окончания училища в 1939 г. был направлен в Монголию на Халхин-Гол, где он воевал до 1941 г. и был командиром роты.

Великая Отечественная война застала его в Смоленской области. Н. С. Моисеенко срочно выехал в свою часть, откуда был направлен в Высшую военно-воздушную академию на ускоренные курсы командиров в г. Оренбург, а затем в Москву. После окончания курсов в 1942 г. был направлен в Сталинград, где участвовал в боях за город до 1943 г. Его семья находилась в Семипалатинске, где 3 февраля 1943 г. родились двойняшки. Для Н. С. Моисеенко это была двойная радость: во-первых, он очень радовался рождению сына и дочери, а во-вторых, в своих письмах он писал, что это лучший подарок для него в день победы в Сталинградской битве. Сам Николай Самуилович вспоминал об этом времени так: «После окончания военной подготовки, в августе 1942 года, я был направлен в Сталинград. В городе в это время шли сильные бои. Город часто подвергался бомбардировке с воздуха. По несколько раз в день фашистские стервятники налетали на город. Он полыхал в огне. Особенно вспоминается 20 августа 1942 года, бомбежка велась беспрерывно, приходилось укрываться в щелях.

Несмотря на такую обстановку, наша часть была быстро сформирована и вступила в боевые действия. В районе Сталинграда мы находились до полного окружения и разгрома немцев...» [1].

Именно в это время Николай Самуилович пишет домой письма, которые хранятся у его дочери: «1 февраля 1943 года. Здравствуй, любимая Марийка! Боевой привет шлю тебе с фронта Отечественной войны. Я с честью защищаю свою Родину и горжусь, что Родина мне доверила эту почетную задачу. Радуюсь тем, что скоро обязательно мы встретимся. Целую, обнимаю, твой Коля». Скупое, немногословное письмо, а сколько радости принесло в семью его получение. Ведь известно, что письма войны – военные «треугольники», которые писали на фронт и получали с фронта, означали, что адресат письма жив, в отличие от писем, присылаемых в конвертах. Сегодня написание письма и отправка его в конверте через почту, скорее, исключение, чем правило, ведь электронная переписка быстрее и удобнее. А во время войны каждая весточка с фронта была бесценна.

То, какие люди ставились в пример детям, мы видим в еще одном письме, датированном апрелем 1943 г.: «Эту открытку шлю Светочке, пусть она быстрее растет и будет такой же героиней, как Зоя Космодемьянская». Николай Самуилович находил слова, чтобы поддержать своих родных, поучаствовать в жизни семьи, сам находясь далеко от нее на фронте.

Война шла, и Николай Самуилович продолжал службу помощником начальника Орготдела штаба 16-й Воздушной армии. Он нес ответственность по подготовке самолетов и аэродромов к участию в боевых вылетах, это была его основная задача.

В Сталинградской битве и до окончания войны служил начальником штаба батальона аэродромного обслуживания на Юго-Западном, Центральном, 2 Белорусском фронтах.

В официальных документах, которые размещены на сайте «Подвиг народа» [2], значится, что подполковник Н. С. Моисеенко воевал на Сталинградском, Донском, Юго-Западном, Центральном, 1 Белорусском и 2 Белорусском фронтах. Участвовал в Сталинградской битве; в битве на Орловско-Курской дуге; в операции «Багратион» по освобождению Белоруссии; в Висло-Одерской операции по освобождению Польши; в Восточно-Померанской операции с битвой за Кенигсберг. Победу в Великой Отечественной войне Николай Самуилович встретил на реке Одер, в Берлин он со своей частью вошел 12 мая 1945 г., и он побывал в Рейхстаге.

После войны продолжал служить в армии в должности командира авиационно-технической базы Военно-воздушных сил в городе Комсомольске-на-Амуре.

Моисеенко Николай Самуилович за свой ратный труд удостоен многих наград, среди них Орден Боевого Красного знамени; Орден Отечественной войны II степени; два Ордена Красной Звезды; Медаль «За боевые заслуги»; Медаль «За оборону Сталинграда»; Медаль «За победу над Германией»; Медаль «За взятие Кенигсберга»; Медаль «За Одру, Нису и Балтику»; Медаль «За победу на Халхин-Голе» и др.

Позже, в 1968 г., Николай Самуилович с семьей переехал в город Баку, где 3 августа 1991 г. умер.

Обращение к семейной истории позволило задаться вопросом, есть ли подобные документы или знания в семьях старших школьников. Был проведен опрос, в нем приняли участие 25 старшеклассников, которым было задано несколько вопросов, например: «Есть ли (или были) среди Ваших родственников ветераны Великой Отечественной войны? Если да, то кто именно?»; «Знаете ли Вы, как жила Ваша семья во время войны?»; «У Вас дома есть медали, ордена, письма, фотографии, которые напоминают о войне?» и др.

В результате опроса оказалось, что у 16 человек из опрошенных бабушки и дедушки – ветераны Великой Отечественной войны. 17 человек из опрошенных знают, как жила их семья во время войны, и у них дома есть медали, ордена, фотографии военных лет. Впервые о войне большинство ребят узнало от родителей – 22 человека, от бабушек и дедушек – 2 человека и 1 – от других источников: воспитатели, книги, учителя.

Этот небольшой опрос показал, что старшие школьники знают и помнят о войне благодаря сохраняемым в семье документам, что снова убеждает нас в том, насколько важна роль семейной памяти в воспитании человека.

Список библиографических ссылок

1. Амурец: газета. 1968. 8 мая.
2. Моисеенко Николай Самуилович // Память народа: сайт. URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 20.02.2024).

© Ануфриева Е. В., Гаджиев А. Р., 2024

Проблемы изучения религиозного экстремизма среди молодежи в России: социологические аспекты

Актуальность исследования религиозного экстремизма среди молодежи обусловлена растущей угрозой, представляемой данным явлением в современной России. Об этом свидетельствуют события, произошедшие в Дагестане в июне 2024 г. Молодежь (особенно подростки и студенты) в наибольшей степени подвержена вовлечению в деятельность деструктивных религиозных организаций. Изучение социологических аспектов этой проблемы позволяет выявить ключевые факторы и механизмы распространения религиозного экстремизма, а также разработать эффективные меры его профилактики.

Религиозный экстремизм является объектом многочисленных социологических исследований как в нашей стране, так и за рубежом.

Среди множества исследований социологического характера, касающихся религиозного экстремизма, условно можно выделить две группы публикаций. К первой относятся работы, характеризующие экстремистское движение в целом и религиозный экстремизм – в частности. Их можно определить как макросоциологические исследования. Вторая группа публикаций рассматривает именно религиозный экстремизм с микросоциологических позиций, опираясь на конкретные исследования в этой области.

Одним из важных направлений исследований соответствующего характера является изучение причин и механизмов возникновения религиозного экстремизма. Ученые уделяют особое внимание факторам, влияющим на формирование экстремистских религиозных организаций, а также процессам вовлечения новых членов в их ряды.

Эффективным подходом, обеспечивающим разъяснение сущности этих процессов, является применение микросоциологических теорий социальных сетей и социального капитала [1; 2; 3]. Согласно теории социальных сетей религиозные экстремистские организации можно рассматривать как группы индивидов, разделяющих общие неформальные социальные нормы и ценности. С точки зрения теории социального капитала вхождение в такие организации и членство в соответствующих социальных структурах дают их представителям определенные социальные, материальные и духовные блага. Таким образом, изучение механизмов рекрутирования новых членов в религиозные экстремистские организации с применением этих теоретических подходов может способствовать более глубокому пониманию феномена религиозного экстремизма.

В рамках эмпирических социологических исследований религиозного экстремизма существует методологическая проблема, связанная с поиском адекватных индикаторов для его измерения. Это обусловлено тем, что религиозность является латентным феноменом, который невозможно оценить напрямую. Поэтому в количе-

ственных исследованиях используются различные шкалы и косвенные показатели для его операционализации.

Существует апробированный инструментарий, используемый во многих международных исследованиях. Однако он может быть эффективен при изучении такой конфессии, как христианство, но не применим для измерений в других религиозных традициях.

В социологической литературе подчеркивается, что исследование религиозного экстремизма требует особого методологического подхода. Социологи рассматривают религиозность как сложную систему, включающую взаимосвязанные элементы, которые необходимо анализировать всесторонне. Именно такой целостный подход позволяет более адекватно изучать крайние проявления религиозности, в том числе религиозный экстремизм.

Современные социологи используют разнообразные методики – как качественные, так и количественные – для изучения проблематики, связанной с созданием экстремистских религиозных организаций. Одним из хорошо апробированных методов является включенное наблюдение, которое позволяет исследовать различные аспекты религиозности. К наиболее распространенным методам следует отнести анализ документов, в том числе и контент-анализ, применяемый для изучения влияния религии на поведение индивидов и социальных групп. Этот метод обеспечивает возможность выяснения общественного мнения относительно деятельности различных религиозных объединений, а также роли средств массовой коммуникации в освещении отдельных аспектов религиозного экстремизма.

Различные исследовательские центры и социологические лаборатории в России изучают проблемы, связанные с распространением религиозного экстремизма. Во многих регионах страны такая деятельность актуальна, однако особое внимание в этой связи уделяется Северному Кавказу и сопредельным территориям (в том числе и Волгоградской области). Социологические исследования показывают, что здесь наблюдается наиболее широкое распространение религиозно-экстремистской активности, что обуславливает необходимость постоянного мониторинга и изучения данного явления.

Следует отметить, что в последние годы возрос интерес к исследованию проблем, связанных с распространением религиозного экстремизма в молодежной среде. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации в российских научных журналах. В работах, посвященных данной тематике, представлены различные социологические теории, применяемые для изучения религиозного экстремизма среди молодежи. Особое внимание уделяется региональным особенностям распространения этого явления. Авторы публикаций выявляют широкий спектр социальных, психологических, экономических и культурных факторов, определяющих участие молодых людей в деятельности религиозных экстремистских организаций. Среди ключевых факторов – социальная депривация, кризис идентичности, влияние интернет-сообществ, проблемы в системе социализации, этноконфессиональные конфликты и др.

В журнальных статьях обсуждаются возможные способы предупреждения вовлечения молодежи в религиозные экстремистские организации. Предлагается

комплекс мер, включающий развитие гражданского общества, повышение роли семьи и образования, создание альтернативных форм самореализации молодежи, работу с интернет-пространством и СМИ.

Важным направлением исследования сущности религиозного экстремизма стало изучение его проявлений в социальных сетях Интернета. Для многих экстремистских организаций Интернет становится основным средством распространения идеологии и привлечения новых членов. Они используют различные формы онлайн-контента – блоги, приложения, видеоигры, аудио-, видеоматериалы. Согласно экспертным оценкам, целевой аудиторией для экстремистских групп являются подростки и молодежь, наиболее активно пользующиеся Интернетом, особенно так называемое поколение Z (родившиеся в 2000-х годах). По данным исследований, около 98 % молодых людей во всем мире ежедневно используют Интернет, который становится важнейшим фактором формирования их ценностных ориентаций. В социальных сетях действуют тысячи экстремистских групп, пытающихся вовлечь молодежь в свою противоправную деятельность. По оценкам экспертов, ежегодно такие группы пополняются примерно двумя миллионами подростков, и это количество возрастает (соответствующие данные приводит президент ГК InfoWatch Н. Касперская [4]).

Социологический анализ проблемы религиозного экстремизма среди молодежи России, проведенный в современных условиях, показывает, что это явление представляет серьезную угрозу для общества, требует постоянного мониторинга. Исследование (с помощью соответствующих социологических методов) специфики религиозного экстремизма с целью повышения эффективности мер противодействия этому явлению представляется чрезвычайно актуальным.

Список библиографических ссылок

1. Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В. В. Радаева. М.: РОССПЭН, 2004. С. 519–536.
2. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий //Общественные науки и современность. 2001. № 3. С.122–139.
3. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996. 287 с.
4. Более 7 млн подростков вовлечены в деструктивные группы в соцсетях // D. Russia.ru. URL: <http://d-russia.ru> (дата обращения: 01.07.2024).

© Демидов Н. Н., 2024

Использование специальных знаний по уголовным делам преступлений экстремистской направленности

За последние два десятилетия обострилась проблема борьбы с таким явлением, как экстремизм. Оно не является новым, но с развитием современных технологий его формы при каждом проявлении приобретают более изощренный, модернизированный вид. Широкое распространение экстремизм получил в глобальной сети Интернет. Создатели социальных сетей старательно разрабатывают свои программы с целью защиты личной информации пользователей (например, всем известная социальная сеть «Telegram» имеет сложную систему для отслеживания в ней алгоритма действий). В свою очередь преступники не только злоупотребляют данной «привилегией», но и находят возможности «обхода» систем для максимального скрытия своей личности с целью осуществления противоправных действий. В совокупности два данных фактора препятствуют работе правоохранительных органов, направленной на предупреждение и пресечение преступлений. Именно на сложно контролируемых платформах сети Интернет вербовщики и сообщники экстремистов осуществляют свою деятельность, а в дальнейшем создают существенные трудности при уголовно-правовой квалификации действий, направленных на разжигание межнациональной (расовой) ненависти и нетерпимости, что приводит к открытой вражде между народами. Известно, что информационный поток практически не имеет границ распространения. Именно поэтому правоохранительные органы не могут обладать абсолютно всеми сведениями о готовящихся в социальных сетях преступлениях. По этой же причине имеет место факт совершения тщательно организованных и замаскированных преступлений и не представляется возможным полное пресечение деятельности радикалов и экстремистов. В практике расследования по факту готовящихся или уже совершенных преступлений особую роль играет применение специальных знаний, которые обеспечивают возможности для противодействия экстремизму, улучшения качества отслеживания активности экстремистской направленности и работы с ней.

Экстремистские действия, указанные в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [1], в настоящее время преимущественно находят свое выражение в следующих формах, представленных в социальных сетях:

- в напечатанном тексте (в сообщении, в комментарии к записи или публикации, в девизах);
- в фото- и видеоматериалах (в фотографии с подписью к призыву, в видеообращении);

- в графическом изображении (нацистской атрибутики, символов, знаков);
- в адресном аудиосообщении;
- в виде электронного опроса и т. д.

Представленные формы передачи запрещенной информации используются в качестве предмета исследования по уголовным делам экстремистской направленности. С целью установления содержания в них соответствующих действий экстремистского характера применяются специальные знания в области компьютерных технологий, лингвистики, психологии, социологии и других смежных с ними сфер.

Применение специальных знаний при расследовании преступлений экстремистского характера является необходимым и эффективным инструментом для установления присутствия в исследуемом послании экстремистских выражений и их смысла. Так, исходя из анализа практической деятельности, для данного вида преступлений назначается производство нескольких видов судебных экспертиз, которые входят в перечень судебных экспертиз, выполняемых подразделениями ЭКЦ МВД России. Наиболее востребованы результаты лингвистической экспертизы, компьютерной (исследование компьютерной информации) и фоноскопической экспертизы (идентификация лиц по фонограммам речи, техническое исследование фонограмм).

Основным источником доказательной информации по уголовным делам экстремистской направленности являются результаты лингвистического анализа, предпринимаемого для исследования текста с целью решения вопросов содержательно-смыслового понимания. Именно в ходе данного исследования устанавливается наличие в тексте элементов экстремистского содержания, а также решаются различные вопросы (например, имеются ли в представленных текстах высказывания побудительного характера, призывающие к враждебным действиям одной группы лиц по отношению к другой группе лиц, объединенных по признакам пола, расы, национальности, происхождения, отношения к религии, а также по принадлежности к какой-либо социальной группе) [2].

Результаты лингвистической экспертизы позволяют выявить достаточное количество индивидуальных признаков автора, таких как структура текста, выбор лексики, стиль изложения и др. При этом в исследуемом материале присутствуют и другие особенности, которые играют ключевую роль: авторство, цель, контекст и др. В связи с этим необходимо оценить каждый исследуемый материал индивидуально и принять решение о целесообразности использования дополнительных методов для всестороннего и полного анализа. Только комплексный характер экспертизы позволит провести глубокое и исчерпывающее исследование коммуникативной деятельности подозреваемого лица. При комплексной экспертизе устанавливаются все смысловые элементы, заложенные автором в его продукте коммуникации. Это могут быть элементы содержательного (предметно-тематического), оценочно-экспрессивного и целевого характера.

Таким образом, использование специальных знаний по уголовным делам преступлений экстремистской направленности является актуальным, так как в

рамках производства судебных экспертиз решается обширный круг задач. В связи с этим к производству лингвистической экспертизы необходимо привлекать лиц, которые обладают специальными знаниями из других областей науки. Это могут быть сотрудники, работающие вне ведомственных экспертных подразделений (психологи, историки, политологи и др.). Так, например, привлечение священнослужителей в рамках производства комплексной экспертизы по материалам религиозного характера позволит установить содержание и оценить направленность религиозно-политического течения с позиции научного религиоведения.

Каждый день появляются новые объекты исследований по преступлениям экстремистской направленности, требующие теоретической и методической проработки действующих методов экспертного исследования. В связи с этим необходимо применение системного подхода в совершенствовании экспертных методик для решения новых задач: это позволит значительно увеличить количество раскрытых преступлений в данной области и тем самым снизить уровень экстремистской активности.

Список библиографических ссылок:

1. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 08.04.2024).
2. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / под ред. Ю. М. Дильдина; общ. ред. В. В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. Ч. 1. С. 253–262.

Библиографический список

1. Европейское направление в совершенствовании судебно-экспертной деятельности / Г. Г. Коновалов, Д. В. Кайргалиев, В. И. Внуков, И. Т. Захарья // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 2 (129). – С. 327–328.
2. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11. – URL: www.consultant.ru (дата обращения: 08.04.2024).

© Дмитриева А. А., Захарья И. Т., 2024

Проявления экстремизма среди несовершеннолетних

В современных реалиях наблюдается отрицательная тенденция: несовершеннолетняя молодежь оказывается все более подверженной влиянию экстремизма. Данный настрой проявляется в возникновении неструктурированных крайних правых взглядов, связанных с элементами субкультуры воровского мира, формирующих повышенную неконформность, враждебность и даже агрессивность несовершеннолетних по отношению к окружающему их обществу и отдельным его членам, стимулирующих проявление повышенной криминальной активности этой категории лиц. В частности, в современной России стали не редкими случаи участия несовершеннолетних (а зачастую и малолетних) лиц – в составе группы – в нападениях на граждан преклонного возраста, женщин и детей.

3 апреля 2024 г. стало известно о вопиющем случае: на юге Волгограда двое 15-летних подростков до смерти забили одного волгоградца и покалечили другого, отправив его на больничную койку.

«Тело 47-летнего мужчины было обнаружено в заброшенном доме на улице Героев Малой Земли в Красноармейском районе. С этого же адреса в медучреждение доставили его 43-летнего знакомого. Задержанные подростки рассказали, что 31 марта заглянули в заброшенный дом и увидели там незнакомых им мужчин, которым нанесли удары и ножевые ранения, а затем скрылись», – подтверждает представитель Волгоградского Следственного комитета Дарья Буянова [1].

Примером проявления агрессии несовершеннолетних стал также случай, произошедший в ТЦ «Космос»: «Туалет торгового центра «Космос» в Волгограде превратился в место расправы над пятиклассницей еще в феврале, но известно об этом стало только сейчас. Десять девочек позвали школьницу на прогулку, а после толпой загнали в уборную, где разбили ей телефон и сломали ребро. Удары по голове оказались серьезными – у пятиклассницы диагностировали черепно-мозговую травму» [2].

Довольно частыми стали упоминания о действиях неофициальных объединений несовершеннолетних, которые основываются на разных убеждениях, носящих деструктивный характер (например, нашумевшая «ЧВК Редан»). Объединение было названо именем преступной группировки из манги и аниме Hunter*Hunter – Геней Редан. Символический знак движения – паук. Представители носят черные кофты или футболки с цифрой «4» и черно-белые клетчатые штаны. Имеют длинные черные или крашеные волосы (как приверженцы субкультуры Эмо). Участники движения собираются вместе и обсуждают аниме из японских мультфильмов, игры и прочие интересующие их молодежные темы. Одни называют

их «боевыми анимешниками», другие – радикальными националистами. Новая ветка движения «Редан» – «ЧВК Редан» – в 2023 г. заявила о готовности драться с представителями прочих субкультур (в том числе людьми других национальностей) в случае необходимости [3].

Эта тенденция возникла в результате неконтролируемости органами власти интернет- и медиаресурсов, часто используемых данной категорией лиц. Так, недавно вышедший сериал «Слово пацана. Кровь на асфальте» романтизирует преступную деятельность, а последствия такой деятельности показаны лишь в конце сериала. Такая романтизация в сочетании с невысоким интеллектуальным уровнем, проявлением некоторых особенностей менталитета вызывает попытку подражания и, в свою очередь, – последующие активные проявления. Еще в 2020 г. движение «АУЕ» было признано экстремистским и запрещено на территории Российской Федерации. Однако его активность время от времени проявляется в различных регионах нашей страны.

Так, например, в 2022 г. в Туве были задержаны участники «АУЕ». По данным органов внутренних дел, в эту экстремистскую деятельность были вовлечены подростки, склонные к пропагандированию криминальных традиций, асоциальному поведению, проявлению насилия и ненависти в отношении сотрудников полиции.

В 2020 г. в Екатеринбурге были приговорены к заключению три молодых человека, создавших паблик в социальной сети «В контакте», распространяющий призывы к насилию по отношению к сотрудникам полиции и ФСБ.

Проблема борьбы с подобными проявлениями усугубляется отсутствием эффективных (рабочих) законодательных механизмов, деятельность которых была бы направлена на профилактику такого поведения, то есть в нашем государстве фактически отсутствуют реальные рычаги влияния на несовершеннолетних (тем более – малолетних) лиц.

Ранее данный момент успешно регулировался отсутствием распространенности соответствующей информации и серьезным внутренним семейным контролем – по сути, за счет развитости культуры населения. Так, к примеру, каждый может вспомнить, что ранее за нецензурную речь или курение за гаражами (не говоря о более тяжком проступке) можно было получить активное общественное порицание и впоследствии ощутить на себе эффективность воспитательной работы дома. Но, к сожалению, сегодня мы наблюдаем диаметрально противоположную ситуацию: теперь попытки порицания окружающими не соответствующего норме поведения подростка наталкиваются на активное противодействие самого несовершеннолетнего. Нередки случаи неадекватного реагирования и его законных представителей, в частности родителей, которые считают, что их ребенок не может порицаться и всегда прав – вне зависимости от ситуации. Это формирует первоначальный нигилизм по отношению к принятым в обществе нормам, впоследствии перерастающий в правовой нигилизм. К тому же большинство родителей, не принимающих критики в адрес своих детей, также ведут асоциальный образ жизни или просто попустительски относятся к поступкам, привычкам, поведению детей в целом.

Говоря об идеях экстремизма, распространяющихся среди несовершеннолетних, обратим внимание на то, что интерес этой категории лиц к информации, связанной с радикальными движениями, которые в большинстве своем не имеют определенных, конкретных взглядов, идей и ориентации, а представляют скорее неструктурированное смешение противоречащих элементов, сегодня значительно повышен. Так, очень часто различные статьи, «продвигающие» в социальных сетях антисоциальные идеи, представляют собой ресурсы, содержащие перемешанные взгляды, позиции разных движений, религиозные высказывания, направленные враждебно по отношению ко всему, что неприятно самому создателю публика. Таких материалов сейчас очень много.

Считаем, что эффективное положительное воздействие на поведение несовершеннолетних возможно оказывать следующим образом:

- организуя деятельность социальных молодежных организаций с общественно полезной идеологией;
- «продвигая» традиционные ценности в СМИ и сети Интернет, активно подавляя антисоциальные призывы;
- способствуя взаимодействию несовершеннолетних с родителями, которым также необходимо привить здоровые ценности, для которых нужно организовывать мероприятия, обучающие эффективному воспитанию детей;
- обеспечивая активную государственную поддержку движениям, связанным с пропагандой традиционных ценностей, организуя соответствующие мероприятия.

Здоровыми ценностями необходимо считать исконно присущие народу, закреплённые в Конституции Российской Федерации и являющиеся общественно полезными для народа России. В частности, к таким можно отнести ценности, развивающие в человеке его физические, интеллектуальные, духовные, морально-нравственные качества.

Список библиографических ссылок

1. Гунькина Г. «Вы убиваете его!» В Волгограде банды подростков жестоко избивают прохожих. URL: <https://vlg.aif.ru> (дата обращения: 01.07.2024).
2. URL: <https://t.me/readovkanews> (дата обращения: 01.07.2024).
3. Движение «ЧБК Редан». Как появилось, чем занимается и при чем тут аниме? URL: https://dzen.ru/a/Y_9AkKTA02U63A43 (дата обращения: 01.07.2024).

© Кобылкин Р. А., Котов Р. Д., 2024

Некоторые аспекты противодействия терроризму и экстремизму

Терроризм – это применение или угроза применения насилия или других форм запугивания для достижения политических, религиозных, идеологических целей. Террористы стремятся создать в обществе атмосферу страха и неопределенности в целях формирования общественного мнения, влияя на принятие правительственного решения или поведение различных групп населения.

Основными характеристиками терроризма являются насилие или угроза его применения для привлечения внимания к своим требованиям или достижения своих целей. Действия террористов также направлены на достижение определенных целей, связанных с изменением политической системы, религиозными убеждениями или социальными нормами. Как правило, террористические акты часто направлены против гражданских лиц, чтобы вызвать панику и давление на правительство или другие организации.

Основная цель терроризма – посеять страх и неопределенность среди широкой аудитории, зачастую выходящей за рамки непосредственных жертв.

Терроризм может проявляться в различных формах, включая ракетные атаки по мирному населению (г. Севастополь, 2024 г.), массовые стрельбы и взрывы (г. Красногорск, «Крокус СитиХол», 2024 г.), захват заложников, убийства, кибератаки и другие методы, направленные на дестабилизацию общества и создание напряженности.

В свою очередь, экстремизм – это приверженность радикальным взглядам и действиям, которые выходят за рамки общепринятых норм и могут угрожать общественному порядку, безопасности и стабильности. С. М. Кочои определяет экстремизм как «идеологию и практику противоправного воздействия на органы власти и граждан по мотивам национальной (этнической), религиозной, расовой и (или) политической ненависти» [1, с. 240]. Экстремисты часто используют насилие или другие методы для достижения своих целей, которые могут быть политическими, религиозными, социальными или идеологическими.

Экстремисты придерживаются крайних убеждений, которые значительно отличаются от общепринятых взглядов в обществе, часто проявляют нетерпимость к другим мнениям, религиям, культурам или социальным группам, что может приводить к дискриминации, враждебности или насилию. Для достижения своих целей экстремисты могут прибегать к насильственным методам, включая терроризм, агрессию, нападения и другие формы насилия.

Экстремизм направлен на подрыв существующих социальных, политических или правовых норм и может включать пропаганду, организацию незаконных акций и другие действия, направленные на дестабилизацию общества.

Борьба с терроризмом и экстремизмом является важной задачей для государства и направлена на предотвращение насилия и защиту прав и свобод

граждан. В России борьба с терроризмом включает в себя широкий спектр мер и методов, направленных на предотвращение, выявление, пресечение и минимизацию последствий террористических актов.

Противодействие терроризму в Российской Федерации осуществляется различными методами, способами и мерами. В нашей стране создана нормативная правовая база, устанавливающая основы, основные принципы противодействия терроризму и экстремизму (Федеральные законы «О противодействии терроризму» [2], «О противодействии экстремистской деятельности» [3] и др.).

В Уголовном кодексе Российской Федерации [4] за совершение преступлений террористической и экстремистской направленности предусмотрен ряд уголовно-правовых норм. Так, ответственность за совершение террористического акта предусматривается ст. 205 УК РФ.

Объективные признаки деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 205 УК РФ характеризуются наличием непосредственного объекта – общественных отношений, обеспечивающих состояние защищенности жизненно важных интересов неопределенного круга лиц, организаций и т. д. от внутренних и внешних угроз в сфере повседневной жизнедеятельности.

Совершение взрыва, поджога или иных действий подобного характера влечет уголовную ответственность по ст. 205 УК РФ в тех случаях, когда установлено, что указанные действия имели устрашающий население характер и создавали опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий. Таким образом, объективная сторона выражается в двух альтернативных деяниях: 1) совершении действий, устрашающих население и вызывающих опасность тяжких последствий, и 2) угрозе совершения таких действий.

Часть 1 ст. 205 УК РФ предусматривает разграничение целей преступления в зависимости от деяния. Так, в случае совершения устрашающих действий, представляющих опасность причинения тяжких последствий, законодателем определены две преследуемые лицом альтернативные цели: дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций или воздействие на принятие ими решений, тогда как при угрозе совершения вышеуказанных действий предусмотрена только одна цель – воздействие на принятие решений. Подобное разграничение подчеркивает необходимость выделения угрозы в отдельный состав, т. к. законодатель не считает, что угроза террористического акта может дестабилизировать деятельность органов власти.

Предлагается выделить в отдельный состав угрозу совершения террористического акта (аналогично ст. 105 и ст. 119 УК РФ). В уголовном законодательстве других стран (например, Беларусь) предусмотрена ответственность за угрозу совершения террористического акта (ст. 289 УК РБ) и за совершение акта терроризма (ст. 289 УК РБ).

Уместно расширить цель «воздействие на принятие решений», так как она не охватывает такое требование террористов, как бездействие органов власти или международных организаций. При этом законодатель излишне ограничил круг

субъектов, на принятие решений которых может быть направлена деятельность террористов. Перечень можно дополнить такими субъектами, как иностранные государства, органы местного самоуправления, должностные лица и общественные организации (политические партии и религиозные объединения).

Субъективная сторона определяется виной в форме исключительно прямого умысла. Присутствие косвенного умысла исключается исходя из формальности состава и наличия определенной цели. В соответствии с ч. 1 ст. 20 УК РФ общим возрастом наступления уголовной ответственности является возраст шестнадцати лет. Однако для определенных преступлений ч. 2 ст. 20 УК РФ, в том числе преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205 УК РФ, законодатель устанавливает пониженный возраст уголовной ответственности, равный четырнадцати годам.

И в заключение отметим, что эффективная борьба с терроризмом и экстремизмом требует комплексного подхода, включающего действия государственных структур, общественных организаций, международного сообщества и граждан, ведь только совместными усилиями можно достичь хороших результатов в этой важной сфере.

Список библиографических ссылок

1. Кочои С. М. О качестве уголовно-правового регулирования ответственности за экстремизм и идеологический экстремизм // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 2. С. 240–247.

2. О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 08.04.2024).

3. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 08.04.2024).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 08.04.2024).

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З // Информационная система Континент. База данных «Законодательство стран СНГ». URL: <http://continent-online.com> (дата обращения: 05.07.2024).

© Козаренко Ю. И., 2024

**Использование коммерческих информационных платформ
и социальных сетей с целью выявления преступлений
экстремистской направленности**

В настоящее время самыми доступными и популярными для молодежи являются такие телекоммуникативные платформы, как «ВКонтакте», «Телеграм», «Ютьюб», а также информационно-телекоммуникативные платформы группы компаний Meta – «Вотсап» и «Инстаграм» (запрещена на территории Российской Федерации и признана экстремистской) – социальная сеть, которая является американской разработкой для обмена фотографиями и видео, основанная Кевином Систромом и Майком Кригером в 2010 г. Забавный факт: «Инстаграм» был основан двумя студентами в гараже и стал популярным местом для обмена фотографиями и видео.

21 марта 2022 г. Тверской районный суд Москвы удовлетворил иск Генеральной прокуратуры РФ, поддержанный Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор) и Федеральной службой безопасности, и признал компанию Meta экстремистской организацией и запретил ее деятельность на территории России. Считается, что платформы группы компаний Meta (запрещена на территории РФ и признана экстремистской) привлекают основную свою массу пользователей удобным интерфейсом, простотой использования, доступностью, чем пользуются злоумышленники и лица с деструктивными проявлениями, установившие своей целевой аудиторией именно несовершеннолетних пользователей. В данных сетях могут распространяться призывы к ненависти и насилию: некоторые пользователи в социальных сетях распространяют ненавистные высказывания, провоцирующие насилие и дискриминацию по различным признакам, таким как раса, религия, политические убеждения и другие. Кроме того, социальные сети могут использоваться для радикализации и вербовки молодежи; экстремистские группировки могут использовать социальные сети для вербовки новых, молодых, еще неокрепших психически людей, членов, в том числе для пропаганды идеологии экстремизма через распространение радикальных идей и контента. Еще одна угроза современных реалий с использованием социальных сетей – это дезинформация и манипуляция.

Социальные сети могут быть использованы для распространения ложной информации, фейковых новостей и манипуляции сознанием пользователей в целях создания общественной напряженности и дестабилизации общества. При этом следует понимать, что социальные сети могут являться источником финансирования экстремистских организаций. Так, через социальные сети может осуществляться сбор средств для обеспечения деятельности экстремистских организаций, террористических группировок и другой незаконной деятельности.

Понимание различных видов экстремистской деятельности в социальных сетях поможет более эффективно бороться с этим явлением и обеспечить безопасность

пользователей онлайн-платформ. В своей работе правоохранительные органы могут использовать различные коммерческие информационные платформы, а также социальные сети для выявления аккаунтов, имеющих деструктивный, экстремистский характер. Можно прибегать к хэштегам для поиска лиц, аккаунтов в целях дальнейшей установки или блокировки с помощью Роскомнадзора их доменов. Также правоохранителям логично использовать коммерческую платформу телекоммуникативной сети, например, одна из самых интересных – телеграм-бот «Глаз Бога», который изобрел Евгений Антипов. Такая платформа носит коммерческий характер, используется в социальной сети «Телеграм». Подобный бот анализирует и систематизирует данные из открытых источников, таких как социальные сети, сайты, приложения, платформы продаж и т. д., также в него попадает информация из утекших баз данных. С помощью конкретного бота правоохранители могут быстро получить такую информацию, как ФИО, адрес регистрации и (или) места проживания, СНИЛС, ИНН, номер автомобиля, фото, ссылки на страницы в социальных сетях, сведения о членах семьи. С одной стороны, данный коммерческий бот и подобные ему сервисы могут быть заблокированы Роскомнадзором, так как формально нарушают законодательство. Пользователи телеграм-бота также могут нести административную ответственность за обработку персональных данных с нарушением законодательства, а если сбор информации касается частной жизни, то тут могут возникнуть основания для привлечения к уголовной ответственности. Но в условиях настоящего времени заблокировать эти чаты не представляется возможным, потому как сразу же будут появляться аналогичные коммерческие чат-боты под другими условными названиями.

Анализ работы практических сотрудников органов внутренних дел показывает, что на сегодняшний день остро стоит вопрос о своевременном выявлении и реагировании на вовлечение несовершеннолетних в деструктивную деятельность информационно-телекоммуникативных платформ компании Meta, поскольку она уже вошла в список экстремистских организаций. Все действия в социальных сетях Meta находятся под контролем правоохранительных органов, и к уголовной ответственности привлекаются только лица, чьи цели ведения аккаунтов направлены на нарушение российского законодательства и всевозможные призывы экстремистской направленности. Однако в связи с этим существует большая проблема ввиду того, что механизмы по обходу блокировок находятся также в свободном доступе; лица, организации, международные корпорации пользуются этими уязвимыми местами цифровой системы в качестве каналов защищенной связи для организации деструктивных действий со стороны населения, а злоумышленники могут использовать такой вид цифрового обременения для реализации своих преступных умыслов. Кроме того, Роскомнадзор при предоставлении им информации в виде заявления на сайт «Роскомнадзор доменные имена» о контенте, содержащем противоправный контекст, с указанием ссылки и прилагаемых снимков экрана с содержанием записей информирует, что на момент проведения проверки доступ к указанному сайту или странице уже ограничивается, так как сама сеть признана экстремистской на территории России. В связи с этим контент никак не блокируется и продолжает работать, а пользователи

продолжают ежедневно эксплуатировать сеть беспрепятственно, что является в настоящее время актуальной проблемой.

Помимо прочего, сейчас наблюдается значительное влияние деструктивного контента информационно-телекоммуникативных платформ на несовершеннолетних, что непосредственно отражается на воспитании, поведении детей и подростков. Разнообразные информационно-телекоммуникативные платформы привлекают неокрепшие умы большим объемом и разнообразием контента, доступностью информации, возможностью свободно высказывать свои мысли, идеи, делиться своими переживаниями, при этом давая возможность скрывать свою личность под различными «никами». Информационно-телекоммуникативные платформы не только предоставляют мнимую анонимность, они заставляют скрывать свою личность, предоставляя виртуальную свободу, делая поведение личности девиантным, десоциализируя ее, а также умышленно вовлекая несовершеннолетних в экстремистские организации.

Любой несовершеннолетний может воспользоваться запрещенной в России социальной сетью путем подключения к бесплатной виртуальной частной сети (далее – ВПН) для безопасной и анонимной передачи данных по публичным сетям. Система ВПН в своей работе использует принцип маскировки IP-адресов пользователей и шифрование данных, в результате чего пользователи, не имеющие разрешения и доступа к желаемой запрещенной сети, могут свободно и беспрепятственно использовать сеть в своих интересах: благодаря легкому интерфейсу, применяя поиск и хештеги, можно найти быстро любую нужную информацию. Эту же схему применяют преступники, которые, используя запрещенную социальную сеть в России, могут различными обходными, маскировочными путями вовлекать несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, пропагандируя, например, движение ЛГБТ, призывая к несанкционированным митингам (пример тому – митинги в поддержку оппозиционера Навального, внесен в список террористов и экстремистов) или предоставлять другим запрещенным в России экстремистским организациям нужную для них информацию.

Через запрещенную сеть проще всего вести пропаганду и склонять несовершеннолетних к вступлению в различные секты религиозного типа, запрещенные на территории Российской Федерации, а также вовлекать несовершеннолетних в разного рода новые экстремистские объединения, появившиеся в последние годы в связи с проведением специальной военной операции, например РДК (русский добровольческий корпус – признан террористической и экстремистской организацией в Российской Федерации).

Следует также отметить, что различные средства массовой информации, признанные на территории нашей страны экстремистскими, такие как телеканал «Дождь», «Голос Америки» и другие (список экстремистских материалов ведется Министерством юстиции России и находится в свободном доступе на сайте указанного министерства), продолжают активно осуществлять свою деятельность, пропагандируя свои взгляды, понимая, что их могут читать подростки в новостных лентах в запрещенных социальных сетях, несмотря на запрет в Российской Федерации, поскольку за это нет никакой ответственности.

Вопросы умышленного вовлечения несовершеннолетних в деструктивную деятельность информационно-телекоммуникативными платформами все чаще оказывается в центре внимания общественности и полиции. На территории Российской Федерации, согласно положениям ст. 13 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», запрещается распространение через средства массовой информации экстремистских материалов.

Федеральным законодательством установлено, что за осуществление экстремистской деятельности граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства несут административную, гражданскую и уголовную ответственность. За массовое распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, а равно их производство либо хранение в целях массового распространения предусматривает привлечение к ответственности по ст. 20.29 «Производство и распространение экстремистских материалов» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Роскомнадзор претворяет в жизнь политику контроля и осуществления безопасности Интернета, ежедневно предпринимает попытки для блокировки деструктивного контента «Инстаграм» и запрещенных организаций, однако цифровой мир многогранен. Системы обхода цифрового запрета находятся в свободном распространении и доступе для интеграции в свое электронное устройство.

В связи с этим необходимо рассмотрение и изучение административного реагирования, направленного на повышение эффективности и адаптацию к современным требованиям к деятельности государственных органов в борьбе с распространением.

Несмотря на активное противодействие экстремизму в Российской Федерации, победить его в полной мере пока не получается, пока он существует во всем мире, поскольку мы живем в век высоких технологий и глобализации.

Одним из вариантов решения проблемы видится введение административного наказания за использование запрещенной сети в общем, полная блокировка ВПН, запрет на размещение любой информации, любого контента пользователям, проживающим на территории Российской Федерации. Кроме того, Роскомнадзору следует блокировать экстремистские материалы в запрещенных сетях компании Meta, не ограничиваясь мерами реагирования на выявленные факты, а изучая и блокируя инструменты обхода этой блокировки.

© Котлярова О. Н., 2024

Использование биометрических данных при раскрытии и расследовании преступлений террористической направленности

Терроризм во всех его проявлениях был и продолжает оставаться глобальной проблемой современного мироустройства, а борьба с ним является одним из основных направлений государственной политики России.

В Российской Федерации на государственном уровне разработана и сформирована концепция борьбы с терроризмом, которая состоит из определения основных принципов государственной политики в области противодействия терроризму [1, с. 109].

Стремительный рост преступлений террористической направленности на рубеже XXI века потребовал от правоохранительных органов мобилизации ресурсов для усовершенствования имевшихся и разработки новых методов и способов противодействия любыми проявлениям террора. В условиях цифровизации общества и широкого использования все большего количества информационных технологий преступления террористической направленности приобретают новые формы, соответственно, и меры по противодействию такого рода преступлениям должны идти далеко вперед, дабы своевременно пресекать имеющиеся попытки дестабилизации общества.

Преступники, используя современные возможности теневого сегмента сети Интернет беспрепятственно могут приобретать необходимые ресурсы для воплощения в жизнь своих чудовищных замыслов, внедряться в системы видеонаблюдения, а главное, воздействовать на психику лиц, завербованных в качестве исполнителей с помощью фейков и всевозможного искажения религиозной информации.

По-прежнему преступления террористической направленности представляют собой акт нечеловеческой жестокости по отношению к людям, оказавшимся в эпицентре террора, направленный в основном на дестабилизацию общества, формирование чувства незащищенности, страха и подрыв авторитета государственной власти. Данные обстоятельства позволяют предположить наиболее перспективным методом осуществления противодействия данного рода преступлениям, а также существенного ускорения времени поиска лиц, причастных к их совершению, целенаправленное использование биометрических данных.

Как отмечают Бекмурзин М. С. и Бекмурзин Т. М., к наиболее известным биометрическим системам относятся системы идентификации по отпечаткам пальцев рук при помощи спектрального анализа, радужной оболочке глаз и голосу [2, с. 20]. Каждая из них, в свою очередь имеет ряд положительных и отрицательных моментов. Несмотря на перспективу их использования в благих целях и ускорения процесса идентификации преступников, данные системы могут не сработать в случае искажения идентифицируемых данных. Например, при использовании специализированных контактных линз, выполнении пластических операций на лице или в области голосо-

вых связок. Это говорит лишь о том, что для полноценной идентификации личности и выявления попыток обмана системы необходимо использовать не только программное обеспечение, но и оператора, который будет наблюдать за системой распознавания и оценивать ее результаты. Однако это обстоятельство существенно затрудняет и затягивает процесс идентификации, если рассматривать его в разрезе потока граждан. Но в то же время, если биометрическая фиксация граждан будет происходить своевременно, то это может существенно увеличить шансы на быстрое выявление лиц, причастных к терроризму. Поскольку проблема борьбы с терроризмом является межгосударственной, имеет смысл рассматривать биометрию всех лиц, которые могут быть склонны к совершению преступлений террористического характера.

Биометрирование граждан Российской Федерации, равно как и лиц, приезжающих в страну из других государств, может стать отчасти сдерживающим фактором для совершения любых преступлений, в частности рассматриваемых. Со времени введения обязательного дактилоскопирования лиц, привлекаемых в качестве подозреваемых, обвиняемых по уголовным делам, и создания соответствующих видов учетов произошел квантовый скачок в раскрытии преступлений. Увеличилась скорость идентификации преступников. Введение обязательной ДНК-регистрации лиц, совершивших преступления сексуального характера, позволило раскрывать в том числе и преступления прошлых лет. Так и биометрические данные исполнителей преступлений, в свою очередь, могут стать ключом к установлению исполнителей террористических преступлений. В случае, например, осуществления террористического акта путем приведения в действие взрывного устройства, как правило, кисти, пальцы рук как самих террористов, так и пострадавших, остаются частично целыми. Наличие базы биометрических данных, в частности данных о ДНК, может в данном случае существенно ускорить процесс идентификации как преступников, так и потерпевших. При исследовании записей телефонных переговоров также могут быть применены биометрические технологии для установления причастных лиц. Однако, как и любые другие данные, хранящиеся в базах, биометрические данные могут быть похищены, и в данной области необходима разработка и применение дополнительных систем защиты.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что применение биометрических данных в раскрытии и расследовании преступлений террористической направленности имеет большие перспективы. Преступники постоянно совершенствуют свой уровень подготовленности при планировании и совершении преступлений террористической направленности. В этой связи очевидным является тот факт, что правоохранные органы нуждаются в разработке новых методик раскрытия и расследования преступлений с использованием биометрических данных, поскольку уровень противодействия должен превышать в разы на данный момент имеющиеся в распоряжении правоохранных органов возможности.

Список библиографических ссылок

1. Некишев В. Л., Тулякова А. А. Противодействие терроризму как фактор национальной безопасности // Вестник современных исследований. 2018. № 11.8 (26). С. 109–112.
2. Бекмурзин М. С., Бекмурзин Т. М. Некоторые вопросы использования биометрических технологий в борьбе с терроризмом // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 20–23.

© Краинская Г. С., 2024

Культурно-исторические истоки экстремизма как социального явления

Экстремизм как социальное явление сегодня принято считать одним из главных дестабилизирующих факторов, которые реально и повседневно угрожают жизнедеятельности граждан, деформируют целостную структуру общества, политическую систему государства. Экстремизм активно вмешивается и в межгосударственные отношения, делает невозможным их построение и налаживание дипломатическим, договорным путем.

Как многообразное социальное явление с элементами стихийного и эмоционального в своих проявлениях первоначально экстремизм анализировали только представители существующих направлений общественнознания: философы, политологи, социологи и конфликтологи, а также социальные психологи. Попытка дать ему сугубо правовую оценку осуществляется только в конце XX века.

Сам термин «экстремизм», экстремальный, т. е. крайний (от лат. *extremus*), содержательно определяет позицию его приверженцев. Экстремисты – это всегда приверженцы крайних взглядов, мер, это всегда «крайнее проявление чего-либо: действий, высказываний, взглядов и т. п.» [1].

Сентябрьская парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) 2003 г. определила экстремизм как форму политической деятельности, «которая прямо или косвенно отвергает принципы парламентской демократии и основанной на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультранационализма» [2].

Если подходить к проблеме экстремизма принципиально, то следует признать, что его истоки лежат в гораздо более отдаленном прошлом человечества, чем собственная история активного исследования этого явления. Применение методов эмпирического исследования и исторической экстраполяции к жизнедеятельности диких племен Африки, Южной Америки и Океании, например, указывает на то, что подобного рода проявления, весьма сходные с экстремистскими, были известны еще в эпоху первобытнообщинного строя, по сути дела, в самом начале зарождения социума.

В самих истоках экстремистских проявлений всегда можно обнаружить разделение на «своих» и «чужих». Первые, например, охраняют и эксплуатируют освоенную территорию, вторые же – воспринимаются как враги, претендующие на ее захват. Маркером разделения здесь, прежде всего, являются выработанные формы культурных традиций и способы их проявления, соответствующие как стихийно, так и осознанно сложившимся нравам и принципам нравственности, где покушение на своих и их собственность – всегда табу, а на чужих – не обязательно. Отношения первого плана в потенциальном и обязательном при таком подходе конфликте при этом – родственные связи и территория.

Эволюция социума, обусловленная общественной необходимостью, привела к формированию более широких общностей. Однако новые тенденции не отменили противостояния между «своими» и «чужими», «нашими» и «не нашими». Эти факторы оставались неизменными на всем протяжении исторического процесса.

Появившееся с развитием общества разделение труда привело к расслоению общества в отдельных городах и целых государствах по признакам профессиональной принадлежности, материального достатка и, соответственно, социального статуса. По логике истории и социального прогресса политический характер этого расслоения стал неизбежным. Дополнительный этнический и религиозно-конфессиональный характер в него привносится в процессе завоевания и порабощения «чужих», «не наших», усложняя расслоение дополнительными признаками.

Подходы к пониманию и усвоению подобной необходимости разделения, таким образом, усложнились и начали обретать более многозначительную смысловую нагрузку, доходя до весьма абстрактных, иносказательных форм культурных проявлений, приобретая особую специфику уже внутри каждой отдельной группы. По сути дела, более развитое общество начало объективным образом разделяться на иные, чем прежде, социальные (а не только связанные первоначальными родственными, территориальными и иными ранними культурными отношениями) структуры или группы, которые формируются по какому-либо одному или нескольким новым, наиболее важным для них или даже определяющим признакам. Неразрешимые конфликты, возникающие между подобными группами, связанные с новыми жизненными интересами и установками, без учета интересов других групп общества, но уже в системе развитых отношений и попытка разрешать их посредством радикального антагонистического взаимодействия (насильственными методами), – это, как видится, и есть первые социальные проявления собственно экстремизма.

Социально-экономические кризисы и даже просто кризисные явления обостряют отношения между социальными группами, углубляют конфликты. Происходящие в механизме распределения доходов между группами населения сбои способствуют еще большему, чем обычно, разрыву между социальными слоями. Общество резче делится на бедных и богатых и поэтому сильнее поляризуется, яростнее проявляются общественные антагонизмы. Поиск и нахождение «виноватого» в такой ситуации важен и тем и другим. Богатым важно найти социальный клапан для выхода избытка пара народного недовольства, а бедным – расквитаться с кем-то условно ответственным за их бедственное состояние, чтобы вернуть себе прежнюю относительную стабильность или впервые получить ее. И те и другие тем самым желают как можно быстрее разрешить кризис, а, значит, выявление и наказание виноватого (виноватых) – это лишь вопрос времени, в сокращении которого также глубоко заинтересованы, как правило, все стороны назревшего социального конфликта. Отсюда и привычка наиболее активных, пассионарных представителей народных масс к упрощению процесса поиска врага в кризисные периоды истории. Противоположная сторона всегда с

готовностью представит такого извне системы существующих общественных отношений с целью отвести удар от себя самой.

Быстрое нахождение виноватого, как правило, возможно как раз только среди «чужих» – иноверцев, инородцев, иностранцев, приезжих. Еще проще, если они – люди с более высокими доходами («ясно, откуда богатство – воруют!»), иным социальным положением и т. п. Наконец, на крайний случай, – среди других народов и государств (мешают жить и развиваться; пользуются нашей добротой и ресурсами, и т. д.), что может быть чревато межгосударственными, в том числе военными, конфликтами.

Возникает необходимость в организованной подготовке подобных действий, их теоретическом обосновании, политической и идеологической поддержке. Правомерность действий радикального характера должна быть логически «вплетена» в канву целенаправленной и последовательной враждебной деятельности по отношению к выявленным «чужим».

Для легитимизации такой деятельности может быть представлен целый перечень взаимосвязанных идеологических и политических претензий к оппонентам, выраженных в собственных (как правило, открыто заявленных и обоснованных) расовых, национальных, религиозных, партийных и иных интересах. Безусловно и то, что эти интересы доказательно провозглашаются общезначимыми, единственно правильными и обязательными в исполнении как некие конечные основания и цели развития всего общества в целом.

Сказанное свидетельствует о том, что при серьезном и внимательном анализе разобраться в причинах и процессах обострения конфликтов социальных групп – вполне выполнимая задача. Делать это необходимо, чтобы предметно точно выявить их историческую и культурную обусловленность, закономерности зарождения, формирования и протекания как в типологически сходных ситуациях, так и в каждом конкретном случае. Таким образом, появляется вполне реальная «исчисляемая» возможность предсказывать их вероятные последствия и минимизировать возможный социальный ущерб или даже совсем нивелировать его.

Список библиографических ссылок

1. Политический словарь. URL: <http://mirslovari.com> (дата обращения: 12.06.24).
2. Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе: резолюция ПАСЕ № 1344 (2003). URL: www.coe.int (дата обращения: 12.06.24).

© Крючков С. В., 2024

**Механизмы вертикальной дегуманизации
в ситуации информационной войны**

Расчеловечивание / дегуманизация в социальной структуре соответствует иерархической морфологии общества и являет как вертикальный, так и горизонтальный аспекты. На горизонтальном уровне находятся коллективные и индивидуальные акторы, равные по статусу. Здесь мы сталкиваемся с механизмом инфрагуманизации, склонностью рассматривать аутгруппы как «менее человеческие» в когнитивно-интеллектуальном, ценностно-нормативном, физическом и эстетическом аспектах. Хотя ингруппа индивида и те группы, куда он не входит и с которыми себя не идентифицирует (аутгруппы), в случае горизонтальной дегуманизации располагаются на одном уровне социальной иерархии, инфрагуманизация автоматически выстраивает отношения вертикального неравенства. Следовательно, редуцируя отношения «индивид-группа» на интерактивное взаимодействие «индивид-индивид», можно констатировать биологические основания инфрагуманизации как установки на перцепцию и интерпретацию другого, как менее статусного члена малой группы.

В ситуации горизонтального интерактивного взаимодействия редукция инфрагуманизации предполагает понижение социального статуса другого или его личного статуса. Естественно, что в случае очевидной равенности социальных статусов акцент будет переноситься на неравенство личных статусов, формулируемое в критериях физического, возрастного, когнитивно-интеллектуального и этического неравенства и различия.

Вертикальный аспект дегуманизации предполагает расчеловечивание индивида / группы, находящихся на другом уровне социальной иерархии, поэтому данный процесс, подобно вертикальной мобильности П. А. Сорокина, имеет восходящий и нисходящий векторы. Нисходящий вектор дегуманизации предполагает инфрагуманизацию и расчеловечивание индивидов / групп, занимающих более низкое положение в социальной структуре общества. Здесь мы обнаружим богатый тезаурус лингвистической стигматизации и расчеловечивания подчиненных и эксплуатируемых групп в стратифицированных обществах (обозначение рабов как «тел» в античном обществе обнаруживает параллель на другом витке исторического развития, в «душах» крепостных крестьян феодальной России). Нисходящий вектор дегуманизации у более высокоранговых групп подкрепляется легитимациями их господства, завышающими социальные качества и инфрагуманизирующими качества нижестоящих и подчиненных.

Соответственно, противостоящий восходящий вектор дегуманизации предполагает инфрагуманизацию и расчеловечивание индивидов / групп, занимающих более высокое положение в социальной структуре общества. Это в социальном плане даже более сложный вектор и способ дегуманизации, поскольку

обладание низким социальным статусом, меньшими правами и привилегиями является уязвимой позицией для легитимации социального положения и качеств индивида / группы. Поскольку высокоранговые индивиды / группы изначально находятся в более выгодном положении, они подкрепляют свои легитимации реальной разницей в статусе.

Нарративы восходящей дегуманизации строятся на рефлексии, ревизии, критике и отрицании существующей социальной структуры и легитимаций положения господствующих групп. Они признаются не соответствующими своему вышестоящему положению по причинам утраты необходимых для этого качеств и несоответствия функциональным обязанностям. Данный дискурс формируется в терминах неготовности власти к изменениям, коррупционности, отличающихся от большинства народа ценностей, интересов, целей и т. п.

В ситуации информационной войны, связанной с проведением СВО на Украине, одна из задач пропагандистов с обеих сторон – вызвать внутренний конфликт в обществе, связанный с негативной оценкой роли военного, политического руководства, со степенью вовлеченности крупного бизнеса в помощь армии и обществу.

© Лушников Д. А., 2024

Терроризм и экстремизм – угроза XXI века

Преступность в современном мире продолжает существовать вопреки препятствиям со стороны органов государственной власти в виде различного рода наказаний за содеянное. Терроризм, в свою очередь, является немалой составляющей этого преступного мира. Борьба с ним представляет для многих государств первоочередную задачу при достижении правопорядка и общественной безопасности в стране.

По данным МВД России в январе – декабре 2023 г. зарегистрировано 2 382 преступления террористического характера (+6,7 % за аналогичный период 2022 г.) и 1 340 преступлений экстремистской направленности (–14,4 %) [1].

Терроризм – это социальная проблема, представляющая собой преступное деяние, направленное на подрыв государственных преобразований, устранение политического противника, морально-психологическое воздействие на население. Термин «экстремизм» наделен более широким назначением и содержанием, чем терроризм, где последний характеризуется многозначительностью. Любые террористические организации представляют опасность для государства, поскольку обладают технической оснащённостью, четкой структурированностью, вооружением, экипировкой и конкретными поставленными целями. Надо признаться, на сегодняшний день ни одно государство не застраховано от террористических актов.

Отметим, что многие термины имеют несколько толкований. Особенно примечательно мнение доктора философских наук В. В. Витюка. Он считает, что терроризм – это сознательные насильственные действия, направленные на достижение корыстных целей; не только физическое запугивание авторитетных личностей, но и влияние на правительство и общественные ассоциации; тактика, заключающаяся в регулярном формировании политических убийств [2, с. 312.].

Следует возразить по поводу того, что терроризм в большей степени направлен на политическую систему государства, потому как террористические операции могут реализовываться в угоду достижению небескорыстных целей. Еще одна закономерность состоит в том, что чаще всего терроризм посягает на общечеловеческую мораль. Как правило, испытывают мучения люди, не имеющие никакого отношения к общемировому правовому режиму. Доктор философских наук С. А. Эфиров выразил собственное мнение: в широком смысле терроризм – это незаконное, наносящее вред движение, направленное на государственную политику и геноцид. В узком смысле это понятие следует употреблять только относительно всякой террористической деятельности [3, с. 14.].

Уголовное право выделяет три вида террористических преступлений с учетом классификации объектов. Преступные деяния против: общественной безопасности; конституционного строя; мира и безопасности человечества в целом.

На всех этапах своего проявления терроризм подвергался коренным изменениям. Если прежде он реализовывался за счет разрушений и был нацелен против министров, наследников престола и т. д., то сейчас акты насилия направлены на население, с помощью которых террористы могут влиять на государство и власть в целом. Сущность причин террористических актов волнует многих исследователей. Действительные причины глубинны и в корне не изучены, тем не менее рассмотрим основные факторы, способствующие распространению современного терроризма. В первую очередь необходимо подчеркнуть, что предпосылки появления терроризма связаны как с внутренними, так и внешними обстоятельствами в стране. Ясно, что внешние причины и условия обладают более серьезным влиянием на состояние государства. К ним следует отнести: политическую нестабильность; попытки незаконного проникновения на территорию чужого государства; наличие очагов террористической активности вблизи государственной границы Российской Федерации и границ ее союзников; намерение всеми силами и средствами ослабить страну и привести к распаду, тем самым утвердить свое положение; создание общественного резонанса; отсутствие регулирования экономических и финансовых проблем с иностранными государствами; отсутствие объединенной антитеррористической позиции на мировом поле; незаконный оборот оружия; рассылку и распространение информации террористического содержания.

Внутреннее строение терроризма включает в себя политические, социальные и экономические причины возникновения и распространения явления. Основные из них включают: экономический застой, межэтнические конфликты, ослабление уровня жизни населения, уменьшение прав человека (низкая заработная плата, несоблюдение трудовых, гражданских и конституционных прав), нарастание общественных конфликтов, отсутствие контроля за радикальными группами, а также недостаточный контроль правоохранительных органов за деятельностью тайных группировок.

Идентичное явление представляет собой и экстремизм. Рассмотрим более подробно существенные категории данного направления. Самым простым определением является следующее: экстремизм – это приверженность к крайним мерам, взглядам. Экстремизм определяется как привлечение общественных сил к принудительным насильственным действиям наперекор нынешнему политическому или социальному строю. Экстремистскую деятельность могут реализовывать любые люди, независимо от их пола, возраста, национального звена, религиозной принадлежности, социального статуса и т. д. Единичные участники экстремистской деятельности были заменены организованными группами, чья активность была направлена первоначально на молодежь.

Экстремистские проявления носят довольно широкий и разноплановый характер. Их можно классифицировать по устремлениям: на политический, экономический, духовный, религиозный, националистический, экологический и другие.

На современном этапе экстремизм день ото дня демонстрирует всю мощь и несомненную опасность для человечества, вторгаясь в права и свободы граждан.

Черты экстремизма носят явный характер, и сами люди являются носителями рассматриваемой деятельности. Обратим внимание на центральные из них: острый эгоизм, отсутствие понимания боли и утрат, отторжение любого рода мирного соглашения, не вызывающий сомнений социальный маргинализм, враждебное отношение к иным государствам и народам.

Россия – многонациональная страна, народ которой имеет в своем составе невероятное количество культур, традиций, определенных установок и ориентаций взаимодействия, реализующих удовлетворение потребностей и интересов, посредством наличия материальных и духовных условий существования наций. И именно столкновение наций чаще всего порождает конфликты с дальнейшими последствиями в виде терроризма.

Экстремизм негативно воздействует на социум, затрагивая все сферы общественной жизни. Значительная часть экстремистских преступлений приходится на неформальные молодежные объединения. Основа проблемного вопроса молодежного экстремизма состоит в нарастающем кризисе в экономической сфере, окружившем Российскую Федерацию с истоков распада СССР. Молодежная среда при этом относится к наиболее подверженным влиянию субъектам, быстро поддающимся общественным волнениям. Статистика указывает на то, что субъектами преступлений экстремистской направленности в основном являются лица мужского пола до 30 лет и несовершеннолетние дети.

Личностно-психологические черты подобных нарушителей закона характеризуются психофизиологическими особенностями лица. Пол, возраст, профессия, круг интересов, семейное положение рассматриваются в качестве основных показателей, влияющих на поведение человека. Психологические черты – нравственные, интеллектуальные и волевые признаки. Портрет террориста (экстремиста) формируется при знании общей картины свойств личности. Интересен тот факт, что человек привлекается в террористические организации не из-за каких-либо возникших социальных обстоятельств, а посредством наличия у него «нужных» устойчивых отличительных черт и социальных качеств. Ф. Форсайт называет террориста ребенком, видящим мир в черно-белых тонах. Ученые также отмечают занимательные типы террористов: религиозный фанатик, спортивный фанат, радикальный националист [4, с. 18.]. Общение террористов между собой может быть непонятно многим людям, не относящимся к преступным организациям. Их речь отличается отборной руганью, воинственными угрозами, непосредственными преувеличениями и крайностями, непонятными для «непосвященных».

Исходя из сказанного выше, вытекают следующие особенности экстремизма среди молодежи. Во-первых, экстремизм возникает в пограничном обществе, в котором доминирует несформировавшаяся позиция и незрелые взгляды на жизнь; во-вторых, экстремизм, как правило, характеризуется низким уровнем чувства собственного достоинства, самооценки; в-третьих, наличием у молодых преступников черты вооруженности; в-четвертых, серьезным свойством молодежных группировок является позиция возражения любым преобразованиям в обществе. Причины роста числа преступных молодежных организаций обуславливаются социально-

политическими факторами, связанными с культурно-воспитательными сложностями молодого поколения: разрушение моральных норм; криминальный круг общения; превосходство развлекательных стремлений над социально-положительными; болезненное отношение к учебно-воспитательному воздействию; недостаточное воспитание в школьной и семейной среде; рост национализма и сепаратизма.

Подытоживая изложенное выше, напрашивается вывод о том, что любые террористические организации представляют опасность для государства, поскольку обладают четкой структурированностью, вооружением, экипировкой и конкретными целями. В целях профилактики экстремистских и террористических актов требуется эффективный подход к реализации противодействия, раскрывающийся в ужесточении борьбы с финансированием экстремизма, совершенствовании правовой базы, выявлении и устранении причин и условий экстремизма при консолидации усилий как со стороны государств, так и всего мирового сообщества.

Список библиографических ссылок

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 г.: офиц. сайт МВД России. URL.: [https:// https://mvd.pf/reports/item/47055751/](https://mvd.pf/reports/item/47055751/) (дата обращения: 21.05.2024).
2. Бельский В. Ю., Сацута А. И. Терроризм как социально-политическое явление. Противодействие в современных условиях: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 367 с.
3. Миронов С. Н. Противодействие органов внутренних дел экстремизму и терроризму: учеб. пособие / под ред. Ф. К. Зиннурова. М.: ДГСК МВД России, 2018. 144 с.
4. Кораблев С. Е., Талынев В. Е. Социально-психологические аспекты современного экстремизма: учеб. пособие. М.: ДГСК МВД России, 2014. 95 с.

© *Малявина А. Б.*, 2024

Организация работы по профилактике экстремизма в современной общеобразовательной школе

Проблема противодействия правонарушениям экстремистского характера весьма актуальна сегодня как для мира в целом, так и для Российской Федерации в частности. Мы постоянно слышим о резонансных террористических актах (терроризм является наиболее опасной формой экстремизма) и о менее значительных, на первый взгляд, фактах экстремистского поведения. Различные проявления русофобии, исламофобии, антисемитизма, трения и конфликты на этнической и религиозной почве, бесцеремонное вторжение в нашу жизнь таких, казалось бы, далеких друг от друга явлений, как субкультура криминального мира с одной стороны и агрессивная ЛГБТ¹-пропаганда с другой, создают негативный фон нашего повседневного существования. Пока все перечисленное скорее исключение, чем правило. Но фиксируемые криминологами и социологами тенденции весьма тревожны.

Одной из приоритетных мишеней для внедрения в сознание социума экстремистских идеологий становятся дети и подростки школьного возраста. Следует признать, что этому способствуют некоторые особенности подростковой психики. Юные граждане еще не обладают необходимыми знаниями и приходящим лишь со временем социальным опытом. Наивность сочетается у них с максимализмом, стремлением решить все вопросы и проблемы здесь и сейчас, используя для этого самые простые средства, с готовностью двигаться к цели кратчайшим путем, не обращая внимания на препятствия.

В подростковом возрасте, когда социализация индивида далеко не завершена и только идет становление личности, человек крайне нуждается во внимании, принятии, признании, нуждается в том, кто его поддержит и направит, не становясь при этом умудренным годами наставником. Об этом прекрасно знают (и активно пользуются) идеологи и «эмиссары» разного рода экстремистских структур. Имеет значение и то, что подростки предельно остро ощущают «несправедливость» окружающего мира, в котором богатство и бедность, права и обязанности, ответственность и свобода распределены далеко не идеально. На этом естественном стремлении сделать мир лучше, противопоставить «прогнившему» обществу некий «прекрасный новый мир» тоже могут «сыграть» рекрутеры радикальных организаций.

Исходя из сказанного, очевидно, что именно в рамках общеобразовательной школы нужна максимально продуманная, планомерная, комплексная, интенсивная работа, направленная на профилактику экстремизма и купирование деструктивного воздействия соответствующих идеологий на обучающихся. Эта работа ведется педагогическими коллективами, школьным образовательным сообществом в целом. Но, несмотря на все усилия, до окончательного решения проблемы еще очень далеко.

¹ Движение признано экстремистским на территории Российской Федерации.

Причины следует искать как в пробелах в самой указанной работе, так и во влиянии целого ряда объективных обстоятельств. К последним можно отнести:

1. Недостаток материально-технических, финансовых и – прежде всего – кадровых ресурсов. Постоянно растущая (по крайней мере, в Волгоградской области) нехватка педагогов приводит к тому, что их основные усилия сосредотачиваются на учебной работе (обеспечение выполнения программы), воспитательная работа отходит на второй план.

2. Значительное (и постоянно растущее) количество детей из семей мигрантов, далеко не всегда готовых адаптироваться к новому для них обществу и культуре (а то и прямо отрицающих, в том числе под влиянием родственников, такую необходимость).

3. Отсутствие (в ряде случаев) помощи и поддержки со стороны родителей, иных законных представителей, семьи школьника в целом. Многие современные «родители» искренне считают, что заботу о воспитании их ребенка целиком и полностью должна взять на себя школа, работники которой «за это получают зарплату». В такой ситуации любые воспитательно-профилактические усилия со стороны педагогов просто бесполезны.

4. Негативное влияние средств массовой информации (прежде всего Интернета) и различных социальных сетей, в том числе функционирующих на платформе того или иного мобильного приложения. Несмотря на все усилия правоохранителей и педагогов, экстремистский контент в них остается легкодоступным, в том числе несовершеннолетним.

Тем не менее делается достаточно много. Ниже хотелось бы кратко осветить опыт работы по противодействию экстремизму школы № 101 Дзержинского района Волгограда.

Огромная работа ведется для обеспечения безопасного пользования обучающимися сетью Интернет. Педагогический коллектив с ознакомлен с Федеральным законом от 29.12.2010 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», с иными нормативными документами по организации безопасного доступа к сети Интернет. Осуществляется сверка электронных ресурсов, доступных для обучающихся в сети Интернет в образовательном учреждении. Внедрены и используются программно-технические средства, обеспечивающие исключение доступа обучающихся к ресурсам сети Интернет, содержащим информацию, не совместимую с задачами образования и воспитания, контент-фильтрация интернет-трафика.

На сайте школы размещены ссылки на электронные адреса по проблемам информационной безопасности для всех участников образовательного процесса, а также методические рекомендации по темам: «Кибербезопасность в сети Интернет», «Деструктивное воздействие на личность в сети Интернет: виды и признаки», «Кибербуллинг: характеристики и основные виды». Изготовлены и распространены памятки и буклеты по безопасному доступу в Интернет. Проводится регулярное анкетирование обучающихся и их родителей по соблюдению правил безопасного поведения в интернет-пространстве. Родителей стимулируют использовать услугу «Родительский контроль», позволяющую устанавливать ограничения доступа

к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, с ними проводятся беседы о безопасном пребывании несовершеннолетних в интернет-пространстве.

Обучающимся разъясняются угрозы и опасности, связанные со вступлением и участием в деятельности разного рода экстремистских интернет-сообществ («Синий кит» и т. п.).

В тематику педагогических советов и совещаний включены вопросы информационной безопасности детей при использовании ресурсов сети Интернет, профилактики интернет-зависимости, игровой зависимости, правонарушений и экстремизма, использование информационно-телекоммуникационных технологий, формирование у несовершеннолетних навыков ответственного безопасного поведения в современной информационно-телекоммуникационной среде.

Проводится систематическая сверка перечня литературы в школьной библиотеке с Федеральным списком экстремистских материалов, при необходимости – изъятие из библиотеки соответствующих изданий.

С учащимися проводятся регулярные беседы по профилактике экстремистских проявлений, а со старшеклассниками – о недопустимости участия в несанкционированных митингах.

Уделяется значительное внимание формированию у обучающихся представлений о терроризме как о чудовищной, преступной практике. С этой целью проводится Единый урок памяти «Мы помним тебя, Беслан!». Весь коллектив школы объединяет День солидарности в борьбе с терроризмом.

Отдельный цикл мероприятий направлен на укрепление межнациональных и межконфессиональных связей и отношений, сплочение российского народа. Проводится Неделя психологической и социальной активности «Толерантность», мероприятия, посвященные Дню народного единства и согласия, Международный день против фашизма, расизма и антисемитизма, Международный день памяти жертв Холокоста, Единый классный час «Молодежь за межнациональное согласие».

Проводятся мероприятия, подчеркивающие красоту и богатство русского языка, его важность как средства межнационального общения и приобщения к великой русской культуре (Международный День русского языка, День славянской письменности и др.).

Ведется индивидуальная психологическая работа, выявляются учащиеся с высоким уровнем тревожности и депрессии, оказавшиеся в сложной жизненной ситуации (систематическое наблюдение, опросы, анкетирование). Среди учащихся с этой целью проводится социально-психологическое тестирование. Вопросы, связанные с профилактикой экстремизма, противоправной деятельностью, регулярно рассматриваются на классных и общешкольных родительских собраниях.

Все перечисленные мероприятия позволяют минимизировать вовлечение обучающихся в экстремистскую деятельность, избежать совершения ими правонарушений экстремистской направленности. Однако до окончательного решения обозначенной проблемы еще очень далеко. Нужно интенсифицировать соответствующую работу, искать ее новые формы и методы.

**Несообщение о преступлениях террористической направленности:
проблемные вопросы уголовной ответственности**

Статья 205.6 «Несообщение о преступлении» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) появилась в российском уголовном законодательстве в 2016 г. [1]. Ее появление сразу же вызвало ряд научных дискуссий и критических замечаний представителей российской уголовно-правовой науки, связанных как с целесообразностью появления данной нормы, так и с особенностями ее законодательной конструкции. За девять лет существования нормы единое мнение по спорным вопросам так и не сложилось. Прошедшие годы дают возможность проанализировать динамику данного преступления: в 2016 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано 2 преступления, предусмотренных ст. 205.6 УК РФ, в 2017 г. – 34, в 2018 г. – 81, в 2019 г. – 110, в 2020 г. – 113, в 2021 г. – 124, в 2022 г. – 101, в 2023 г. – 102 [2]. Таким образом, за первые семь лет существования новой нормы наблюдался последовательный рост количества регистрируемых преступлений, в последние два года – незначительное снижение.

В статье 205.6 УК РФ предусмотрена ответственность за несообщение в органы власти о лице (лицах), готовящих, совершающих или совершивших одно из преступлений, исчерпывающий перечень которых дается в диспозиции рассматриваемой нормы. В перечень преступлений, несообщение о которых влечет уголовную ответственность, вошли преступления против общественной безопасности, против основ конституционного строя и безопасности государства, против мира и безопасности человечества. Все они относятся к преступлениям террористической направленности, однако при этом обладают различной общественной опасностью и относятся как к тяжким и особо тяжким преступлениям, так и к преступлениям средней тяжести.

Анализ судебных решений, принятых по уголовным делам в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ст. 205.6 УК РФ, показывает, что в большинстве случаев к ответственности привлекаются лица, в отношении которых совершаются преступления, связанные с призывом к террористической деятельности, пропагандой терроризма (ст. 205.2 УК РФ), организацией террористического сообщества и участием в нем (ст. 205.4 УК РФ), организацией незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК РФ). То есть это лица, в отношении которых осуществлялась пропаганда терроризма, а также те, кого вовлекали в совершение преступлений террористической направленности.

Так, приговором Ленинского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан N. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 205.6 УК РФ. Преступление было совершено им при следующих обстоятельствах: в апреле 2023 г. X.1 и X.2, создавшие террористическое сообщество и незаконное

вооруженное формирование, действуя умышленно, путем уговоров и словесных убеждений, воздействуя на религиозные чувства Н., студента Дагестанского Государственного Университета, демонстрируя имевшиеся при себе ножи, склоняли его к совершению преступлений, предусмотренных ст. 205.4, 208 УК РФ, т. е. к участию в созданном ими террористическом сообществе и вооруженном формировании, не предусмотренном федеральным законом, совершив тем самым преступление, предусмотренное ст. 205.1 УК РФ. Воздействие на Н. продолжилось во время совместного нахождения Х.1, Х.2 и Н. в мечети, а также во время переписки с ним в мессенджере Whats App¹. Таким образом, Н. достоверно знал, что Х.1 и Х.2 совершают преступления, предусмотренные ст. 205.1, 205.4 и 208 УК РФ. Н., имея реальную возможность, не сообщил об этом в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, и тем самым совершил преступление, предусмотренное ст. 205.6 УК РФ [3]. В ряде случаев несообщение о деятельности лиц, осуществляющих пропаганду терроризма, сопровождается дачей ложных показаний с целью помочь этим лицам избежать уголовной ответственности [4].

Таким образом, за преступление, предусмотренное ст. 205.6, в основном привлекаются лица, на которых подействовала осуществленная террористическая пропаганда, но которые сами еще не осуществили конкретных преступлений террористической направленности.

Полагаем, что такое применение данной нормы не в полной мере обеспечивает достижение целей уголовно-правового воздействия. Криминализация несообщения о преступлении представляет собой возврат одной из форм прикосновенности к преступлению, от уголовной ответственности за которую российский законодатель отказался при принятии УК РФ 1996 г. Основной задачей привлечения к ответственности лиц, прикосновенных к преступлению (укрывательство преступления, несообщение о преступлении, попустительство преступлению) является уголовно-правовая охрана интересов правосудия. Прикосновенные деяния связаны с сокрытием основного преступления от правосудия и способствуют уклонению лиц, совершивших основное преступление, от применения мер уголовно-правового воздействия.

Считаем, что в гл. 31 «Преступления против правосудия» необходимо систематизировать все нормы, регламентирующие ответственность за конкретные виды прикосновенности. Именно данный подход будет способствовать выработке наиболее оптимальных законодательных конструкций, даст возможность оценить пробельность или избыточность в регламентации, позволит максимально полно реализовать принцип справедливости при установлении вида и размера наказания за рассматриваемые преступления.

Так, например, комплексный анализ норм об укрывательстве преступлений и несообщении о преступлении как смежных преступлений, посягающих на один и

¹ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории Российской Федерации.

тот же непосредственный объект, позволил бы избежать тех недостатков, связанных в первую очередь с нарушением системности уголовного законодательства, которые были допущены при создании нормы, предусмотренной ст. 205.6 УК РФ «Несообщение о преступлении». Было бы целесообразно установить в данной норме ответственность за несообщение в органы власти информации не только о лицах, готовящих, совершающих или совершивших преступление, но и о самом известном готовящемся или совершенном преступлении. Кроме того, если государство после двадцатилетнего перерыва вернулось к установлению ответственности за несообщение о преступлении и признало данное деяние обладающим соответствующей общественной опасностью, было бы логично установить ответственность за несообщение о всех особо тяжких преступлениях. С учетом специфики преступлений террористического характера в части второй соответствующей статьи целесообразно установление ответственности за несообщение о данных преступлениях иной категории с закреплением их исчерпывающего перечня.

Еще одного недостатка при криминализации несообщения о преступлении можно было бы избежать, если провести ретроспективный историко-правовой анализ отечественного законодательства, предусматривавшего ответственность за недонесение о преступлении. В примечании к ст. 205.6 УК РФ указано, что «лицо не подлежит уголовной ответственности за несообщение о подготовке или совершении преступления его супругом или близким родственником». Однако российский законодатель, устанавливая ответственность за недонесение о преступлении, всегда исключал из круга субъектов данного преступления и священнослужителей применительно к информации, ставшей им известной из исповеди. Полагаем, что такое дополнение примечания к ст. 205.6 УК РФ является необходимым и обоснованным.

Список библиографических ссылок

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Состояние преступности за 2016–2023 годы. М.: ГИАЦ МВД России, 2024.
3. Приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан от 19 декабря 2023 г. по делу № 1-1019/2023 // Sudact.ru: база данных судебных решений. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 15.06.2024).
4. Приговор Ленинского районного суда г. Ставрополя (Ставропольский край) от 4 декабря 2023 г. по делу № 1-555/2023 // Sudact.ru: база данных судебных решений. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 15.06.2024).

© Намнясева В. В., 2024

**Уголовно-правовое противодействие
криминальным лидерам в контексте ответственности
за преступления экстремистской направленности
в отечественном законодательстве первой четверти XX века**

К началу XX в. реформы, проведенные во второй половине предшествующего столетия, включая отмену крепостного права 1861 г., обострили классовые противоречия и вызвали необходимость принятия нового уголовного закона и реформирования тюремной системы. Постоянно увеличивавшееся число осужденных к тюремному заключению в конце XIX – начале XX в. и недостаточное финансирование уголовно-исполнительной системы приводили к повышению концентрации преступников в местах лишения свободы [1] и, соответственно, быстрому развитию организованной преступности и криминальной субкультуры, выделению наиболее опасных криминальных лидеров.

Под криминальным лидером или лидером преступной среды автор понимает:

1) организатора преступления по смыслу ч. 3 ст. 33 УК РФ, исходя из его функций и роли в соучастии (поскольку любой организатор обладает лидерскими качествами, позволяющими устроить совместную деятельность других соучастников и руководить ею);

2) иное лицо, которое обладает авторитетом в преступной среде и способно влиять на криминальную деятельность ее членов, пусть даже непосредственно не организует совершение преступления и не руководит им, а также не создает организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) [2].

В соответствии с этим преступное лидерство может включать в себя два аспекта – функциональный (связанный с организационной деятельностью лидера) и идеологический (связанный с использованием лидером своего авторитета для влияния на других членов преступной среды без участия в совершении преступлений), которые могут содержаться в общественно опасном поведении как вместе, так и по отдельности.

Уголовное уложение 1903 г., заменившее Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., среди соучастников преступления не называет организатора, т. е. не обособляет функционального преступного лидера, однако совершенствует положения закона о шайках и сообществах в части, касающейся целей их создания (ст. 102, 124–126, 279).

Вместе с тем ответственности за идеологическую составляющую преступной деятельности Уложение, как видится, отводит самостоятельные нормы. Так, ст. 129–133 гл. 6 «О смуте» устанавливают уголовную ответственность за возбуждение «бунтовщических» настроений, распространение учений, суждений и речей, подстрекающих к смене власти, совершению тяжких преступлений, неповиновению закону, а также за публичное «восхваление тяжкого

преступления» и др. Строго говоря, Уложение 1903 г. предусматривает ответственность за подстрекательские действия, а не организаторские. Однако по характеру реакции государства на возможное распространение опасной для него идеологии, революционных идей и их предполагаемое влияние на поведение угнетаемых слоев населения указанные положения сопоставимы с первыми попытками церкви установить ответственность за пропаганду еретической идеологии, способной противостоять авторитету церковной и государственной власти, наблюдавшемуся в нормах Устава князя Ярослава Мудрого о церковных судах. Разумеется, являясь дореволюционным источником права, Уложение 1903 г. содержит отдельную гл. 2 «О нарушении ограждающих веру постановлений» с перечнем преступлений против православной веры и порядка вероисповедания, однако признание повышенной общественной опасности идеологического криминального лидерства усматривается в данном законе уже не в указанных преступлениях, а именно в названных выше деяниях в гл. 6.

Таким образом, Уголовное уложение 1903 г. является источником правовых мер противодействия идеологическому преступному лидерству в части установления ответственности за преступления революционного характера, которые напоминают современные преступления экстремистской направленности.

В УК РСФСР 1922 г. обособления функционального преступного лидера (организатора преступления) в общих нормах о соучастии также не происходит. Однако в Особенной части предусмотрена уголовная ответственность за организацию ряда преступных деяний, которые, применив современную терминологию, можно назвать преступлениями экстремистской направленности (статья 58), террористической направленности (ст. 64, 65), а также вооруженных массовых беспорядков (ст. 75), банды – вооруженной шайки (ст. 76), отказа от уплаты налогов (ст. 78) и др., с дифференциацией наказания организаторов, руководителей и подстрекателей (они подлежат наказанию более строгому, чем другие соучастники).

Идеологическое криминальное лидерство по УК РСФСР 1922 г. также является уголовно наказуемым в ряде случаев. Смена власти в государстве в результате революций 1917 г. не повлияла на продолжение тенденции Уголовного уложения 1903 г. признавать повышенную общественную опасность организации преступлений против государственной власти и порядка управления. Так, УК РСФСР 1922 г. в статьях гл. 1 «Государственные преступления» предусматривал ответственность за организацию контрреволюционных преступлений и ряда преступлений против порядка управления, сопоставимых с современными преступлениями экстремистской направленности. Примечательным в тексте УК РСФСР 1922 г. также являются упоминания о профессиональных преступниках. Так, рецидив и криминальный профессионализм в обязательном порядке теперь должны были учитываться при определении меры наказания.

Примерно в этот же период советские криминологи и криминалисты исследуют природу профессиональной преступности, ее типичных представителей [3; 4], их отличия от рецидивистов [5]. Делаются выводы о связи профессиональной

преступности с организованной преступностью и криминальной субкультурой, о наличии особого типа преступников, способных занять «верхи иерархической лестницы преступного мира» [6, с. 6]. Это свидетельствует о научном признании как функционального, так и идеологического аспектов преступного лидерства на рассматриваемом этапе.

Однако в целом согласимся с И. Е. Горемычкиным в том, что приход большевиков к власти обусловил первоочередность борьбы с преступлениями, совершенными в соучастии, как формой участия в контрреволюционных заговорах и организациях [7]. Уголовное законодательство на данном этапе носит яркую политическую окраску и направлено прежде всего на защиту новой власти от антисоветских выступлений. Это подтверждается:

- содержанием некоторых Обращений и Декретов советской власти 1917–1918 гг., провозглашающих борьбу с «врагами народа» (Обращение Второго Всероссийского съезда Советов к казакам, Обращение «Ко всему населению» о борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина и Дутова, Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции[8]);

- характером установленных наказаний за преступления, подсудные Революционному Трибуналу (объявление виновного врагом народа, лишение его всех или некоторых политических прав) [9];

- исключением осужденных за участие в заговорах, шпионаже и открытых вооруженных преступлениях, а также деятелей антисоветских политических партий из списка амнистированных в 1921 г. [10];

- включением в УК РСФСР 1922 г. перечня контрреволюционных преступлений в гл. I «Государственные преступления».

Таким образом, идеологическое преступное лидерство на рассматриваемом этапе развития уголовного законодательства по объективным причинам подлежит наказанию преимущественно в контексте совершения преступлений экстремистской направленности. Между тем наука того времени признает общественную опасность криминального лидерства в целом, вне зависимости от направленности преступной деятельности.

Список библиографических ссылок

1. Российское законодательство X–XX вв. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М.: Юрид. лит., 1994. 352 с.
2. Сысолина Н. С. Тенденции развития отечественного уголовного законодательства об ответственности лидеров преступной среды периода X–XVI веков // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 45–52.
3. Якимов И. Н. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое изд., перепеч. с изд. 1925 г. М.: ЛексЭст, 2003. 496 с.
4. Познышев С. В. Криминальная психология: Преступные типы. Ленинград: Гос. изд-во, 1926. 255 с.

5. Гродзинский М. М. Рецидив и привычная преступность // Право и Жизнь. М., 1923. Кн. 5–6. С. 50–68.
6. Преступный мир Москвы: сб. ст.: с фотографиями, рисунками и диаграммами / под ред. и с предисл. проф. М. Н. Гернета. М.: Право и Жизнь, 1924. 248 с.
7. Горемычкин И. Е. Уголовно-правовые нормы о групповых преступлениях в институте соучастия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 201 с.
8. Декреты Советской власти. Т. I: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. М.: Политиздат, 1957. 640 с.
9. О Революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний: инструкция Наркомюста РСФСР от 19.12.1917. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
10. Об амнистии: декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 4 ноября 1921 г. // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1921. 6 нояб. № 250. URL: <https://docs.historyrussia.org> (дата обращения: 10.01.2024).

© Сысолина Н. С., 2024

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Аммалайнен Виктория Алексеевна, адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России. E-mail: ammalaynen@yandex.ru.
2. Ануфриева Евгения Владимировна, доцент кафедры «История, культура и социология» Волгоградского государственного технического университета, кандидат философских наук, доцент. E-mail: ev_anufrieva@mail.ru.
3. Байкова Анастасия Петровна, курсант 311 учебного взвода 3 курса института подготовки сотрудников для органов предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. E-mail: aleks-zalivin@mail.ru.
4. Барабанова Анастасия Александровна, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. E-mail: abar1293@mail.ru.
5. Батурина Наталия Игоревна, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: nataliya_baturina@mail.ru.
6. Боренов Алим Юрьевич, старший преподаватель кафедры физической подготовки Волгоградской академии МВД России. E-mail: vip.borenov@mail.ru.
7. Бугера Наталья Николаевна, начальник кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: knn76.76@icloud.com.
8. Виноградова Ольга Павловна, доцент кафедры криминалистики Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: olga10vin@mail.ru.
9. Войтов Александр Владимирович, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат социологических наук, доцент. E-mail: alexvoy@mail.ru.
10. Гаджиев Артем Рамизович, студент группы АТП-121, факультета автоматизированных систем, транспорта и вооружений Волгоградского государственного технического университета. E-mail: gadzhiev_artem05@mail.ru.
11. Гладков Дмитрий Викторович, старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России. E-mail: Dmitri-don-55@mail.ru.
12. Голятина Светлана Михайловна, доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук. E-mail: svetlanagolyatina6363@mail.ru.
13. Демидов Николай Николаевич, профессор кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук, доцент. E-mail: demidovnick@yandex.ru.
14. Дмитриева Анастасия Андреевна, курсант 4 «К» курса ФПЭКиОСП Волгоградской академии МВД России. E-mail: ils1701@mail.ru.

15. Жуланов Александр Владимирович, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат педагогических наук. E-mail: sandrik@111mail.ru.

16. Заливин Александр Николаевич, доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации. E-mail: aleks-zalivin@mail.ru.

17. Захарья Ильяс Тюлюгенович, старший преподаватель кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России. E-mail: ils1701@mail.ru.

18. Князева Софья Игоревна, курсант 3 курса 112 учебного взвода факультета подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом Санкт-Петербургского университета МВД России. E-mail: sofya.knyazeva.2021@bk.ru.

19. Кобылкин Роман Александрович, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук, доцент. E-mail: roman.kobylkin@mail.ru.

20. Козаренко Юлия Игоревна, доцент кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук. E-mail: 4ernika87@mail.ru.

21. Котлярова Оксана Николаевна, преподаватель кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России. E-mail: stanovskaya1987@mail.ru.

22. Котов Роман Дмитриевич, курсант 4 «Г» курса ФПЭКиОСП Волгоградской академии МВД России. E-mail: roman.kobylkin@mail.ru.

23. Кошкина Валентина Викторовна, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. E-mail: valentina_koshkina@rambler.ru.

24. Краинская Галина Сергеевна, преподаватель кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России. E-mail: g.krainskaya@yandex.ru.

25. Крючков Сергей Валентинович, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук, доцент. E-mail: tkrasota@yandex.ru.

26. Лихолетов Александр Александрович, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: A.Likholetov@mail.ru.

27. Лушников Дмитрий Александрович, заведующий кафедрой социологии Северо-Кавказского федерального университета, доктор социологических наук, профессор. E-mail: keremet2000@mail.ru.

28. Малявина Анна Борисовна, научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Ростовского юридического института МВД России, кандидат политических наук. E-mail: vicktoria22@mail.ru.

29. Матвиенко Евгений Алексеевич, начальник кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук, доцент. E-mail: matvment@mail.ru.

30. Матвиенко Татьяна Николаевна, директор, учитель истории и обществознания МОУ СШ 101 Волгограда, кандидат педагогических наук. E-mail: tatyana_matvienk@mail.ru.

31. Намнясева Виктория Вячеславовна, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: namn.viktoriya@yandex.ru.

32. Михайлов Михаил Яковлевич, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России. E-mail: biofmm@gmail.com.

33. Мкртчян Сона Мартirosовна, прокурор отдела по надзору за следствием в органах внутренних дел управления по надзору за уголовно-процессуальной деятельностью прокуратуры Волгоградской области, кандидат юридических наук. E-mail: s.mkrtchian1992@mail.ru.

34. Самарский Александр Николаевич, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России. E-mail: samarsky_an@mail.ru.

35. Сысолина Наталия Сергеевна, старший преподаватель кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России. E-mail: sns.va-mvd@mail.ru.

36. Федосеев Петр Сергеевич, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: civilp@yandex.ru.

37. Фролов Вячеслав Валерьевич, курсант 2 «А» курса ФПС Волгоградской академии МВД России. E-mail: vitorio.sinero@mail.ru.

38. Чумаченко Арина Юрьевна, преподаватель кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России. E-mail: 706arisha@bk.ru.

39. Ширалиев Ильхам Сабзалиевич, директор Департамента противодействия коррупции Свердловской области, член Правительства Свердловской области. E-mail: i.shiraliiev@egov66.ru.

Научное издание

ГРАЖДАНСКОЕ,
УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО:
МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ СВЯЗИ
В МЕХАНИЗМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Сборник научных трудов

Межведомственной научно-практической конференции
«Гражданское, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство:
межотраслевые связи в механизме противодействия преступности»

Волгоград, 11–12 апреля 2024 г.

Всероссийской научно-практической конференции
«Политические, идеологические и правовые аспекты
противодействия экстремизму.

Проблемы квалификации и расследования преступлений
экстремистской направленности»

Волгоград, 28 июня 2024 г.

Редакторы А. Н. Гайворонская-Кантомирова, А. М. Мачнева,
Е. О. Степаненко, Т. В. Рассказова, Н. Ф. Руденко,
Компьютерная верстка Н. А. Доненко
Дизайн обложки Н. А. Доненко

Волгоградская академия МВД России.
400075, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Редакционно-издательский отдел.
400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.

Подписано к использованию 28.12.2024. Объем 0,7 Мб.
Тираж 10. Заказ 78.

ОПиОП РИО ВА МВД России. 400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.